

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

5

БАКУ • 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1987

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TÜRKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tennishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), I. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyeu (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdzanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СССР ЗА СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ*

Тюркское языкознание в России как наука уходит своими корнями в XIX в., однако наибольшего развития оно достигло при Советской власти. Первые шаги советской тюркологии были связаны с решением неотложных задач языкового строительства, обусловленных небывало быстрым подъемом просвещения, образования и культуры тюркоязычных народов; за сравнительно недолгое время для бесписьменных языков разрабатывалась письменность, закладывались основы литературных языков, а для языков, имевших письменность, совершенствовались алфавиты, орфографии, терминологии. Создание тюркоязычных национальных республик и областей со своими академиями наук, научно-исследовательскими институтами тюркологического профиля и сетью высших учебных заведений способствовало выдвижению множества новых научных проблем и подготовке большого отряда квалифицированных кадров тюркологов. С каждым годом все острее чувствовалась необходимость целенаправленной и эффективной координации тюркологических работ, выполняемых многочисленными языковедческими центрами и учреждениями Советского Союза; на начальном этапе координационная работа осуществлялась научными учреждениями Москвы, Ленинграда и некоторыми тюркологическими центрами республик. Теперь эта функция возложена на Институт языкознания АН СССР, Советский комитет тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и журнал «Советская тюркология».

I

За прошедшие семьдесят лет тюркские языки Советского Союза достигли высокого уровня функционального развития как языки пяти союзных республик, шести автономных республик, двух смешанных автономных республик, двух автономных областей, одной смешанной автономной области, одного смешанного автономного округа.

В настоящее время каждый третий письменно-литературный язык Советского Союза—тюркский. По количеству носителей тюркские язы-

* Авторы разделов—сотрудники Института языкознания АН СССР: Н. А. Баскаков (IV, VII), Г. Ф. Благова (VIII, XI), Н. З. Гаджиева (IX—при участии Е. З. Кажобекова, X), А. В. Дыбо (XIV), И. В. Кормушин (XIII), Л. С. Левитская (XV), К. М. Мусаев (I, II, III), Е. А. Попелуевский (V), Э. Р. Тенишев (XII), А. А. Чеченов (VI—при участии Е. З. Кажобекова).

ки занимают второе место после восточно-славянских: в середине 1983 г. число говорящих на этих языках составило около 44 млн. человек.

В результате планомерного и целенаправленного осуществления Советским государством ленинской национальной политики письменные тюркские языки народов СССР достигли уровня высокоразвитых литературных языков, а это поставило перед языковедами-тюркологами совершенно новые задачи, требующие от исследователя высокой профессиональной и теоретической подготовки. Определенные успехи достигнуты в разработке таких проблем, как особенности функционального развития тюркских языков в советскую эпоху, нормализация литературных языков, социальная дифференциация тюркских языков, социолингвистическая типология, взаимодействие языков в республиках. Разоблачались извращения и фальсификация нашими идеологическими противниками сути национально-языкового строительства в СССР. Вместе с тем тюркологам еще предстоит перейти от преобладающих в настоящее время описательных и декларативных работ к подлинно научным и глубоким теоретическим обобщениям.

По данным переписи населения 1979 г., процент овладевших русским языком по сравнению с 1970 г. значительно возрос во всех тюркоязычных республиках. Однако вместе с тем стало больше и число лиц (в абсолютных величинах), признавших родным языком язык своей национальности, что свидетельствует о возрастании в этих республиках роли не только русского, но и родных языков.

Функциональное развитие тюркских языков происходило неравномерно как по республикам, так и по периодам развития советского общества. Наибольшего развития они достигли в последнее тридцатилетие, что связано с бурным ростом экономики и расцвета культуры в республиках, с появлением нового поколения кадров в различных отраслях народного хозяйства. Однако проблема периодизации функционального развития тюркских языков все еще относится к ряду недостаточно разработанных. Во многих книгах и статьях по тюркской социолингвистике явно возобладала тенденция завышения оценок достигнутого функционального развития тюркских языков, создавалось полное представление об отсутствии проблем в национальных языковых взаимоотношениях, при этом не учитывался рост национального самосознания, с одной стороны, и появление национального нигилизма—с другой. Нельзя закрывать глаза на то, что в ряде республик и областей недооцениваются возможности функционирования тюркских языков в самых значимых социальных сферах, что привело к застою в их функциональном развитии, к снижению функции межнационального общения внутри республик.

Представления некоторых теоретиков-обществоведов и руководителей ряда республик о быстрой интернационализации и смешении языков, о скором отмирании большинства национальных языков обусловили ослабление усилий по расширению и укреплению функционального статуса многих тюркских языков. Отсутствие целенаправленной программы обучения населения на национальном и русском языках усугубляло национально-языковые «перекосы» и создавало сложные языковые ситуации в отдельных республиках.

Углубленное и объективное научное изучение вопросов функционирования тюркских языков в различных сферах общественной деятельности их носителей—одна из актуальных задач тюркологии. Эти вопросы даже в отношении языков союзных республик исследуются недостаточно, не говоря уже о языках автономных республик и областей, а

также других тюркских языков, носители которых живут среди народов, имеющих национальную автономию. В структуре последней группы языков инноваций больше, чем в структуре языков союзных республик, но в социалингвистическом плане эти инновации не изучаются.

В советское время возник новый тип языковой ситуации—в связи с развитием тюркско-русского двуязычия. Русский язык стал языком межнационального общения не только между тюркоязычными и нетюркоязычными народами, но и между разными тюркоязычными народами. Это вызывает необходимость развертывания исследований по проблеме функционирования тюркского и русского языков в каждой из республик и областей в различных сферах жизни, разделения ими социальных функций, а также по проблеме тюркско-русского двуязычия. Такие исследования будут иметь как теоретическое, так и большое практическое значение.

Исследование социалингвистических проблем ставит перед «чистой» лингвистикой новые задачи по изучению проблем структурного развития тюркских языков в связи с развитием их общественных функций. Интенсивное расширение сферы коллективной деятельности людей обусловило не только функциональное развитие тюркских языков, но и постоянное совершенствование их структурных компонентов. Наибольшие изменения претерпела лексика—как самый подвижный уровень языка. Перед тюркологами стоит задача всесторонне исследовать эти изменения, не ограничиваясь лишь констатацией русских и интернациональных заимствований. Определенные инновации появились в синтаксисе, словообразовании, в фонетике и орфоэпии. Еще предстоит детальное изучение развития структуры языков. Специального исследования заслуживает дальнейшее развитие языковых стилей и их взаимодействие, общие и специфические черты в инновациях каждого из тюркских языков, обусловленные своеобразием их истории, объема функционирования и т. д.

В связи с широким развитием общественных функций тюркских языков необходимо усилить внимание, в частности, к проблемам культуры родной речи, нормирования литературного языка устной и письменной форм, различных жанровых разновидностей. Требуются научные обоснованные рекомендации—позитивная программа языкового воспитания населения (здесь нельзя ограничиваться запретительством). Вопросы культуры речи заслуживают широкого обсуждения на страницах массовой печати, радио и телевидения.

Таким образом, тюркологам нашей страны еще предстоит целенаправленно разрабатывать многие научно-теоретические и практические проблемы нового языкового явления в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции: функционального и структурного развития тюркских языков, взаимодействия письменной и устной форм литературных языков, совершенствования, упорядочения и систематизации терминологии, взаимодействия тюркских языков с русским, между ними самими и другими языками, проблемы двуязычия и многоязычия с главным его типом—тюркско-русским двуязычием; совершенствования обучения родному и русскому языку, культуры родной и русской речи в условиях республики и области, соотношения сфер функционирования тюркского и русского языков как в разных областях общественной жизни, так и в разных коллективах и др.

II

Главным достижением в разработке и совершенствовании письменности тюркских языков Советского Союза за истекшие семьдесят лет

является плодотворное функционирование двадцати письменных литературных тюркских языков, большая часть которых до установления Советской власти не имела национальной письменности.

Развитие письменности тюркских языков в советскую эпоху прошло три главных этапа, каждый из которых имел свои особенности как в осуществлении поставленных задач, так и в функционировании письменных языков.

На первом этапе (1918—1929) в основном совершенствовались уже существовавшие немногочисленные системы письма на арабской графической основе. Однако простое совершенствование арабского письма не могло удовлетворять требования советского общества в повышении грамотности народов. Этим объясняется перевод (в 1930—1940 гг.) существующих письменностей на латинскую графику и одновременное создание новых письменностей на латинской графической основе для бесписьменных языков. Эта работа была осуществлена под руководством Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦКНТА), преобразованного впоследствии во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА). На этом этапе были созданы новые системы письменности для девяти тюркских языков: некоторые языки, имевшие зачатки письменности на русской графической основе, также перешли на письменность, основанную на латинской графике. Несмотря на тщательность разработки письменностей на латинской графической основе, на их значительную унифицированность в масштабе тюркских и других языков народов СССР, латинское письмо, как оказалось впоследствии, имело тот серьезный недостаток, что создавало нежелательный отрыв изучения родного языка от изучения важного для всестороннего развития малых народов СССР русского языка, который теперь стал языком межнационального общения. Не были учтены также перспективы развития взаимосвязей народов СССР. Все это вскоре закономерно привело к переходу (в 1936—1940 гг.) на письменность с русским алфавитом в качестве основы. В отличие от предыдущего, на этом этапе письменность создавалась специалистами каждой республики самостоятельно, без координирующего участия центральных органов, результатом чего явилось отсутствие унификации передачи специфических фонем, характерных для тюркских языков. Переход облегчил и удешевил бурно развивавшееся издательское дело, способствовал параллельному овладению грамотой на двух языках—на тюркском и русском. И позднее письменности для отдельных тюркских языков (гагаузский, долганский) также создавались на базе русского алфавита при учете создания письменностей для других тюркских языков.

За последнее сорокалетие письменности тюркских языков в основном получили устойчивость и норму, они отвечают основным задачам овладения населением грамотой на родном и русском языках.

В целях осуществления задачи создания письменности для бесписьменных языков советскими тюркологами была проведена большая предварительная работа по изучению фонетического и грамматического строя этих языков. В этом большая заслуга русских ученых. Перед советскими тюркологами по-прежнему стоит благородная задача—показать и объективно оценить ту большую работу, которую проделали представители первого поколения советских тюркологов в каждой республике и области, помощь русской интеллигенции по созданию и совершенствованию тюркских письменностей.

Обретение письменности или переход на новые, более демократич-

ные системы письма позволил ранее отсталым народам приобщиться к современным достижениям образования, науки, социалистической культуры.

Несмотря на большие успехи в разработке и совершенствовании письменностей (на этапе становления советской тюркологии это было главной ее задачей), теория письма еще далека от совершенства. С дальнейшим развитием общества и повышением уровня образованности людей повышаются требования к письму. Этим объясняется традиционное внимание к теоретическим и практическим проблемам письменности, обсуждение учеными и общественностью вопросов алфавитов и орфографии.

В области совершенствования алфавитов предстоит решить следующие задачи: ввести особые буквы для обозначения специфических фонем в алфавиты, в которых таковые отсутствуют (а это приводит к нарушению орфоэпических норм языка); унифицировать обозначение общих для тюркских языков специфических фонем, что сделает более доступным письменный язык того или иного тюркского народа для представителей других тюркских народов.

При совершенствовании орфографий необходимо последовательно использовать научно обоснованные принципы, отказаться от чисто эмпирических подходов. Еще не до конца решены такие вопросы, как степень отражения фонетических явлений речи на письме, правописание сложных слов, количество которых все более возрастает.

Дальнейшего совершенствования требуют и правила пунктуации, особенно—применение таких знаков, как запятая, тире, двоеточие, точка с запятой, что связано с решением ряда вопросов теории тюркского синтаксиса.

Внимательное и заботливое отношение к письменности, к вопросам ее совершенствования должно способствовать поднятию уровня грамотности населения, облегчению овладения литературным языком каждым представителем данного народа.

III

Исследование фонетического строя и фонологической системы тюркских языков на начальном этапе развития советского тюркского языкознания подчинялось главным образом практическим нуждам нового общества, задачам языкового строительства, выработке письменности для бесписьменных языков и совершенствованию имевшихся ко времени свержения Октябрьской революции немногочисленных систем письма тюркских народов. Оно было необходимо также при создании новых учебников и учебных пособий по тюркским языкам как для детей, так и для взрослых в период кампании по ликвидации массовой неграмотности в 20—30-х годах, а позднее—при создании учебных пособий по родному тюркскому языку для школ и вузов. Научное изучение фонетики тюркских языков было начато русскими учеными А. Н. Самойловичем, Н. К. Дмитриевым, С. Е. Маловым, И. А. Батмановым, Н. А. Баскаковым. В дальнейшем исследования по тюркской фонетике и фонологии в республиках и областях проводились и проводятся главным образом выросшими в советскую эпоху высококвалифицированными национальными кадрами—учениками русских тюркологов, учениками их учеников.

К настоящему времени достигнуты большие успехи в описании фонетического строя многих тюркских языков. От общего описания фонетического строя отдельных тюркских языков тюркологи в 60—70-х годах перешли к глубокому изучению фонетических подсистем, отдельных

явлений вокализма и консонантизма, фонетических процессов, структуры слога и слова, акцентуации, интонации. Углубленному анализу подвергается фонетический строй диалектов и говоров тюркских языков.

Результаты этих исследований позволили пересмотреть некоторые теоретические положения сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, общие оценки строя тюркской фонетики, дали новые интересные материалы для дальнейшего проведения исследований по сравнительно-исторической, типологической фонетике тюркских языков. С учетом этих достижений написан большой коллективный труд лаборатории тюркологии и монголистики Института языкознания АН СССР «Сравнительно-историческая фонетика тюркских языков» (отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984).

Появилось новое направление исследований в советской тюркологии—историческая фонетика конкретного тюркского языка.

Значительные успехи достигнуты в экспериментальном изучении фонетики тюркских языков. Причем исследуется как литературный язык, так и диалекты и говоры. Центрами экспериментального исследования стали Москва, Ленинград и Новосибирск (школа В. М. Надежлева), столицы союзных республик, которые располагают лабораториями, оснащенными современным оборудованием.

В советскую эпоху в изучении фонетики тюркских языков получило развитие и другое новое направление, которое первоначально имело чисто практическую направленность,—сопоставительная фонетика. Обучение в школах и вузах носителей тюркских языков русскому и иностранному языкам наряду с родным, т. е. трехязычие в обучении, вызвало к жизни сопоставительное исследование тюркского и русского, а также тюркского и иностранного (английского, немецкого и французского) языков. Это позволило выявить особенности фонетического строя тюркских языков, которые раньше оставались незамеченными, и оказало стимулирующее воздействие на развитие типологических и исторических исследований в области фонетики тюркских языков. Вполне закономерно поэтому появление в 70—80-х годах работ по типологии фонетической структуры тюркских языков.

Функциональное развитие тюркских языков в советскую эпоху породило новые задачи в области нормирования литературного произношения, стимулировало развертывание фонетических исследований по орфоэпии, соотношению орфографии и орфоэпических норм. Развитие театров, радио- и телевидения на национальных языках потребовало от лингвистов исследования особенностей сценической речи, но сделано в этой области пока весьма мало.

Таким образом, в советскую эпоху исследование фонетики тюркских языков получило широкое разветвление по разным теоретическим и практическим направлениям и достигло большой, ранее невиданной глубины. Вместе с тем перед тюркологами все еще стоит немало нерешенных проблем в области фонетики, и особенно—фонологии. Отсутствие единого методического подхода к изучаемым явлениям делает несопоставимыми наблюдения, добытые в одной области, но на материале разных тюркских языков. Еще живуча традиционная схема описания фонетического строя тюркских языков, оставляющая неохваченными специфические элементы каждого конкретного языка и представляющая его как уникальный в семье тюркских языков. Сейчас пишется много работ по исторической и сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, однако остаются актуальными задачи по обобщению наблюдений, касающихся общих классификационных черт (генетических, типо-

логических) групп тюркских языков, особенностей тюркской фонетики, возникших контактным путем.

IV

Исследования по теоретической и нормативной грамматике, по морфологии и морфонологии тюркских языков в частности, занимают в современном тюркском языкознании значительное место и представлены за последнее время следующими основными направлениями:

1) в описательном традиционном плане—грамматиками и грамматическими очерками всех современных живых тюркских языков и некоторых отдельных диалектов. В диалектологии это как полные очерки диалектной морфологии, так и описания грамматических особенностей данного диалекта в сравнении с соответствующим литературным языком;

2) сопоставительными исследованиями с другими родственными и неродственными западно-европейскими языками и в частности—с русским. Сопоставительные исследования нередко позволяют наблюдать морфологические особенности тюркских языков, ранее скрытые от грамматистов;

3) исследованиями по историко-типологической морфологии тюркских языков, а также типологическими исследованиями как в синхронном, так и в диахроническом планах, способствующими более углубленному анализу морфологических категорий в теоретических грамматиках;

4) ареальными исследованиями по морфологии тюркских языков отдельных регионов их распространения; такие работы стали особенно многочисленными в последнее время;

5) исследованиями по морфонологии как отдельных тюркских языков, так и тюркских языков в целом. В них раскрываются морфонологическая структура корневых и аффиксальных морфем, а также закономерности изменений и чередований, выполняющих морфологическую роль;

6) исследованиями по отдельным конкретным вопросам морфологии—сущность и значение частей речи, их классификация, границы словообразования и словоизменения, значение отдельных грамматических категорий и их выражение в морфологии и проч.

Подавляющее большинство грамматических исследований по морфологии тюркских языков разрабатывалось в традиционном плане. Современная структура и общая архитектуроника и композиция как теоретических научных, так и учебных грамматик конкретного тюркского языка в значительной степени остаются общими с соответствующими образцами грамматик индоевропейских языков, и в частности русского, при наличии некоторых элементов старых традиционных образцов структуры арабских и персидских грамматик с сохранением некоторых традиционных грамматических терминов (масдар, изафет и проч.).

Вместе с тем специфический грамматический строй тюркских агглютинативных языков требует более точного отражения всех его особенностей, а следовательно, и иной методики разработки как структуры исследования, так и структуры изложения грамматического материала.

Сохраняя отчасти единство онтологии общих универсалий в языке и соответствующую общую терминологию (например, названия частей речи, термины для общих с другими языками категорий,—таких, как глагольные категории аспекта/вида, залога, наклонения, времени и

проч.), исследование грамматического материала должны осуществлять не путем втискивания в рамки распространенных грамматических схем иносистемных языков, а исходя из содержания общей структуры тюркских агглютинативных языков, при этом грамматический материал должен излагаться в той последовательности, которая логически вытекает из самой специфики тюркских языков. Почему, например, категория наречия рассматривается изолированно от логически связанных с ней категорий существительного и прилагательного, в то время как категории имен действия (масдары), причастия и деепричастия, аналогичные названным частям речи по их отношениям к категории глагола, рассматриваются, как правило, в системе функциональных форм глагола? Почему категория словоизменения—числа, принадлежности, падежа и лица—рассматриваются: лица—при глаголе, а остальные категории при имени существительном и реже—при местоимении, тогда как аффиксы словоизменения являются общими и для прилагательных, и для числительных, и для функциональных форм глагола—причастий, масдаров и т. д.

Необходимо разработать и обсудить различные концепции тюркологов в отношении предлагаемых принципов исследования грамматических категорий и последовательности их изложения в определенных структурных схемах, отражающих истинную специфику грамматического строя тюркских языков агглютинативной типологии.

Морфология в системе уровней языка занимает едва ли не господствующее место, в то время как анализ и истолкование основных морфологических категорий далеко еще не являются совершенными. Необходимо в ближайшее же время организация специальных дискуссий как по общей структуре морфологии тюркских языков и ее месту в системе уровней языка, так и по отдельным морфологическим категориям.

V

В дореволюционной тюркологической литературе мы находим лишь фрагментарные очерки синтаксиса некоторых тюркских языков, содержащие описание синтаксических функций морфологических и лексикограмматических категорий и наблюдения, касающиеся порядка слов в предложении и сочетания слов.

В советское время широкая исследовательская работа развернута по тюркским языкам как Советского Союза, так и зарубежных стран. Усилиями большого отряда ученых, в значительной своей части представителей тюркоязычных национальностей и народностей, была осуществлена масштабная задача сбора языкового материала и первичного описания синтаксиса тюркских языков.

Монографическое исследование узловых проблем синтаксиса и отдельных синтаксических единиц и явлений позволило усовершенствовать оригинальную схему описания синтаксиса, выработанную советской тюркологией, и перевести рассмотрение синтаксических явлений на более высокий теоретический и методологический уровень. В настоящее время по синтаксису практически всех тюркских языков созданы школьные и вузовские учебники, вопросы синтаксиса трактуют научные грамматики, в том числе и академические. Практически обеспечивается задача постоянного обновления учебников и грамматик на основе новейших достижений общего и тюркского языкознания, с учетом роста фактологической базы.

В работах советских тюркологов (А. К. Боровкова, С. С. Майзеля, Е. И. Убрятовой, Н. А. Баскакова, М. Б. Балакаева, Ю. М. Сеидова,

А. З. Абдуллаева, Л. А. Покровской, Е. Дауенова, Д. М. Шихмурзаева, А. Н. Баскакова и др.) устанавливаются принципы отграничения словосочетаний от предложений, выявляются лексико-грамматические особенности словосочетаний, разрабатываются классификационные схемы и исследуются отдельные структурные типы словосочетаний.

Изучение простого предложения характеризуется детальным анализом отдельных структурных и коммуникативных типов предложений и их важнейших признаков (модальности, предикативности, коммуникативной функции и др.). Специальному исследованию по многим языкам подверглись отдельные типы предложений, порядок слов, природа и типы сказуемого, формы выражения прочих членов предложения и особенности их обособления, дана классификация простых предложений.

Обсуждаются принципы разграничения простого и сложного предложений, критерии выделения придаточных предложений, вопрос о квалификации причастных, деепричастных, и глагольно-именных оборотов. Обстоятельно исследованы вопросы теории сложного предложения (работы Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Е. И. Убрятовой, А. П. Поцелуевского, Н. А. Баскакова, Н. Г. Сауранбаева, К. К. Сартбаева, М. Ш. Ширалиева, А. З. Абдуллаева, К. З. Ахмерова, Г. Г. Сантбатталова, Н. З. Гаджиевой, Э. А. Груниной, М. И. Черемисиной, Г. А. Абдурахманова, М. З. Закиева, Г. А. Гайдаржи, З. Х. Тагизаде и др.). В тюркологии все большее признание получает положение о том, что сложность предложения может проявляться в различной степени и в разных формах выражения. Исследование реальных синтаксических построений, выявление их фундаментальных свойств является основной задачей тюркологии. Знаменательной чертой современной тюркологии является попытка интегрировать частные сведения, касающиеся осложнения предложения, и использование в этой связи нейтрального термина «полипредикативные конструкции».

Сфера синтаксических исследований в последние годы значительно расширилась за счет типизированных, клишированных и фразеологизированных моделей. В ряде работ (Л. Ю. Тугушевой, Е. А. Поцелуевского) на тюркском материале показана приложимость критериев фразеологичности к фактам синтаксиса, дана первая инвентаризация синтаксических фразеологизмов и их теоретическое осмысление.

Внимание тюркологов (см. работы М. З. Закиева, К. М. Абдуллаева, Г. А. Абдурахманова, И. Р. Расулова, А. Мамахонова и др.) начинает привлекать проблема связи между предложениями в единствах, больших, чем сложное предложение, сами принципы организации подобных единств (сверхфразовых, текста) и их виды. Обращается внимание на то, что со структурой текста тесно связано актуальное членение предложения (работы К. М. Абдуллаева, А. Ахмедова).

Специальным объектом изучения становятся вопросы семантики синтаксиса (работы И. Х. Ахматова) и синтаксические особенности разговорной речи, обусловленные ее непосредственностью, спонтанностью, эмоциональностью. Это эллиптированные и стяженные конструкции, экспрессивные построения, сокращения, вставочные и повторные присоединительные конструкции, изменение порядка слова, в значительной степени общие для разных языков (работы Ф. С. Сафиуллиной, Р. С. Амирова, С. Омарбекова, Ю. В. Щеки, А. Хазраткулова, С. Халдарова, Б. Уринбаева).

Изучение синтаксиса разговорной речи имеет большое значение для уточнения характеристики диалектного синтаксиса, который представляет собой тесное переплетение особенностей синтаксиса разговор-

ной речи и собственно диалектного синтаксиса. Синтаксис диалектной речи и сегодня остается слабо разработанным (отметим работы М. М. Джафарзаде, М. Ш. Турановой, Ю. Джуманиязова), хотя значение его выходит за пределы диалектологии.

Большое внимание уделяется разработкам по историческому синтаксису. Изучаются особенности синтаксиса языка отдельных тюркских памятников или памятников определенного хронологического пласта (труды Г. А. Абдурахманова, Х. Назарова, Т. Р. Кордабаева и др.), исследуются историческое положение и эволюция конкретных синтаксических явлений. Целесообразно отметить работы, в которых регистрируются и осмысливаются изменения, которые претерпевает синтаксис тюркских языков в новейшее время, в советскую эпоху—в процессе взаимодействия с русским языком и в результате расширения общественных функций языков (работы Н. Х. Демесиновой, Ф. С. Сафиуллиной, Н. А. Баскакова, К. М. Мусаева, Д. А. Монгуша, Ш. Ч. Сата).

Разработка методов исследования истории синтаксических явлений и выработка определения объекта исторического синтаксиса, обобщение наблюдений над историей развития синтаксических явлений и на этой основе выявление путей развития синтаксической структуры тюркских языков (работы Н. З. Гаджиевой), равно как и создание сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков (Б. А. Серебряников, Н. З. Гаджиева),—заслуга советского языкознания.

Интерес к большим теоретическим проблемам синтаксиса, характерный для современной тюркологии, привел к созданию обобщающих историко-типологических трудов, в которых дана общая характеристика типологических черт тюркских языков в области синтаксической структуры, сделана попытка объяснить структуру словосочетания и предложения через сопоставление с основными чертами человеческого мышления (Н. А. Баскаков).

VI

Отечественная тюркская лексикология и лексикография имеют более чем двухсотлетнюю историю. Первые русско-тюркские и тюркско-русские словари носили, как правило, выраженный утилитарный характер (С. Халфин, И. Гиганов, К. Насыри, Н. И. Золотницкий и др.). Выдающимся событием в дореволюционной тюркологии был выход в свет лексикографических трудов Л. З. Будагова, В. И. Вербицкого, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, выполненных на материале различных тюркских языков. Однако широкомасштабная и планомерная работа по составлению словарей по всем тюркским языкам началась только после революции. Исследования велись в соответствии с задачами, стоявшими перед молодой советской страной по реализации задач ленинской национальной политики, созданию письменности у ранее бесписьменных народов, совершенствованию алфавитов и орфографии, унификации терминологии и т. д. Именно в этот период на базе АН СССР и ее республиканских филиалов были созданы многочисленные словари. Значительным событием стало завершение в 1930 г. трехтомного словаря якутского языка Э. К. Пекарского и начало издания семнадцатитомного словаря чувашского языка и диалектов Н. И. Ашмариним в 1928 г. К этому времени относится начало работ по созданию тюркских толковых (Д. Валиди), отраслевых (терминологических), диалектологических и фразеологических словарей и исследований по тюркской лексике.

В конце 50-х—начале 60-х годов начинается подготовка к изданию полных академических толковых словарей тюркских языков. К насто-

ящему времени изданы толковые словари азербайджанского, узбекского, татарского, казахского, туркменского и киргизского языков. Завершено составление толкового словаря карачаево-балкарского языка, ведутся работы по словарям других тюркских языков. Теоретические принципы тюркской лексикографии обобщены в работах А. А. Юлдашева, А. А. Оруджева, Ж. М. Гузеева.

Развитие исторического и сравнительного изучения тюркской лексики, совершенствование лексикографической практики обусловили становление тюркской семасиологии. В связи с выходом множества толковых, двуязычных, терминологических, диалектологических, этимологических, исторических и других словарей тюркских языков, а также словарей по отдельным периодам их истории стали возможными теоретические семасиологические исследования, в основу которых легли широко известные пионерские труды Б. М. Юнусалиева, Э. В. Севортяна, Э. Н. Наджиба, К. М. Мусаева и др. В последние десятилетия создаются лексико-семасиологические работы по узбекскому (И. Кучкартаев), туркменскому (С. Арназаров), тувинскому (Б. И. Татаринцев), киргизскому (К. Сейдакматов), казахскому (Т. К. Кобыров), азербайджанскому (З. Ализаде, З. Вердиева, А. Алекперов, М. Адиллов), якутскому (Ю. И. Васильев) и другим языкам.

Разработка историко-семасиологических, лексикологических проблем тесно связана с развитием этимологических исследований. Первые тюркские этимологические словари были созданы на материале чувашского и казахского языков. Мировым достижением тюркологии по праву признан «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна, три тома которого были изданы в 1974—1980 гг. Этимологическая группа лаборатории тюркологии и монголистики Института языкознания АН СССР (Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Л. Г. Офросимова-Серова), продолжая издание, подготовила к печати еще три тома словаря, в настоящее время ведется работа по составлению заключительного седьмого тома. Из-за сложности набора задерживается издание последующих частей «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века» (1979. Т. 1) Э. Н. Наджиба. Несколько лет назад было завершено составление этимологического словаря татарского языка (Р. Г. Ахметьянов). Ведется работа по подготовке этимологических словарей древнетюркского (И. Н. Шервашидзе), чувашского (Н. И. Егоров, М. И. Скворцов), азербайджанского (А. А. Ахундов), кумыкского (К. С. Кадыраджиев), киргизского (К. Сейдакматов) и якутского (Г. В. Попов) языков. Ближайшей задачей в этом направлении следует признать разработку этимологических словарей групп тюркских языков, которая будет способствовать наиболее оптимальному представлению явлений на меж- и общетюркском уровнях. В этом плане заслуживают внимания исследования природы и структуры тюркского корня (А. Т. Кайдаров, Е. З. Кажобеков). Подготавливаемый в настоящее время А. Т. Кайдаровым «Этнолингвистический словарь казахского языка» призван положить начало новой отрасли тюркской лексикографии.

В советский период было начато системное изучение лексики тюркских языков (Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962. Т. 4: Лексика; Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; работы К. М. Мусаева: Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975 и Лексикология тюркских языков. М., 1984). Появился целый ряд новых отраслей языкознания, первоначально развивающихся в рамках общей лексикологии и отпочковавшихся от нее: ономастика (топонимика, антропонимика, этнонимия и

т. д.), диалектная лексикография, терминология, семасиология, этимология.

В последние годы внимание лингвистов все больше привлекают проблемы исторического развития лексики, взаимодействия и взаимобусловленности ее различных разрядов и пластов, соотношения хронологических этапов в эволюции лексики и соответствующих ее проекций и рефлексов в современных литературных тюркских языках. Тем не менее тюркология до сих пор не имеет обобщающих историко-сравнительных монографических исследований, в которых исторический аспект проблемы был бы представлен во всей совокупности взаимосвязанных вопросов. Ждут своих исследователей проблемы иерархизации семантической структуры слова, изучения типов семантических преобразований и трансформаций, анализа лексикализационных процессов. В перспективе предстоит также разработка глубинных срезов лексики как таковой: в структурном плане—изучение лексико-семантической сферы моносиллабов («живых» и «мертвых» односложных корней и основ), в хронологическом ракурсе—выявление современных, старо-, средне-, древне-, обще-, меж-, а также пра- и прототюркских пластов словаря.

VII

Изучение вопросов диалектологии и диалектографии достигло значительных успехов во всех тюркоязычных республиках и автономных областях по всем основным языкам и диалектам. Выполнены различной степени полноты описания специфических особенностей диалектов и говоров конкретных языков в сопоставлении с соответствующим литературным языком и другими диалектами данного языка. Опубликованы некоторые монографические системные описания отдельных диалектов, а также групп диалектов и говоров конкретных тюркских языков, в том числе обобщающие монографические исследования по всей системе диалектов некоторых языков с их генетическими и типологическими классификациями. Составлены для большинства основных языков диалектологические атласы и диалектологические словари. Продолжается разработка обобщающих исследований по общетюркской диалектологии—составляется общетюркский диалектологический атлас всех тюркских языков Советского Союза, диалектологический атлас тюркских языков Восточной Европы для лингвистического атласа Европы, а также краткие описания энциклопедического характера всех диалектов тюркских языков, которые уже реализованы в серии «Языки народов СССР» (Т. 2: Тюркские языки) и в сборнике «Диалекты тюркских языков СССР», подготовленном несколько лет тому назад, но до сих пор неопубликованном.

Рассматривая прошлый период исследования вопросов диалектологии тюркских языков как подготовительный, необходимо отметить, что в настоящее время перед тюркологами-диалектологами стоят новые сложные задачи по следующим основным направлениям:

1. В области диалектографии:

1) организовать плановые системные монографические описания всех диалектов каждого конкретного тюркского языка по определенной специально разработанной типовой для всех языков схеме с изложением структуры всех уровней, т. е. полного описания фонетики и грамматики, а также лексики в виде краткого диалектологического словаря-минимума, отражающего все основные семантические разряды слов;

2) завершить составление национальных диалектологических атласов и на их основе разработать системные комплексные изоглоссы, чтобы с их помощью установить классификационный тип каждого диалекта и языка в целом и в отношении их к другим языкам и диалектам;

3) исследовать отдельные группы диалектов, если они характерны для данного языка, и определить их отношение к той или иной классификационной группе.

2. В области ареального изучения диалектов и языков:

1) установить отношение каждого диалекта конкретного языка к диалектным системам других языков и на основе системных комплексных изоглосс определить границы его ареала;

2) изучить распространение некоторых типичных изоглосс, имеющих межареальный характер.

3. В области исторической диалектологии:

1) завершить составление исторических атласов, определяющих границы системных групповых изоглосс, характеризующих болгарский, кыпчакский, огузский, карлукский, уйгуро-огузский и киргизо-кыпчакский ареалы;

2) рассмотреть явления, связанные с использованием диалектных данных для сравнительно-исторических и исторических грамматик конкретных тюркских языков;

3) исследовать исторические памятники тюркской письменности с целью выявления древних тюркских диалектов и говоров.

4. В области типологического изучения диалектов:

1) приступить к типологическому изучению диалектных систем тюркских языков и их классификации в связи с различной природой диалектного членения, которое может быть результатом либо их миграции и территориального распространения, либо племенной дифференциации, либо концентрации вокруг определенных экономических центров и городов и проч.;

2) выявить типологические особенности диалектов в связи с влиянием на них иных неродственных языков;

3) проявить отдельные типологические черты диалектов в связи с этногенетическими исследованиями.

5. В области изучения проблемы «диалект и культура речи»:

1) диалекты и их отношение к литературному языку;

2) процессы ассимиляции диалектов в связи с распространением норм литературного языка;

3) диалекты и их роль в формировании языка писателей.

6. В области изучения профессиональных диалектов:

1) производственный жаргон, искусственные языки, особенности сословных говоров;

2) тайные языки и аргю.

Особенное внимание исследователей-диалектологов должно быть обращено на изучение возможностей использования диалектных данных для составления исторических грамматик младописьменных языков, а также истории их литературных языков. Выполнение данных задач обеспечивает не только важное теоретическое направление в отношении разработки исследований по истории языка, но и в отношении практического использования их при составлении специальных учебных пособий для средней и высшей школы.

VIII

Становление тюркской ареальной лингвистики как самостоятельной дисциплины относится к послеоктябрьскому периоду. Известное при-

ближение к идеям лингвистической географии, приемам ареальной лингвистики можно усмотреть в тюркологических работах Е. Д. Поливанова. Диалектную классификацию узбекского языка он построил с учетом фактора пространственного размещения языковых явлений, а в существующие классификации тюркских языков внес важные уточнения с позиции именно лингвистической географии.

На необходимость рассмотрения фактического материала тюркских языков с топографической точки зрения в 30-х годах указывал В. А. Богородицкий. Он первым предпринял попытку применить принципы лингвистической географии к сравнительно-историческому изучению фонетики тюркских языков.

В. М. Жирмунский, выступивший в 1963 г. инициатором и вдохновителем создания «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), в ряде работ изложил теоретические и методические основы его составления. На начальных этапах большая подготовительная исследовательская и научно-организационная работа была проведена сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР. Под руководством М. Ш. Ширалиева Академия наук АзССР организовала сбор материалов для ДАТЯ СССР, в котором приняли участие диалектологи всего Советского Союза. На основе единой методики, выработанной на заседаниях семинара по тюркской лингвистической географии, организованного по инициативе А. Н. Кононова и под руководством М. А. Бородиной, собранные материалы были обобщены и положены на карту силами отдела языков Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. В настоящее время пробный том ДАТЯ СССР подготовлен к опубликованию.

Ареальная лингвистика изучает отдельные черты структуры тюркских языков и диалектов всех уровней: фонетики, морфологии, лексики, в том числе такой ее специфической части, как топонимия. В плане ареальной лингвистики рассматриваются не только отдельные фонетические явления (например, киргизские диалектные долгие гласные и дифтонги; соответствие $j \sim \text{з}$ в различных позициях в казахских диалектах), но и специфические черты, например, тувинского диалектного вокализма и консонантизма. Изоглоссирование ряда морфологических признаков позволило Е. И. Убрятовой, инициатору составления «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири», установить следы древнеуйгурского и древнекиргизского в тюркских языках Южной Сибири; высказана гипотеза о существовании в древнюю эпоху на территории той же Южной Сибири бесписьменных кыпчакских языков. Ареальные схождения и расхождения в лексике тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири показаны на примере анализа нескольких тематических групп слов активного употребления.

Плодотворным оказалось ареальное исследование совокупности фонетических и грамматических явлений. С работами по тюркским языкам и диалектам среднеазиатского, а затем и кавказского регионов впервые в тюркологии выступила Н. З. Гаджиева. На основе характеристики и классификации изоглосс, полученных ею, установлены специфические особенности живых тюркских языков этих регионов, показано, как эти особенности формировались и распространялись на другие территориально смежные языки. Сделаны попытки восстановить ранние тюркоязычные ареалы в обоих регионах и построить общие изоглоссы, связывающие эти ареалы между собой, представить гипотетическую типовую характеристику ранних тюркских языков Кавказа и реконстру-

ировать черты тех из них, которые исчезли (например, хазарского), предложить решение сложных проблем, связанных с образованием огузской и кыпчакской групп тюркских языков.

Путем изоглоссирования фонетических и морфологических признаков саларского и сарыг-югурского языков установлено вхождение этих языков в восточный ареал центрально-азиатского языкового союза (Э. Р. Тенишев). Таким же путем определялось соотношение диалектов чувлымско-тюркского языка с языками и диалектами тюркоязычных ареалов Сибири (Р. М. Бирюкович), диалектов крымско-татарского языка с тюркскими языками и диалектами смежных регионов.

Оперируя схождениями и расхождениями башкирского и татарского языков на уровнях фонетики и лексики, а также грамматики и словообразования, Т. М. Гарипов в своем ареальном исследовании кыпчакских языков Урало-Поволжья усматривает единый для этих языков источник происхождения в прошлом (тюркская языковая общность) и общий импульс развития в исторически обозримый период (интенсивное кыпчакское этнолингвистическое воздействие). Вклад тюркских языков в общее наследие балканского языкового союза изучается Л. А. Покровской.

Приемами ареальной лингвистики в сочетании с принципами системного анализа исследуются сложные грамматические категории—именные (склонение в ареально-историческом освещении) и глагольные (элементы ареального исследования в диалектном описании татарского глагола—Ф. Ю. Юсупов; в описании времен глагола в тюркских языках юго-западной группы—Б. Чарыяров; глагольных временных форм кумыкского, азербайджанского, киргизского языков; ареально-историческое исследование имен действия).

Сама возможность решения большой сравнительно-грамматической проблемы (например, связанной со склонением) в свете пространственных характеристик свидетельствует о перспективности применения методов ареальных исследований к изучению грамматики. Заслуживает внимания удачная попытка сквозного ареалогизирования морфологии узбекских говоров Верхнекашкардарьинской диалектной зоны (А. Б. Джураев).

Под руководством В. М. Жирмунского были предприняты первые ареально-исторические исследования в тюркологии: делались попытки выяснить отношение живых тюркских диалектов Средней Азии к тому опорному диалекту, на который был ориентирован литературный язык рубежа XV—XVI вв., а также реконструировать историческую карту тюркских языков Мавераннахра того периода. Предложена методика интерпретации языковых фактов, извлеченных из письменных памятников, и соотнесения их с данными современной диалектологии, что позволяет включить их в общую историю развития тюркских языков и диалектов конкретного региона (Г. Ф. Благова). Предприняты попытки вычленить ареальные признаки тюрки Урало-Поволжья (Р. Х. Халикова), осуществить ареальную классификацию языковых фактов такого своеобразного памятника XIV в., как «Кодекс Куманикус» (А. А. Чеченов), деловых документов Северо-Кавказского региона (на тюрки) (Г. М. Оразбаев).

Оперируя пучками системных, или комплексных, изоглосс, Н. А. Баскаков сосредоточил внимание на процессах ареальной интеграции в истории тюркских языков, при этом им указано на актуальность уточнения границ ареалов классификационных групп тюркских языков, а

также маргинальных зон в плане выявления характерных для этих ареалов и зон пучков системных изоглосс. Поставлен вопрос о необходимости составления исторических диалектных атласов для каждой из таких групп тюркских языков.

В настоящее время обсуждается вопрос о соотношении приемов сравнительно-исторического и ареального исследования; приемы ареальной лингвистики, и прежде всего—изоглоссирование, поставлены на службу сравнительно-исторического языкознания.

IX

В дореволюционный период основы сравнительно-исторического изучения тюркских языков только закладывались, поэтому ни по методике исследований, ни по их результатам оно не могло сравниться с уровнем изучения индоевропейских языков. Вместе с тем необходимые условия для развития тюркской компаративистики в нашей отечественной тюркологии были созданы. Одно из условий успешного изучения истории—это признание родства тюркских языков. Поэтому не случайно классики тюркской филологии обратили внимание прежде всего на создание классификационных схем тюркских языков, на определение классификационных признаков распределения языков последних по группам.

Традиционные разработки, связанные с уточнением классификационной схемы тюркских языков,—одно из ведущих направлений современной тюркологии. По мере издания материалов языковых памятников и открытия новых языков и диалектов в классификационные схемы тюркских языков вносились уточнения (см. работы В. В. Радлова, Ф. Е. Корша, А. Н. Самойловича, Е. Д. Поливанова, В. А. Богородицкого, С. Е. Малова, Н. А. Баскакова).

Развитие сравнительно-исторического изучения тюркских языков в нашей стране (особенно в последние три десятилетия) связано с планомерно проводившимися поисками и дешифровкой новых письменных памятников, описанием новых языков, с широким размахом диалектологической полевой и исследовательской работы в нашей стране.

Благодаря активно осуществляемому на протяжении многих лет научно-критическому изданию письменных памятников и систематически проводимому описанию языка ранних тюркских источников, а также грамматики редких, подчас вновь открытых тюркских языков и диалектов (лобнорского, тофаларского, саларского, сарыг-югурского, халаджского, диалектов черневых татар, сибирских, чулымских татар и т. д.) тюркология получила прочную базу для сравнительно-исторических исследований.

Новая организация научной работы в советском тюркском языкознании выразилась в широком распространении неизвестных до революции коллективных форм как в самом научном исследовании, так и в его подготовке. Первым опытом такого коллективного сотрудничества следует признать созданную под руководством Н. К. Дмитриева серию «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Четыре выпуска этой серии (Фонетика, Морфология, Синтаксис, Лексика) посвящены сравнительно-описательной грамматике тюркских языков, ориентированной на исследование внутренних законов развития языков этой группы и раскрытие динамики языковых явлений.

В 50—60-х годах появляется целый ряд работ общетюркологического характера, в которых выдвигаются вопросы, связанные с выяснением природы отдельных фонетических явлений и их реконструкцией.

Большим событием в тюркологии, способствовавшим утверждению сравнительно-исторического метода исследований, было издание «Древнетюркского словаря» (1969), а также подготовка сравнительных и исторических словарей (например, «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века». 1979. Т. 1). Для создания сравнительной лексикологии тюркских языков огромное значение имеет «Этимологический словарь тюркских языков» (пока изданы три тома—1974, 1978, 1980).

В настоящее время заметный интерес в тюркском языкознании проявляется к методике сравнительно-исторических исследований, к вопросу ее применения на материале тюркских языков. Однако этот сравнительно-исторический метод должен быть дополнен приемами типологических и ареальных исследований. Об этом свидетельствует основополагающая процедура компаративистики—реконструкция. Обновление приемов реконструкции связано с выдвиганием таких понятий, как системная, динамическая и статическая, внешняя и внутренняя, перспективная и ретроспективная (обратная) реконструкции, базирующиеся на процедурах фонологической, морфологической, синтаксической и семантической реконструкций. Характерной чертой тюркской компаративистики является смещение интереса с внешней на внутреннюю реконструкцию, что мотивировано отсутствием ранних письменных источников по тюркским языкам.

На 70-е годы приходится первый опыт создания сравнительной фонетики, морфологии, синтаксиса тюркских языков с последовательным использованием приемов реконструкции (работы А. М. Шербака, Н. З. Гаджиевой); появилась сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева—1979 г., 2-е изд. 1986), в которой последовательное использование классического сравнительно-исторического метода сочетается с привлечением данных фонологии, ареальной лингвистики, общей языковой типологии.

В лаборатории тюркологии и монголистики языков Института языкознания Академии наук СССР под руководством Э. Р. Тенишева подготовлен и частично издан четырехтомный коллективный труд «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». К настоящему времени вышли в свет тома, посвященные фонетике (1984) и синтаксису (1987); морфологический том находится в производстве и будет издан в 1988 г. В этой фундаментальной работе используется комплексная методика. При ведущей роли сравнительно-исторического метода широко применяются приемы ареальной лингвистики, типологических исследований—метод типовых модификаций (фреквенталий) и языковых универсалий. Предусмотрено дифференцированное (с учетом достижений современного языкознания) исследование тюркского праязыка с выделением «раннего» и «позднего» этапов в его развитии; соответственно реконструкция расчленяется на «дальнюю» и «ближнюю».

Перед тюркской компаративистикой стоит еще немало до конца не разрешенных проблем, таких, например, как установление критериев определения древности форм, способов расположения реконструируемых архетипов в одной хронологической плоскости, способов отделения древних реликтовых явлений от новообразований, отработка метода относительной хронологии появления звуков, слов, форм, определение их конных черт и отграничение их от особенностей, возникших под влиянием других языков, и т. д. Решение всех этих задач требует concentra-

ции усилий тюркологов-компаративистов различных частных филологий (индологии, иранистики, финно-угроведения, тюркологии и пр.).

Первые опыты по реконструкции тюркских праязыковых черт относятся еще к концу прошлого столетия (см. труды В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского и др.).

20—40-е годы знаменуются исследованиями Н. К. Дмитриева, В. А. Богородицкого, И. А. Батманова, Е. Д. Поливанова, в которых был поставлен ряд методически и теоретически важных проблем. Однако их конкретное решение было осуществлено значительно позже.

Первым собственно пратюркским словарем, отвечающим строгим требованиям, стал «Сборник общетюркских односложных слов» А. М. Щербака, как бы заключающий по замыслу автора его «Сравнительную фонетику тюркских языков» (1970). Важным подспорьем стали перечни односложных основ и архетипов, приложенные к «Этимологическому словарю тюркских языков» Э. В. Севортяна, знаменующему собой эпоху в истории тюркского диахронического языкознания. В названных трудах были осуществлены масштабные исследования по реконструкции системы тюркского праязыка.

Необходимо отметить некоторую активизацию исследований по данной проблематике на местах. Можно выделить работы Т. М. Гарипова по выявлению пракрыпчакского словарного фонда, труды А. Т. Кайдарова и Г. В. Попова по анализу базисной лексики казахского и якутского языков, сравнительные штудии Р. Г. Ахметьянова, протобулгарские восстановления Н. И. Егорова, палеотюркские реконструкции в кумыкском К. С. Кадыраджиева и многие другие.

Работа по выявлению архетипных структур, как известно, осложняется тем, что различные ярусы языка по-разному проницаемы для реконструкции: если фонемный ~ фонетический и морфемный ~ морфологический ярусы допускают тотальную реконструкцию, то синтаксический и лексико-семантический уровни — только частичную, что, в свою очередь, обусловлено внутрисистемными ограничениями. С другой стороны, всевозможные лексические сопоставления (независимо от их количества), так же как и грамматические (морфологические), могут быть использованы в сравнительно-генетических штудиях как более или менее надежный материал только в том случае, если четко установлены типические для данных языков фонологические корреспонденции. Именно поэтому последняя процедура всегда должна предварять фактологические лексико-грамматические обзоры. Фонологические соответствия, в свою очередь, могут рассматриваться только параллельно и одновременно с собственно семантическим анализом, так как первые релеванты лишь в случае семантической (этимологической) идентичности (гомогенности) фонетических коррелятов. Таким образом, в сравнительно-историческом исследовании и лексико-грамматическое и фонологическое обследования осуществляются только с помощью «контролирующего» семантического анализа.

Такая сопряженность различных языковых сфер проявляется и в решении конкретных задач и проблем на праязыковом уровне, что в известном смысле составляет их специфику. Наиболее оправданным в такой ситуации представляется индуктивный метод анализа фактографического материала, тщательная этимологическая выверка частных, строгий отбор семантических «разбросов», жесткое ограничение в каждом конкретном случае «вертикальной» глубины реконструкции ее реальными диагностическими возможностями, характеристиками ее локального, «горизонтального», «плоскостного» количества ~ широты ~

объема распространения. Практически в идеале должно быть столько «глубин» и «широт», сколько имеется конкретных реконструкций, так как реальность достижения абсолютного тождества всех сопутствующих обстоятельств, полного взаимоналожения элементов разных структурных уровней языка ничтожно мала.

Советский комитет тюркологов с целью дальнейшего стимулирования изучения данной проблематики и объединения усилий ученых на приоритетных направлениях фундаментальных исследований запланировал в 1990—2005 гг. разработку комплексной научной программы «Проблемы реконструкций тюркского праязыка» с участием тюркологических учреждений страны (и на добровольных началах—за рубежом). Задачей данной программы будет анализ динамической системы праязыков разных порядков, уровней и масштабов в зависимости от целей и характера реального восстановления, опыт экстраполирования в тюркское сравнительно-историческое языкознание *mutatis mutandis* главных положений и методики традиционной, классической компаративистики.

Х

Основная задача исторической грамматики—показать развитие фонетического (фонологического), морфологического и синтаксического уровней языка от древнейших периодов до настоящего времени. Исследования в области исторической грамматики современных языков начались с якутского языка. О. Н. Бетлингк, описывая строй якутского языка, сравниваемого с другими тюркскими и монгольскими языками, показал ход исторических изменений звуковых форм. Эта работа была продолжена В. В. Радловым. Сравнивая явления фонетики, именного и глагольного словоизменений в якутском и других тюркских языках, В. В. Радлов заложил основы исторической грамматики якутского языка. Эти исследования были обобщены и развиты в недавно вышедшей «Исторической грамматике якутского языка» Е. И. Убрятовой. В книге использованы методы внешнего и внутреннего сравнения, приемы ареальной лингвистики, статистики. Те же методы нашли отражение в исследованиях Л. С. Левитской и М. Р. Федотова по исторической грамматике чувашского языка.

Помимо трудов обобщающего характера начинают появляться очерки по истории отдельных тюркских языков. В дореволюционной тюркологии это направление не получило развития. Такого рода очерки, реже грамматики, были созданы в первую очередь по тюркским языкам со старописьменной традицией, а затем по ряду младописьменных языков (работы А. М. Щербака, Г. А. Абдурахманова, Ш. Шукурова, А. Рустомова, Л. С. Левитской, А. М. Азнабаева, В. Ш. Псянчина и др.). В современном тюркском языкознании актуальной является проблема, связанная с разработкой принципов создания исторических грамматик тюркских языков. Как показывают последние исследования, такая методика должна включать в себя разнообразные приемы лингвистического анализа, т. е. быть комплексной.

Исследования по истории грамматического строя тюркских языков, приходящиеся главным образом на советский период, стимулируются не только научными, но и социальными потребностями: живым интересом к истокам родного языка, необходимостью преподавания исторической дисциплины по языку в высшей школе. Адекватное и целостное описание исторических процессов в языке требует разработки единой модели описания.

Основной принцип построения исторической грамматики тюркских языков—принцип системности, исходящий из признания взаимной за-

висимости языковых элементов различных уровней. Модели системного анализа исторической грамматики тюркских языков могут быть двух типов.

Первый из них—последовательное сопоставление синхронных срезов: древний—пратюркское состояние, средний—зональные и групповые явления, новый—собственно национальные и индивидуальные черты в языке.

При исследовании древнего периода конкретного языка тюркологам нет нужды производить праязыковые реконструкции, поскольку существуют готовые системы тюркского праязыка позднего, среднего и раннего периодов.

Средний период—это относительно позднее время, когда уже существовали группы современных огузских, кыпчакских, карлукских языков, или группы *д/т*-, *з*- и *р*- языков. Предстоит изучить характер этих языковых объединений. Одновременно с общими построениями следует готовить материал и по промежуточным образованиям.

Новый период в истории языка—это отбор и анализ тех явлений, которые свойственны национальному языку. Необходимо обращение к комплексной методике: внешнее и внутреннее сравнение, относительная хронология, ареальная лингвистика, типология.

Главным источником исторических исследований по грамматике одного из современных тюркских языков являются диалектный материал, сведения из исторической диалектологии, данные родственных тюркских языков, тюркские заимствования в языках иных систем и пратюркские реконструкции. Письменные памятники в языковом отношении не могут быть поставлены в прямую связь с современными языками, поэтому обращение к ним оправданно лишь в случаях наведения справок, проверки и уточнения. В типовой модели сопоставления синхронных срезов остается невыявленным само развитие грамматического строя языка.

В основу другого типа исторической грамматики тюркских языков положен системно-функциональный принцип, который предполагает изучение исторических процессов языка в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Над динамикой грамматических категорий и подчиненных им малых систем работают историки-германисты Института языкознания АН СССР, и их опыт подлежит изучению. Перед тюркологами-языковедами стоит задача выбора путей и приемов создания исторических грамматик современных языков в ближайшие годы.

XI

Историческая грамматика литературного языка, предполагающая изучение строевых элементов языка литературных памятников того или иного исторического периода, только в самое последнее время получила свое название и права гражданства. Первые разработки этой тематики, предпринятые еще В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским и другими учеными, а с конца 40-х годов—советскими тюркологами, по сложившейся традиции продолжали причисляться к истории языка вообще. Самими истоками новой дисциплины были определены ее отличительные черты на сегодняшний день: это неоснащенность специальной методикой, которая отвечала бы специфике объекта изучения—литературного языка и его истории, и отсюда—неразличение понятий «литературный язык»—«язык литературы»—«язык писателя», отождествление исторических грамматик литературного языка и языка общенародного; соответствен-

но—терминологическая неупорядоченность; преимущественный интерес к изучению грамматических, лексических, диалектных особенностей письменных памятников средневековья. Наряду с разнородными, разножанровыми памятниками к лингвистическому анализу привлекаются фольклорные произведения, а к сопоставлению, помимо данного современного тюркского языка, еще и его диалекты, а часто и близкородственные тюркские языки.

Для многих трудов по этой тематике отправной точкой описания или сравнения является язык орхоно-енисейской руники, причем в некоторых из них—это самостоятельный объект изучения (В. М. Насилов, Ф. Зейналов и др.). Отдельные авторы включают сюда еще и ранние древнеуйгурские памятники (В. Г. Кондратьев, Г. Абдурахманов и А. Рустамов, Э. Фазылов). Учитывая возросший в республиках интерес к лингвистическому изучению руники, А. Н. Кононов издал фундаментальную системную «Граматику языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.». Описание грамматики древнеуйгурского литературного языка раннего периода и ее фрагментов представлено в трудах Э. Р. Тенишева, В. М. Насилова, Д. М. Насилова, А. М. Щербака, более позднего периода—в работах Х. Г. Нигматова, В. М. Насилова. Морфология языка тюркских литературных памятников XIII—XIV вв. явилась объектом описания коллектива ташкентских ученых; примерно тот же круг памятников—хорезмских, золотоордынских, мамлюкско-египетских—лингвистически анализируется в трудах Э. Н. Наджиба. Глоссарий и грамматический указатель языка хорезмских памятников XIV в. издал Э. И. Фазылов. Исследование фонетических и морфологических особенностей языка сочинений Алишера Навои (вторая половина XIV в.—Г. А. Абдурахманов и А. Рустамов) и системные описания грамматики языка прозаических произведений Бабура (рубеж XV—XVI вв.—Г. Ф. Благова), Абу-л-Гази-хана Хивинского (XVI в.—А. Н. Кононов, С. Н. Иванов) обеспечивают существенным материалом историческую грамматику среднеазиатско-тюркских литературных языков. В подобном же ракурсе выполнены исторические описания языка татарской деловой письменности XVIII в. (Ф. М. Хисамова), языка каракалпакских письменных памятников XIX—начала XX в. (Х. Хамидов). «Грамматика староузбекского языка» А. М. Щербака, «Историческая грамматика узбекского языка» Г. Абдурахманова и Ш. Шукурова, очерк грамматики староузбекского языка с конца XVI в. по 70-е годы XIX в. (А. Матгазиев), как и «Историческая грамматика казахского языка» М. Т. Томанова, также, по существу, представляют собой жанр исторической грамматики литературных языков. Материалы по исторической грамматике туркменского литературного языка содержатся в трудах З. Б. Мухаммедовой, М. Н. Хыдырова, по азербайджанскому литературному языку—в работах А. Ш. Садыхова, по турецкому литературному (староосманскому) языку—у Э. А. Груниной, В. Г. Гузева.

К исторической грамматике литературного языка могут быть отнесены также исследования тех или иных грамматических категорий в языке памятников—особенно если при этом не применена специальная методика, подготовляющая факты литературного языка для использования в целях разработки исторической грамматики общенародного языка. Здесь более других повезло глаголу и его категориям: описаны глагол, глаголообразование, глагольное управление в языке тюркских рунических памятников (М. А. Ахметов, А. Раджабов, А. С. Аманжолов), развитие глагольных наклонений и времен изъявительного наклонения в староузбекском (Ш. Шукуров), частично в старотуркменском, кате-

гории залога в старотуркменском и староузбекском, эволюция аналитических глаголов (А. Аннануров). Имена изучены в языке рунических памятников, их ключевая категория—склонение (формальная сторона)—в караханидо-уйгурском и чагатайском, а синтаксические функции отдельных падежей—в старотуркменском.

Исследован синтаксис отдельных памятников («Бабур-наме»—Х. Назарова, «Дех-наме» Хатаи—Г. Гасанова); уделялось внимание также тюркскому поэтическому синтаксису (на материале «Кутадгу билиг»—Г. Абдурахманов, азербайджанского фольклора—К. Велиев).

В ряде работ авторы ставили задачу проследить историческую эволюцию тех или иных морфологических единиц по памятникам, не принадлежащим одному литературному языку и не составляющим вкупе одну генетическую линию. В результате не исключено непредумышленное искажение картины реального исторического развития изучаемых единиц языка.

Состояние разработки исторической грамматики литературных языков в настоящее время обуславливает необходимость применения комплексной методики исследования: наряду с методами, используемыми при разработке исторических грамматик вообще, целесообразно пользоваться методическими приемами, учитывающими специфику объекта изучения, а именно статистический (учет частотности грамматических форм) и жанрово-дифференцирующий (учет жанрового и стиливого распределения варьирующих форм и малочастотных форм).

ХII

История тюркских литературных языков требует рассмотрения не только их структурных моментов, но и функциональной стороны—общественной роли.

В тюркском языкознании на функциональную сторону языка впервые обратили внимание В. В. Радлов и С. Е. Малов. Однако их идеи даже после выхода в свет в конце 50-х годов известной статьи С. Е. Малова о роли Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии не получили дальнейшего развития. Тем не менее в последние два десятилетия различного рода динамические явления в тюркских литературных языках по-прежнему привлекали внимание ученых. Общий очерк истории азербайджанского литературного языка, понимаемой как развитие нормы и стиля, осуществил Э. М. Демирчизаде. Состояние казахского литературного языка второй половины XIX в. по материалам документов религиозно-дидактического, научного, публицистического и делового содержания описал Б. Абилкасимов. Язык казахской поэзии XV—XIX вв. (творческое наследие поэтов Бухары Жырау и Махамбета) составил содержание книги К. Омаралиева. Анализ языка каракалпакских литературных произведений XVIII—XIX вв. (творчества поэтов Ажинияза, Бердаха), народных дастанов и деловых документов осуществил Х. Хамидов.

Опыт изучения истории тюркских литературных языков невелик, созданы всего лишь отдельные очерки и фрагменты; целостного систематического исследования истории одного какого-либо языка не существует и создание его—дело будущего. Историей литературных языков в последнее время усиленно занимаются в индоевропейском языкознании—уместно обратиться к этому опыту. Ощущается отсутствие исторической типологии литературных языков. Литературные языки обла- дают общими закономерностями сложения и развития, учет которых це-

лесообразен в методических целях. Но такой типологии пока нет, поэтому необходимо прибегать к приему учета ситуаций в различных литературных языках, чтобы решать собственные вопросы.

В развитии литературных языков выделяются два периода: донациональный и национальный. Каждый из них имеет более детальное деление. Наиболее сложно исследование донационального периода в совокупности его языковых и экстралингвистических обстоятельств. Представляется необходимым освещение исторической, культурной и языковой ситуации, роли конфессиональных центров, больших городов, исторических движений и событий, деятельности писателей, поэтов, ученых и общественных лиц. Детализация сопровождается показом набора языковых средств. Необходимо раскрыть все признаки литературного языка: обработанность, жанрово-стилистическую вариативность, состояние нормы, наддиалектный характер и черты преемственности (традиции). Следует учитывать промежуточные формы литературного языка типа «чагатайского», без чего будет затруднено ясное понимание природы начального периода в истории некоторых тюркских литературных языков.

Следствием слабого понимания (или даже полного непонимания) теории развития литературных языков является тенденция к удлинению или укорочению истории некоторых тюркских литературных языков, которую предстоит преодолеть. Исследование истории литературных языков—одна из актуальных и общественно высокозначимых задач тюркского языкознания.

Составление истории тюркских литературных языков сопровождается, естественно, изучением языка древне- и среднетюркских письменных памятников. Исследование языков памятников в структурном плане велось раньше и будет вестись впредь. Это—традиционная область тюркологии, вызывающая к себе давний и глубокий интерес. Однако структурный подход необходимо дополнить рассмотрением языка памятников и в функциональном отношении. Сочетая то и другое, можно выделить следующие разновидности старых тюркских литературных языков. Руническое койне—первый письменный литературный вариант; древнеуйгурский; караханидско-уйгурский; хорезмско-тюркский; чагатайский; язык тюрки с его вариантами: среднеазиатским, поволжским, арало-каспийским, кавказским; сельджукский; мамлюкско- и армяно-кыпчакский; поволжско-булгарский.

Возникает потребность описания языка каждого периода (что сделано далеко не для всех периодов), освещение литературных и языковых связей, отношения письменных литературных языков к языкам устным или группам диалектов; различных ареальных сближений. Примером такого комплексного исследования является книга Г. Ф. Благовой о тюркском склонении в ареально-историческом освещении.

Исследовательской работе должен предшествовать источниковедческий и текстологический анализ произведений по отдельным периодам.

Для выполнения этой задачи необходимо организовать собрание, описание и издание памятников письменности, отвечающее современным научным требованиям. Весь этот цикл филологических работ выполним лишь хорошо подготовленными специалистами.

XIII

За истекшие семь десятилетий значительная работа проделана в области тюркского источниковедения и текстологии. Изучались все виды

и жанры языковых, литературных и исторических источников всех типов письменностей, применявшихся тюркоязычными народами на протяжении последних почти 1300 лет.

Усилиями нескольких поколений советских ученых, среди которых особенно велики заслуги С. Е. Малова, найдено, исследовано и издано много новых рунических надписей—главным образом на территории СССР. Это публикации С. В. Киселева, И. А. Батманова, А. Ч. Кунаа, В. М. Наделева, З. Б. Чадамбы (Арагачи), Д. М. Насилова, А. М. Щербака, С. Г. Кляшторного, Ч. Д. Джумагулова, О. В. Субраковой, Д. Д. Васильева и др. География рунических надписей включает теперь не только Монголию, бассейн Енисея, но и Алтай, Киргизию; спорадические находки зарегистрированы в Восточной Сибири, Средней Азии и Восточной Европе.

Огромное значение рунических текстов в тюркологической науке определяется их древнейшей хронологией (VIII—XI вв.) и аутентичностью времени создания, которая для рукописных источников, особенно столь ранних, с их сознательными или случайными изменениями в процессе неоднократных переписываний, представляет собой особую проблему. Однако использование текстов рунических памятников как источников по истории тюркских языков и собственно исторических источников до сих пор осуществлялось недостаточно корректно. В плане историческом недатированность енисейских, таласских и других надписей обуславливала их неоправданное удревление (V в. н. э. и ранее) до тех пор, пока с историко-археологической (Л. Р. Кызласов) и палеографической (И. В. Кормушин) точек зрения не была доказана их принадлежность ко второй половине VIII в. и более позднему времени. В лингвистическом плане, как показали А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев и другие ученые, язык надписей не адекватен живому языку этносов, создававших эти памятники,—данное положение равным образом относится и к рукописным памятникам всех эпох вплоть до нового времени,—но является письменно-литературным языком. Согласно современным представлениям, на огромных пространствах Евразии на протяжении ряда эпох существовало несколько различных (прежде всего в социально-функциональном плане) литературных языков. Языки эти соединяли в себе в виде своеобразного сплава: а) строевые черты диалекта уйгурского лингвогенетического типа (в качестве общей основы),—этот диалект получил статус первого литературного языка, по-видимому, задолго до эпохи древнейших тюркских памятников; б) языковые особенности диалектов иных генетических типов, прежде всего огузского, взаимодействовавших с основной и корректировавших облик литературного стандарта в неодинаковой степени в разных географических и историко-культурных ареалах их использования.

Палеографо-текстологическое изучение рунических памятников, как центрально-азиатских, так и енисейских, таласских и других, в последнее время сделало некоторые новые шаги (А. С. Аманжолов, И. В. Кормушин, Д. Д. Васильев); особенно же важно собственно текстологическое их исследование, получившее развитие совсем недавно в трудах И. В. Стеблевой, С. Г. Кляшторного, И. В. Кормушина.

Несколько меньше советскими тюркологами изучены древнейгурские источники. Текстологическую и эдиционную работу по материалам богатых фондов древнейгурских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в настоящее время ведет лишь Л. Ю. Тугушева, опубликовавшая ряд юридических документов и фрагментов религиозного содержания, а также выпустившая отдельной кни-

гой одну из глав—путешествия Сюань-цзана (VI в., уйгурский перевод X в.). Исследования грамматического строя древнеуйгурского языка, которыми в разное время занимались В. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Д. М. Насилов, Р. А. Закиров и другие ученые, являясь основой всякого изучения памятников, тем не менее не компенсируют недостаточное развитие собственно текстологической работы в одной из базовых тюркологических дисциплин.

Источники караханидского круга, как и преемственно связанные с ними, но относящиеся уже к среднетюркскому времени памятники среднеуйгурские, хорезмские и чагатайские,—традиционный объект изучения в Советском Союзе. Труды ученых старшего поколения—А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, А. К. Боровкова, А. Н. Кононова—в этих областях тюркской филологии продолжили С. М. Муталлибов, З. Б. Мухаммедова, Э. Н. Наджип, А. М. Щербак, С. Н. Иванов, Г. Ф. Благова, Г. А. Абдурахманов, Э. И. Фазылов, Ш. Ш. Шукуров, А. К. Курышжанов и их многочисленные ученики. Однако в отдельных трудах этого цикла все еще заметен известный крен в сторону признания памятников донациональной поры (XI—XV вв.), равно общих для целого ряда этносов—предков многих современных наций и народностей, памятниками своими, национальными. Думается, этот крен будет преодолеваться по мере освоения теории литературных языков в практике исследований тюркских источников древних и средних веков.

Успехи в изучении многочисленных и разнообразных источников средневековья и нового времени (XVI—XIX вв.), когда широкое развитие получило письменное творчество тюркских народов на региональных языках тюрки—среднеазиатском, поволжском, северокавказском, не в последнюю очередь связаны с подготовкой квалифицированных кадров и развертыванием соответствующих работ на местах. В ряде республик—Узбекистане, Азербайджане, Татарии, Чувашии—эти работы ведутся интенсивнее; в Казахстане, Туркмении, Киргизии, Башкирии, Дагестане внимание к ним возросло лишь в последнее время. Особый интерес к источникам указанного периода объясняется тем, что они связывают осязаемыми нитями современные тюркские нации и народности с тюркоязычными этносами, составившими ядро этих будущих наций и народностей в период их формирования. Тем не менее подчас складывается парадоксальная ситуация: наследие это кое-где осваивается робко, неохотно, объявляется чуть ли не чуждым народной культуре, языку.

Существенным недостатком многих наших текстологических изданий является слабая оснащенность вспомогательным аппаратом и стремление к упрощенному полиграфическому исполнению (часто по вине полиграфистов). Следует бороться за осуществление сложного вида изданий, каковыми являются тюркские памятники, на высоком научном и полиграфическом уровне. Хотелось бы, чтобы это получило свое воплощение при публикации уже давно подготовленного А. Рустамовым неплохого русского перевода словаря Махмуда Кашгарского. Правда, после выхода в свет ряда новых изданий древнетюркских источников, в том числе прекрасно выполненного американского издания «Дивана», этот словарь требует известной доработки. Необходимо на прежнем высоком уровне продолжить издание словаря XIII—XIV вв. Э. Н. Наджипа, а также, несмотря на полиграфические трудности, — публикацию рунических и древнеуйгурских памятников.

Полное и глубокое освоение богатства тюркоязычной письменной культуры—одна из важных задач советской тюркологии.

XIV

Не прерывалась в СССР и тенденция изучения внешних генетических связей тюркских языков. Достаточно строгое доказательство родства алтайских языков в узком смысле (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) было предложено в первые десятилетия XX в., когда был собран большой корпус алтайских сопоставлений и построен каркас сравнительной фонетики алтайских языков. В этом направлении работали Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев. Начиная с 50-х годов появляется множество работ, значительно увеличивших число алтайских этимологических предложений в области лексики; был получен ряд интересных результатов в исследованиях по сравнительной морфологии алтайских языков (Н. А. Баскаков, И. В. Кормушин, Д. М. Насилов и др.). Большую роль в развитии алтаистики сыграла работа ленинградских ученых по алтайской лексикологии, которая базировалась на важном принципе, выдвинутом В. И. Цинциус: анализе лексики по лексико-семантическим группам. Такой анализ повышает надежность предлагаемых сближений и представляет возможность получения новых нетривиальных словарных сопоставлений. К сожалению, до самого последнего времени мало нового вносилось в реконструкцию фонетики алтайских языков; практически все, что было сделано здесь нового, — две замечательные, но не беспорные работы В. М. Иллич-Свитыча по начальному консонантизму в праалтайском.

Ряд исследователей до сих пор считает родство алтайских языков недоказанным, оставляя за алтайской общностью лишь ареальный и типологический статус. Основные претензии вызывает введенная в алтайское сравнение лексика: утверждается, что все лексические сопоставления могут быть объяснены разновременными заимствованиями. Делаются даже попытки доказать отсутствие родства между алтайскими языками при помощи анализа характера входящей в сопоставление лексики (А. М. Щербак). Действительно, алтайское сравнение наталкивается на многократно возобновлявшиеся тесные контакты между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами, вследствие которых лексика алтайского языка переполнилась заимствованиями из других алтайских языков. Довольно большое количество таких старых заимствований просочилось в традиционный корпус алтайских сближений. Однако, по мнению другой части исследователей, при самом суровом отборе остается много безупречных сопоставлений для утверждения генетического характера алтайской общности. Дальнейшие исследования в области алтайского родства должны базироваться на тщательном анализе этимологических предложений с целью обнаружения заимствований любого хронологического уровня. Здесь должно помочь применение системного анализа лексики и морфологии, приводящего к уточнению семантической реконструкции, что повышает доказательность этимологий. Уточнение сравнительных фонетик отдельных групп внутри семей языков также увеличит надежность алтайских сопоставлений.

На хронологически более глубоком уровне тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки объединяются в одну семью с японским и корейским. Предположения об их родстве выдвигались еще в прошлом веке, затем в 20-х годах XX в. Е. Д. Поливановым, но более детальное научное обоснование они получили лишь в 60-х годах в работах главным образом японских и западных ученых. В нашей стране до сих пор сопоставление морфем тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков с корейским и японским проводилось лишь в рамках первич-

ного сбора материала, часто на основе внешнего сходства (Н. А. Сыромятников); появившаяся в последнее время работа С. А. Старостиной уточняет японско-корейскую реконструкцию и позволяет провести новые алтайские сближения.

В составе алтайской семьи тюркские языки вводятся в ностратическое сравнение, развивающееся в нашей стране с 60-х годов: именно тогда впервые были получены данные, имеющие доказательную силу для ностратического родства,—в основном построена сравнительная фонетика и собран достаточно большой корпус ностратических этимологий (В. М. Иллич-Свитыч). В ностратическую макросемью кроме алтайских языков входят индоевропейская, картвельская, семито-хамитская, уральская и дравидийская семьи. Предпринимаются попытки доказательства ностратического характера (и, следовательно, родства с алтайскими языками) других языковых групп: эскимосско-алеутской семьи (О. А. Мудрак), материал по которой показывает довольно много специфических изолексов с алтайскими и особенно с тюркскими языками; менее доказательны чукотско-корякско-ностратическое сравнение (А. В. Головастикив и др.) и енисейско-ностратическое (Г. К. Вернер, Г. Т. Поленова).

Объективная причина настороженного отношения к ностратике у ряда лингвистов—недостаточная полнота сравнительных грамматик, входящих в ностратическое сравнение семей, из-за чего в каждой из этих семей возникает масса этимологических альтернатив, наличие которых резко снижает очевидность ностратических сближений.

Очень проблематично алтайско-нивхское сравнение, использующее материал тюркских языков.

Исследования по отдаленному родству тюркских (или алтайских в целом) языков носят характер парных сопоставлений языковых семей. Прежде всего, это исследования по урало-алтаистике. В последние десятилетия работа по собственно урало-алтайским связям у нас в стране приобрела в основном направление типологическое или ареалогическое.

В последнее время были предприняты попытки сравнения тюркских языков с некоторыми древними языками Передней Азии. Такие исследования были бы правомерны, если бы они были направлены на поиск древних контактных слов. Но даже в этом случае они должны ориентироваться на тот факт, что древние тюрки (или предки азербайджанцев) вряд ли контактировали непосредственно с хеттами и шумерами.

Дальнейшее изучение отдаленных связей тюркских языков возможно лишь на фоне развития исследований по тюркской сравнительно-исторической грамматике и этимологии.

XV

Без обобщения и критической оценки сделанного предшествующими поколениями исследователей невозможно определить приоритетные направления науки. Поэтому закономерно, что уже на 1-м тюркологическом съезде (Баку, 1926) была поставлена задача составления библиографии по тюркологии.

Библиографические сведения стали занимать значительную часть вводных курсов в тюркское языкознание (А. Е. Крымский, Н. А. Баскаков), библиографических обзоров и очерков, а также библиографических словарей (А. Н. Кононов, С. Д. Милибанд). Появилась серия брошюр и статей, посвященных научному творчеству известных пред-

ставителей отечественного тюркского языкознания, в которых рассматривались их труды и делались попытки определить их вклад в соответствующие области тюркской лингвистики. В последние десятилетия внимание языковедов было привлечено к творчеству такого крупного представителя советской тюркологии, как А. Н. Самойлович, были осуществлены удачные опыты объективной характеристики богатого и ценного научного наследия В. И. Вербицкого, Н. И. Ильминского, Н. Ф. Катанова, Б. Чобанзаде, имена и труды которых в силу ряда исторических обстоятельств долгое время были полузабыты или вообще не упоминались в научной литературе.

Среди работ, связанных с историей тюркского языкознания, особенно важны книги, брошюры и статьи академика А. Н. Кононова. Вместе с публикациями Ф. Д. Ашнина, Б. В. Лунина и других авторов они четко оформили четыре перспективных направления историографии тюркского языкознания:

1) создание истории отечественной лингвистики—характеристика научных центров, школ и направлений, анализ творчества отдельных исследователей с оценкой его теоретических и методических результатов;

2) создание фрагментов истории зарубежной лингвистики;

3) издание библиографий: составление общих и частных библиографических указателей по национальным тюркским языкознаниям—казахскому, каракалпакскому, уйгурскому, татарскому, чувашскому, башкирскому и другим; подготовка библиографических словарей и справочников; опубликование списков трудов отдельных исследователей;

4) публикация статей и даже собраний сочинений отечественных и зарубежных авторов, труды которых по разным причинам оказались малодоступными для современных читателей.

За истекшие семьдесят лет на каждом из этих направлений в те или иные периоды достигались позитивные результаты, но исследования в области истории тюркской лингвистики нуждаются в интенсификации, в притоке свежих идей и сил. Необходимо, чтобы удачная книга А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России» уже в ближайшие годы была продолжена хотя бы главами новой книги «История изучения тюркских языков в СССР». Огромная собирательская и исследовательская деятельность нескольких поколений лингвистов-тюркологов Москвы, Ленинграда, Казани, Баку, Ташкента и других научных центров союзных и автономных республик и областей заслуживает объективной критической оценки, которая позволила бы рельефно представить достижения, выявить узкие места и наметить первоочередные задачи.

Более эффективным может быть знакомство с состоянием тюркского языкознания за рубежом: оно призвано помогать взаимной научной информации, кооперации тюркологов социалистических стран и организации приоритетных исследований. Библиография зарубежных работ может развиваться, с одной стороны, как регулярная оперативная информация на страницах специальных журналов в виде тематических обзоров, рецензий, аннотаций книг и статей, а с другой—как освещение результатов исследований зарубежных научных центров и школ, а также областей и направлений науки: компаративистики, текстологии, лексикологии, фонологии и т. д.

Развитие советского тюркского языкознания невозможно без опоры на фундамент исследований классиков нашей науки. Поэтому новый

импульс должен быть дан подготовке к переизданию трудов В. В. Радлова, Е. Д. Поливанова, А. Н. Самойловича, Н. К. Дмитриева, С. Е. Малова, Б. Чобанзаде и других ученых. Следует, вероятно, подумать о переводе на русский язык и издании трудов некоторых зарубежных тюркологов—Ю. Немета, Л. Лигети, Г. Рамстедта, В. Банга и др. Начать можно было бы с публикации сборников их статей, имеющих принципиальное значение для развития тюркского языкознания, используя при подготовке таких сборников опыт московских и чебоксарских лингвистов, недавно представивших научной общественности две полезные книги.

Х. КОРОГЛЫ

ВОПРОСЫ ТЮРКСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

I

Фольклорно-эпические произведения народов СССР (народные героические песни, сказания, сказки, легенды и предания) издавна привлекают внимание ученых. Прделана огромная работа по их собиранию и изучению. В настоящей статье рассматриваются основные тенденции в публикации и изучении эпоса тюркоязычных народов СССР. Целесообразно, на наш взгляд, выделить определенные периоды: дореволюционный и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В первый период основными собирателями и публикаторами фольклора, в том числе эпоса, были лингвисты и этнографы, использовавшие полученные материалы в своих научных целях. Тем не менее именно эти ученые явились пионерами в изучении фольклора тюркоязычных народов. Так, М. А. Кастрен впервые в XIX веке обнаружил и записал хакасские богатырские сказания. В. Титов записал и опубликовал героические поэмы минусинских татар. Вклад в тюркскую фольклористику внесли И. Гмелин, О. Н. Бетлингк, А. Ф. Миндендорф, политические ссыльные И. А. Худяков, С. В. Ястремский, М. П. Овчинников, Э. К. Пекарский, оставивший нам великолепный словарь якутского языка и прекрасно выполненную запись якутского олонхо в сборнике «Образцы народной литературы якутов» и др.

В дореволюционный период крупным центром востоковедения, и в частности тюркологии, стала Казань, где была сосредоточена эдиционная работа обширного региона—Средней Азии, Поволжья и Южной Сибири. В Казани впервые были опубликованы крупные эпические памятники—эпос тюркских народов Поволжья и Средней Азии «Кузы Корпеш и Баян Слу», «Хикайат-и Кур-оглы Султан» (1885) и др.

Начало же научному осмыслению собранных материалов положили такие известные тюркологи, как В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, И. Н. Березин, А. Г. Туманский, К. А. Иностранцев, П. М. Мелиоранский, Ч. Велиханов. Академик В. В. Радлов и его ученик, первый ученый-хакас профессор Н. Ф. Катанов впервые выработали научную транскрипцию для записи текстов и опубликовали большое число памятников. Они же первыми дали научное объяснение природе хакасского эпоса, исходя из его художественно-поэтической ценности, подошли к пониманию эпоса как жанра, отражающего вековые идеалы народа-творца. Фольклористические выводы В. В. Радлова («эпос есть поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа») звучат современно и в наши дни. Не утратил своего значения его многотомный труд «Образцы народной литературы тюркских племен».

Собираанию, публикации и изучению фольклора тюркских народов Сибири и Центральной Азии посвятил всю свою жизнь Г. Н. Потанин. Представитель школы компаративистики, он создал свою теорию «восточной гипотезы», предложил новую методику исследований, одним из первых ученых-фольклористов основой работы сделал полевой сбор материала. Нельзя не отметить заслуги Г. Н. Потанина, противостоявшего европоцентристским тенденциям и стремившегося приобщить Восток к мировой культуре.

Не со всеми теоретическими положениями Г. Н. Потанина можно согласиться (в частности, с его «восточной гипотезой»), но он всегда шел в ногу с веком.

Вышеназванные ученые записывали тюркоязычные эпические материалы и изучали их до присоединения Средней Азии к России, поэтому их труды схватывают лишь фольклор казахов, киргизов и тюркских народов Сибири. С вхождением Средней Азии в состав Российской империи расширился диапазон собирания, публикации и изучения тюркоязычного эпоса. К плеяде русских ориенталистов прибавились новые учены (А. А. Самойлович, И. А. Беляев, П. Фалев, Н. К. Дмитриев, А. Диваев и другие). Однако этот период (конец XIX—начало XX века, до Великой Октябрьской социалистической революции) не отличается обилием публикаций тюркоязычного эпоса. Записи народно-эпической поэзии непосредственно от исполнителей в среднеазиатском регионе производились чрезвычайно редко. Зато возникла новая тенденция в фольклористике: то малое, что удавалось записать, как правило, подвергалось затем идеологической обработке в духе мусульманско-газаватской литературы. Таким образом, некоторым героям народного эпоса приписывалась роль защитников веры, борцов против неверных, хотя в большинстве случаев эти эпитеты текстуально не подкреплялись.

С появлением письменного фольклора прослеживается еще одна тенденция—идеи ислама или даже газавата стали наславаться на сюжеты эпоса через клерикальную литературу, которую устно распространяли среди неграмотного населения певцы-анонимы. Зародившиеся главным образом как городской фольклор в Иране и Турции, в городах Средней Азии (Бухаре, Коканде, Хиве), эти дастаны проникали в кочевую среду. Целый ряд такого рода произведений обнаружил и записал В. В. Радлов в киргизских (казахских) степях.

Таким образом, тюркская фольклористика до Великой Октябрьской социалистической революции прошла большой путь, оставила след в науке.

Многое было сделано благодаря усилиям Российской Академии наук, Русского географического общества, которые субсидировали и направляли работу ученых-тюркологов и энтузиастов, руководили такими крупными центрами тюркологии, как Сибирь и Казань. Велики их заслуги в публикации обширного фольклорного материала на Кавказе, где под эгидой этих научных учреждений издавались многотомные труды—«Кавказский сборник» в Тифлисе, «Тифлиские ведомости», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», включавший фольклорные материалы азербайджанцев, карачаевцев, балкар, кумыков и ногайцев. В этом «Сборнике» сотрудничали наряду с русскими учеными представители местной интеллигенции, например, азербайджанцы И. Велизаде, Махмудбеков и др. Особо следует отметить роль газеты «Кавказ», выходившей в Тифлисе и печатавшей произведения азербайджанского фольклора. Так, С. С. Пени в 1856 году

опубликовал в этой газете свой перевод с английского языка на русский эпоса «Кероглы», записанный русским дипломатом Александром Ходзько в Южном Азербайджане и изданный им же в переводе на английский язык в Лондоне в 1842 г. Перевод С. С. Пенна вызвал живейший интерес к эпосу русских литераторов, в том числе Н. Г. Чернышевского. В этой же газете были напечатаны «Образцы азербайджанской народной мудрости» (Е. Султанов) и другие материалы.

II

После установления Советской власти на территориях, населенных тюркоязычными народами, начался новый этап в истории собирания, публикации и изучения фольклора вообще, эпоса в частности. Изменилась и система организации этого процесса. Если в дореволюционный период преобладали личная инициатива, энтузиазм ученых, то теперь научным исследованиям было придано государственное значение.

Наука о фольклоре тюркских народов СССР фактически сложилась лишь к 40-м годам. В настоящее время все республики и края с тюркоязычным населением имеют национальные кадры специалистов-фольклористов. Созданные этими учеными труды заложили основу национальной фольклористики и явились вкладом в советскую науку о фольклоре.

В 30—40-х гг. почти повсеместно создавались бригады по записи фольклора, собиранию рукописей, хранящихся в частных собраниях. Благодаря длительной и кропотливой работе было собрано и хранится в фондах научных центров республик с тюркоязычным населением огромное количество ценных материалов. Полевая экспедиционная работа ведется теперь с привлечением новейших технических средств.

40-е и 50-е годы явились новым этапом в тюркской фольклористике Советского Союза. СобираТЕЛЬСКАЯ работа дополнилась систематизацией и отбором собранного материала, а это, в свою очередь, подготовило почву для публикаций и обобщения. К крупным научным центрам— Баку, Ташкенту вскоре присоединились Казань, Уфа, Нукус, Алма-Ата, Фрунзе, Горно-Алтайск, Ашхабад, Якутск, Махачкала с кумыкским населением. Эдиционная работа началась и в таких сравнительно малонаселенных тюркоязычными народностями областях, как Северный Кавказ (ногайцы), Крым (крымские татары), Молдавия (гагаузы) и др. Началась работа по серийному выпуску (своду) фольклорного материала. В Азербайджане вышли пятитомные издания дастанов, сказок, сборники баяты, пословиц и поговорок, народных песен и др. В Узбекистане свод фольклорного материала ныне составляет 30 томов. Кроме того, выпущен пятитомник сказителя Джуманбюлюбюоглы, сборники Пулкан шаира и др. В общей сложности в Узбекистане издано более 500 фольклорных сюжетов. В Каракалпакии свод фольклора составляет 18 томов. Отдельными изданиями выпущены знаменитый эпос «Кырк кыз» и богатырский эпос «Шахрияр». В Киргизии записаны все варианты эпоса «Манас» объемом более 500 000 стихов, изданы четырехтомные варианты Саакбая Каралаева и Сагамбая Орозбакова. Кроме того, в Киргизии опубликовано 10 томов «малого» эпоса и лирических песен. Вышли в свет 18 томов свода башкирского фольклора, 10 томов татарского фольклора, 12 томов алтайского эпоса («Алтай баатырлар»), несколько томов якутских олонхо, якутские лирические песни в 4 томах. Издания эпоса и других фольклорных материалов выпущены в Казахстане, Туркмении, Хакасии, Туве и др.

Институтом мировой литературы АН СССР осуществляются пуб-

публикация и изучение эпоса народов СССР, в том числе тюркоязычных. Памятники издаются в оригинале и в переводе на русский язык. Каждому изданию предпослана вступительная статья, оно снабжено также комментариями и биографическими сведениями о сказителях, обширным научным аппаратом. Издание эпоса осуществляется совместно с республиканскими научными центрами.

В изучении фольклорного материала, главным образом эпоса, в 60—80-х гг. наблюдается тенденция к монографическим исследованиям.

Как и во всяком большом начинании, в советской тюркской фольклористике были и сложные периоды, в особенности это касается изучения эпического наследия. Так, в первые годы после установления Советской власти имели место тенденции нигилизма, тесно связанного с вульгарным социологизмом, с одной стороны, и так называемого единого потска, отрицавшего вообще классовую сущность фольклора, — с другой. Но не эти крайние точки зрения определяли сущность фольклористики, ведущим направлением которой было признание классовой сущности фольклора. Этим диктовались поиски в первую очередь идейной направленности эпических произведений. Однако марксистско-ленинское понимание классовой природы фольклора и историческое толкование его особенностей часто искажались прямолинейной социологизацией, делением эпических произведений на «народные» и «антинародные», что приводило к грубейшим ошибкам.

Без тщательного и всестороннего изучения конкретных эпических произведений многие народные творения объявлялись антинародными, им приписывалась феодально-байская идеология лишь на том основании, что героями этих произведений были представители высших слоев общества; это в условиях далекого прошлого было совершенно естественно. Такая прямолинейность проявлялась и в отношении эпического этноса и в толковании деяний героев, имена которых были созвучны именам исторических личностей. Не учитывалось, что не о каждом историческом лице, в зависимости от его деятельности, народ сохраняет добрую память. Сказитель не пассивен в оценке исторического образа, он отражает мнение большей части слушателей. Так рождается образ эпического героя, и при этом очень важно, чтобы изображаемые подвиги главного персонажа произведений были созвучны исторической деятельности народных масс, создателей эпоса.

Отметим еще одну тенденцию в публикации и изучении эпического текста, существовавшую в прошлом, но не изжитую и в наши дни. Это грубое вмешательство в текст памятника с целью «очищения» его от якобы идеологически вредных наслоений.

Все эти антинаучные в своей основе тенденции послужили поводом к созыву ряда всесоюзных конференций по изучению эпических памятников. Так, в 1954 г. в Институте мировой литературы АН СССР состоялась конференция по проблемам изучения эпоса народов СССР; в 1956 году обсуждались вопросы изучения эпических сказаний об Алпамыше, позднее была организована специальная конференция по реабилитации эпоса «Манас». Возглавляли эту работу крупнейшие фольклористы Москвы и Ленинграда, союзных и автономных республик. Со всей очевидностью были выявлены грубые ошибки, допущенные в изучении эпоса. Основопологающие решения, принятые на этих конференциях, актуальны и сегодня. Не секрет, что и по сей день по непонятным причинам не публикуется целый ряд великолепных общетюркских эпических памятников («Юсуп и Ахмет», «Гюль и Билбил», «Алыбек и Балыбек»,

«Тулумбек» и др.), принадлежащих туркменам, каракалпакам и узбекам, знаменитый кызылордынский эпос «Едигей», «Аксак Теймур», «Кесик баш» и др. В Туркмении не публикуется и не изучается всемирно известный эпический памятник огузов «Книга моего деда Коркуда», вышедший на русском языке еще в 1962 году в академической серии «Литературные памятники» и переведенный на многие языки народов мира. Объясняют эту нелепость тем, что публикация памятника в 1951 году была запрещена. Однако на IV Всесоюзной тюркологической конференции в Ашхабаде в 1985 году были приняты решения о пересмотре прежде неправильно принятых решений и было предложено начать изучение и публикацию всего богатого наследия тюркского эпоса. Эти решения пока не реализуются.

В 60—80-х гг. большое место в науке о фольклоре начали занимать проблемы поэтики, литературных, культурных взаимосвязей, типологии, генезиса эпоса и др. Сделано в этом плане немало, но предстоит еще огромная кропотливая работа. Ушли в прошлое времена, когда каждый научный центр занимался изучением только национального материала, не прибегая даже к историко-сравнительному методу и типологическим поискам. Во многих республиках и краях с тюркоязычным населением уже опубликованы или готовятся монографии по сравнительному методу, поэтике и стихосложению.

Значительным достижением тюркологов-фольклористов за период Советской власти явились систематизация и каталогизация собранного и записанного материала. В каждом научном центре созданы архивы и книгохранилища, ведется текстологическая и библиографическая работа в фондах, однако не составлены еще каталоги-справочники, столь необходимые для исследователей. Отсутствие упорядоченной картотеки и учета наличных материалов по всем версиям и вариантам фольклорных произведений существенно тормозит работу фольклористов. К сожалению, по сей день во многих фольклористических центрах публикация часто носит неплановый характер, зависит от личной инициативы научного сотрудника, то есть отсутствует четкая система отбора фольклорного материала для публикации, хотя эдиционную работу во всех республиках возглавляют научно-исследовательские учреждения.

Не везде ведется и тщательная текстологическая работа перед публикацией, что приводит зачастую к курьезным случаям. Так было при повторном издании дастана «Делли», записанного со слов известного сказителя Джуманбюлюоглы. Первое и второе издания этого дастана изобилуют разночтениями.

Досадно, что преобладающее большинство публикаций, в том числе серийные, не снабжаются сколько-нибудь удовлетворительным научным аппаратом, что лишает публикацию научной ценности.

Наконец, нельзя, на наш взгляд, не отметить, что до 50-х гг. основная тенденция в публикации собранного материала была научно правильной. Печатались варианты, записанные от определенного сказителя, к записи прилагался точный паспорт, необходимый для фольклорных записей. Так, еще в 40-х гг. в Азербайджане были опубликованы дастаны эпоса «Кероглу» в записях известного фольклориста Хуммата Ализаде, который снабдил их записи паспортом, указав, где, когда, от кого записан материал. Без такой точной паспортизации запись теряет научную ценность. Так же работал в те годы и туркменский фольклорист Ата Каушутув, издав эпос «Гёроглы» в варианте сказителя Палванбахши. Узбекские фольклористы опубликовали несколько дастанов из цикла «Гороглы». Каждый дастан был записан лишь от одного скази-

теля. Такой научный принцип публикации фольклорного материала был нарушен в позднейших изданиях азербайджанского и туркменского эпосов. Составители и издатели отошли от единственно правильной научной основы публикации эпоса (один вариант эпоса—один сказитель) и предпочли ненаучный сводный метод, когда один вариант эпоса компонуется из материалов, записанных от нескольких сказителей. Так, в серии «Азербайджанские дастаны» («Азәрбајҹан дастанлары») четвертую книгу составляет эпос «Кероглу». Как разъясняется в комментариях, каждый дастан цикла составлен из вариантов, записанных от трех-четырех ашугов. Первый дастан «Алы-киши» составлен, например, из вариантов ашугов Асада, Бозалганлы и Али. Еще более курьезно то, что сюда же включен дастан под названием «Қаф», изданный в 1842 году на английском языке, а затем в 1856 году переведенный на русский язык, текст этого варианта вообще не существует на азербайджанском языке. Составитель не сформулировал принцип составления сводного текста. Особенно озадачивает использование в публикации дастана «Қаф» и некоторых других вариантов из записей А. Ходзько, сохранившихся лишь в переводе на английский язык и через него на русский. Более того, эта версия азербайджанского дастана в сильной степени отредактирована и приобрела литературную форму. Об этом свидетельствует не только язык и стиль памятника, но и материал архива. Наши поиски в Азербайджане рукописи научной записи эпоса «Кероглу», осуществляемой Х. Ализаде и другими фольклористами 30-х гг., принесли удручающий результат — оказалось, что имеются лишь машинописные тексты записей, тщательно отредактированные и в таком виде хранящиеся в архиве.

Аналогичную картину обнаруживает и издание туркменской версии эпоса «Гёроглы», опубликованной в 1958 году под редакцией Н. Аширова. Этот сводный текст включает материалы севастьяпольского, чарджуйского, ташкентского, красноводского, ленинградского (!?) вариантов, а также дореволюционные ташкентские, уфимские, казанские литографированные издания.

Если сводный текст помогает читателю составить самое общее представление о памятнике, без учета специфических черт, присущих варианту каждого сказителя и той области, где этот вариант распространен, то, естественно, этот текст не может служить целям научного издания и исследования. Кроме того, составитель сводного текста невольно вносит в него изменения и дополнения, что подтверждают рукописи текстов эпоса, хранящиеся в Азербайджане.

За семьдесят лет после победы Великого Октября советская тюркская фольклористика стала самостоятельной областью науки. Но, к сожалению, собранный материал лишь частично стал достоянием всеобщего читателя. Очень редки переводы национальных памятников на русский язык, причем поэтические переводы, как правило, лишь приблизительно передают основное содержание фольклорного произведения, поскольку выполнены по подстрочнику, составленному весьма приблизительно. Общеизвестно, что перевод тогда хорош (особенно академический), когда переводчик владеет обоими языками в одинаковой степени. Так, алтайский эпос «Маадай-Қара», переведенный великолепным знатоком алтайского эпоса и русского языка С. С. Суразаковым и изданный в серии «Эпос народов СССР», выделяется своим высоким научным и художественным уровнем. В этой же серии вышел первый том знаменитого киргизского эпоса «Манас». Над подстрочным переводом текста велась работа в республике в течение нескольких лет. Поскольку

издание академическое, то был необходим так называемый филологический перевод (квалифицированная редакция подстрочника). Эту работу осуществил Институт мировой литературы АН СССР. В результате вышедший первый том, хотя и передает основное содержание эпоса, тем не менее далек от совершенства в передаче художественной ценности памятника. Приведем лишь отдельные примеры: известно, крупный феодал, каким является в эпосе отец Манаса Джакып, смысл жизни видел в сыне-наследнике. Сетуя на бездетность, он несколько раз повторяет «балам джок». Редакторы подстрочника, не учитывая специфику эпизода, слово «балам» переводят по-разному: 'ребенок', 'дитя' и т. п. А ведь речь идет именно о сыне-наследнике. В строке 7 говорится: «Дунуйе ээси балам экэн» ('Только сын мой—хозяин моего состояния'). Переводчики-редакторы исказили смысл фразы: «Только ребенок—хозяин всему добру» (ребенок—мальчик, девочка. Ушаков). На стр. 14 говорится: «Эртели-кечти эки көзден жасты тыйбайсыз» ('И утром и вечером проливали слезы'). Переведено: 'И утром и вечером не унимались' (униматься—успокоиться, стать смиренным, кротким в каких-н. дурных проявлениях, перестать делать дурное. Ушаков). Фраза: «Ат байлар адам болбосо Бакдөөлөткө чоң милдет» ('Если некому привязать коня, то бей челом Бакдөөлөту'). Переведено: '...тогда это первое дело Бөкдөөлөта'. В переводе есть и погрешности в русском языке: «Разве могут так подло говорить» (стр. 222). Имеются и такие «перлы», как кокетка (фр. coquette), и это в фольклорном тексте!

Работа над переводом эпоса «Манас» только начинается, впереди еще три тома. Совершенно необходимо, чтобы в дальнейшем переводческая работа над этим мировым памятником велась более квалифицированно.

В статье рассмотрены лишь основные тенденции в публикации и изучении эпоса тюркоязычных народов СССР. Недостатки и ошибки, отмеченные нами, разумеется, были обусловлены сложностью проблем, стоявших перед исследователями. Подводя итоги, можно сделать вывод, что за последние десятилетия тюркская фольклористика достигла значительных успехов и продолжает развиваться в русле всей отечественной востоковедческой науки.

Э. И. ФАЗЫЛОВ

ТЮРКСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тюркологами проделана значительная работа по филологической обработке и публикации древних и средневековых памятников. Большим событием в тюркской рунологии последних лет является выход в свет нового свода рунических памятников VII—IX вв. и их грамматики (А. Н. Кононов, Д. Д. Васильев, С. Г. Кляшторный). В области древней уйгуристики плодотворно работают известные специалисты (А. Габен, П. Циме, Д. Кара, Ш. Текин, К. Рёрборн, Л. В. Кларк, Ю. Р. Хамилтон, Татсуро Ямамото, Он Икеда, Макото Окано, Ю. Ода, М. Шоганито, С. Тезжан, О. Серткая, Л. Ю. Тугушева и др.), публикации которых во многом являются образцовыми. Всеобщую признательность получили издания старотюркских памятников XI—XIV вв.

Тем не менее все еще остаются недостаточно исследованными история тюркоязычных народов, их мировоззрение, эволюция религиозных верований, изменения в эстетических вкусах и взглядах, развитие языка на всех его уровнях. Существующий пробел возможно устранить путем всестороннего изучения материалов, которые хранятся в рукописных фондах, библиотеках и у частных лиц как в СССР, так и за рубежом.

Интерес к литературному наследию постоянно возрастает. Однако большинство рукописей практически недоступно для исследователей: одни памятники давно стали библиографической редкостью, другие до сих пор не издавались и украшают лишь рукописные фонды. Имеющиеся же издания не всегда отвечают уровню современной филологической науки. К сожалению, научная текстология не получила у нас должного развития. Разве можно признать истинно научными так называемые академические издания, создаваемые в союзных республиках без критических текстов? [1. С. 24—35]. Как считает Б. В. Томашевский, «нельзя ставить вопрос об издании, не выяснив истории текста» [2. С. 31]. Текстология—не механический догматизм, фиксирующий изменения текста лишь в процессе сличения, выявления внешних различий, составления генеалогических стемм без ясного представления о цели и смысле этой работы, и тем более—не только практическая эдиционная дисциплина. Текстология, изучая историю текста того или иного произведения, глубоко и всесторонне постигает его содержание, раскрывает смысл, определяет инновации, соотношение с другими творениями, прослеживает общую картину его создания, воплощения авторского замысла, устанавливает основной канонический текст [3. С. 24—58]. Важнейшим принципом текстологии Д. С. Лихачев считает изучение истории

текста памятников не только по их внешним признакам, но и в связи с изменением содержания—их идейной направленностью.

Труды ученого—это и свод текстологических обобщений общелингвистического значения; приемы обработки текстов, методика и даже чисто технические его рекомендации могут быть успешно использованы для исследования и публикации памятников тюркских народов.

Для тюркологов необходим новый, комплексный подход к проблемам текстологии, исходящий из идеи генетической взаимосвязанности, взаимообусловленности всех текстологических фактов в их совокупности и системе в сравнительно-историческом аспекте. При этом нужен полный учет богатого положительного опыта ведущих специалистов по иранской, древнерусской, древнегреческой, английской, французской, немецкой текстологии, их методики и приемов при атрибуции, датировке, локализации текста и др. Так, весьма плодотворным оказалось исследование сравнительной частоты употребления синонимических, дублетных средств языка при установлении авторства античных и немецких классиков [4. С. 146—195], примененное к поэме «Гуль и Навруз» Лютфи (XV в.). Дело в том, что некоторыми узбекскими специалистами была предпринята попытка пересмотреть вопрос об авторстве этой поэмы [5. С. 155—166]. Последние интересные находки и публикации О. Ф. Серткаи еще раз подтвердили многовековое традиционное мнение о принадлежности великой поэмы о любви и дружбе перу Лютфи [6. С. 187—188]. Что касается других произведений этого классика тюркской литературы, которые дошли до нас в многочисленных списках, то архетипы и протографы их до сих пор не установлены. Например, в книгохранилищах мира имеются 30 рукописей «Дивана» Лютфи; 9 газелей, сохранившиеся в авторском варианте, переписанном при его жизни, были включены в стихотворные сборники того времени. Все эти газели есть и в «Диванах» поэта. Для наглядности приведем один пример из лондонской рукописи (British Museum Or. 8193, 172 r), которую впервые прочел и издал турецкий ученый, проф. Осман Ф. Серткай [7. С. 185—186].

1. Āj laṭāfat bustāny iĉrā sarv-i ḥoṣ- ħirām
Tapy ruḥsāryñ gülindin ḥusn baḡy iñtirām
2. Āj jüzüñni küngā oḥsatsam muvaḗẓahdur dalil
Ab-i ḥajvan desām erniñni erür mālā kalām
3. Bolsa dozaḥta ḥajālyñ taḡa küjmāklik ḥalāl
Bolmasa ḗannatta jādyñ ḗaḡa āsājiṣ ḥarām
4. Zarvaraq-tek bolmyṣam simin saqaqyn ṣavqydyñ
Kör ki ne zardu nizār etti moni savdāji ḥām
5. Baz-zuhā val—lajl oqur-men jüz-ü zulfuñny körüb
Keĉti umrum barĉavu virdim erür bu subḥ-u šām
6. Carĉi maḥramdur raqibiñ ḥaqdyn usmasmen umid
Berdi kāfirnin murādyn bersāḡaj-mu bisḡā kām
7. Iṭlāriñiz birlā boldy Lutfi jarym asira
Jan qalamlary fidasy qylsalar isni tamam.

Разночтения по другим древним рукописям:

а) Лондонской (British Museum Add., 7914):

2 (бейт) eniñni = aḡsynny;

3 (бейт) = 5; āsājiṣ-ārājiṣ;

5 (бейт) jüz-u zulfuñny = zulf-u jüzüñni;

'umrum barĉavu virdim = Lutfi 'umru-u virdi;

7 (бейт) —;

б) рукопись из Готы (Gotha, N 211):

3 (бейт) = 5 бейту;

4 (бейт) *zarvarağ-tek* = *zarvarağ-dek*;

7 (бейт) —.

В Лондонской и Готской рукописях 4-м бейтом идут следующие стихи:

*Qomatıñ tubâ nihâlydur labıñ kavsar suvy
Jüzün ul hür-i bihişti tutty 'âlî maqâm.*

В изданиях проф. Исмаила Хикмета Эртайлана (*Lutfi Divani, Istanbul, 1960*) данная газель отсутствует. В ней, как и в других газелях, различия весьма существенные: перестановка бейтов; полная замена целого полустушия; изменение порядка слов; замена слов синонимами; замена старых или непонятных слов новыми или понятными словами; замена союзов, послелогов равноценными вариантами; изменение идеологического порядка; повторы и пропуски; механические ошибки и опiski; разницей в орфографии и др. Издателям «Дивана» следует, изучив историю текста, вскрыть в нем старую основу и внесенные переписчиками изменения, часть которых имеет идеологическую направленность.

Аналогичную работу предстоит проделать и по другим классикам тюркской литературы. Один из старейших исследователей рукописей поэмы А. Навои «Хамса» П. Шамсиев справедливо писал: «Значительную часть своей жизни я потратил на изучение текстов и воссоздание первоначального их облика. Однако мы далеки от притязаний, что в этой области поставлена последняя точка над *i*. Изучение и создание критических текстов А. Навои необходимо продолжить молодым ученым-текстологам с небывалым усердием и великой ответственностью» [8. С. 89].

Действительно, усилиями А. Н. Кононова, Х. Сулейманова, П. Шамсиева, С. Ганиевой, А. С. Левенда, Гёнюль Алпай, Кемаля Эраслана начата работа по созданию сводных критических текстов произведений А. Навои, однако для успешного ее завершения необходим колоссальный труд большого коллектива ученых. Необходимо отметить, что все еще не прослежены даже своеобразие манеры письма и типичные ошибки таких выдающихся каллиграфов, как Султан Али Мешхеди, Абдулджамия, Султан Мухаммад Хандана, Мухаммад бинни Нура, Дарвиш Мухаммад Таки, Хиджрана, и многих других. А без этого нельзя правильно ответить на вопрос: писал ли Султан Али Мешхеди «Пятерицу» под непосредственную диктовку А. Навои или переписывал с его рукописи?

Даже при беглом просмотре опубликованных памятников литературы нетрудно заметить, что в каждом издании применены отличные от других методика исследования и прием подачи материала. В первую очередь, это объясняется неразработанностью техники и методики историко-тюркологических и текстологических исследований. Необходимо выработать единые принципы научного аппарата издания с целью воспроизведения текста без его модернизации. Публикация памятников должна осуществляться на основе исчерпывающей информации об авторе, о литературе того времени, об истории создания текста и его месте среди сходных памятников, об особенностях системы письма, типичных ошибках писца, о разновременных и разнотерриториальных языковых напластованиях, лексико-грамматических особенностях языка с приведением полного глоссария, грамматического указателя и глубоких научных комментариев.

Единая система исследования старотюркских памятников необходима еще и потому, что при обнаружении новых рукописей уже изученно-

го памятника нужно будет лишь дополнить и уточнить имеющиеся данные по этому памятнику, а не подвергать его новой обработке. Разумеется, прежде чем начать работу над памятником, текстолог должен точно знать, кому предназначается его исследование: лингвисту, литературоведу, историку или широкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н., Тенишев Э. Р., Фазылов Э. И. Тюркское языкознание в СССР: Итоги и перспективы//В сб.: Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984.
2. Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.
3. Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983.
4. Гришунин А. Л. Опыт обследования употребительности языковых дублетов в целях атрибуции//В сб.: Вопр. текстологии. М., 1960.
5. Фазылов Э. И. Будапештская рукопись «Гул-у Навруз» Лютфи//Acta Orientalia. Budapest, 1982. T. 36, fasc. 1—3.
6. Sertkaya O. F. Some new dokumente written in the uigur script in Anatolia//Central Asiatic J. Wiesbaden, 1978. Vol. 18, N 3.
7. Osman F. Sertkaya. Uygur harfleriyle yazılmış bazı manzum parçalar il//Istanbul Üniversitesi edebiyat fakültesi. Türk dili ve edebiyati dergisi. Istanbul, 1975.
8. Шамсиев П. Навоий асарлари матнларини урганишининг баъзи масалалари. Тошкент, 1969.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ТИПА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Понятие типа языка не являлось предметом специальных исследований ни в отечественной, ни в зарубежной тюркологии. Между тем необходимость классификации языков предполагает детальную разработку этой проблемы.

Тип языка обычно находит свое выражение в определенной совокупности типовых признаков, отличающих его от другого языкового типа. Понятие типа языка в применении к конкретному языку может быть многомерным. Возьмем, к примеру, узбекский язык. Первая ступень его типовой характеристики носит более общий характер. Так, это, прежде всего, язык тюркского типа с известной суммой признаков, объединяющих его со всеми другими тюркскими языками и в то же время отличающих от языков германских, романских, финно-угорских и др. В данном случае характерные типовые признаки составляют как бы макротип [1] генетически родственных языков.

Типовые характеристики группы генетически родственных языков — это не набор сходных явлений на различных их уровнях. В этой связи справедливо замечание В. Н. Ярцевой: «...не по наличию или отсутствию какого-либо грамматического приема должны дифференцироваться различные языки, а по всей совокупности тех грамматических признаков, которыми характеризуется их строй. Если между языками различной морфологической структуры может иногда наблюдаться пересечение грамматических признаков или, точнее говоря, совпадение отдельных грамматических приемов... то все же в целом их грамматические системы никогда не накладываются одна на другую» [3. С. 109]. При характеристике морфологического строя следует учитывать, что один и тот же грамматический прием в разных языках может иметь различный удельный вес [3. С. 109]. На необходимость учета при типологической оценке языка в первую очередь существенных признаков указывал В. М. Солнцев [4. С. 76].

Существенный признак, как правило, почти всегда обусловлен всей системой данного языка. Поэтому не случайно некоторые типологи предпочитают сравнивать не отдельные признаки, а системы. «Внесистемное сопоставление разных языков, — замечает Б. А. Успенский, — можно признать бессодержательным» [5. С. 45].

По словам П. Милевского, «типологическое языкознание сравнивает лишь системы» [6. С. 11]. Системная обусловленность существенных типовых признаков особенно характерна для тюркских языков. Агглюти-

нации сопутствует сингармонизм; аксиальная структура парадигмы вызвала появление аффиксов-прилеп, обеспечивающих четкость границ между морфемами. Твердый закон порядка слов «определение+определяемое» проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание строится по принципу «зависимый член+главный член», в широком же смысле это фактически—«определение+определяемое». Способность имен существительных выступать в роли определения и отсутствие согласования с определяемым послужило почвой для развития особого типа словосочетаний—изафета. Действием закона «определение+определяемое» объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция родительного падежа, выполняющего в ряде тюркских языков артиклевые функции. Конечная позиция глагола и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включая развернутые конструкции, продиктованы тем же законом порядка слов «определение+определяемое». Закон порядка слов с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией расширять границы определения и строить все сложное по модели простого определил и развитие структуры предложения в тюркских языках. Развернутые причастные определения, а также деепричастные обороты препятствуют возникновению в чисто агглютинативных языках придаточных предложений европейского типа [7].

В последних исследованиях, посвященных проблеме установления типов языков, ставится вопрос о необходимости у типа такой важной особенности, как повторяемость [2. С. 225].

Определенный тип языка (например, агглютинативный) может породить сходные особенности в языках не только непосредственно родственной семьи, но и самых различных точек земного шара (ср. тенденцию на устранение придаточных предложений европейского типа, характерную для многих агглютинативных языков—от тюркских, уральских, тунгусо-маньчжурских до дравидийских).

Говоря о первом общем измерении типа языка, следует отметить, что многие современные исследователи считают возможным использовать его при сравнительно-историческом изучении языков. Типологические методы позволяют работать как над диахронической, так и над синхронной системой восстанавливаемого языка, предполагая по одним фактам другие (ср. глухое начало слова—одно из следствий агглютинативного строя языков, с которым согласуется гипотеза о том, что древнетюркское ударение помещалось на первом слоге. Для того чтобы первый слог сохранял направляющую для осуществления гармонии гласных силу, он должен не терять свои качества и быть ударным).

Отсутствие плавных и носовых согласных (*m, n, r, l*) в анлауте на раннем этапе тюркского праязыка объясняется слабым развитием в этот период звонких согласных.

Современные языки могут сохранять типовые особенности праязыка, при этом не исключено возникновение типологической инерции. Последняя сводится к тому, что тенденция к созданию определенного типа сохраняется, а средства ее осуществления обновляются (ср. способы сокращения придаточных предложений, которые не являются абсолютно одинаковыми). Причем сами средства могут не обнаруживать генетического родства. В качестве сложного случая можно привести такой, когда генетическое родство между языками почти утратилось, однако типовая инерция в них продолжается, осуществляясь разными средствами (палеоазиатские языки). Таким образом, языковой тип обнаруживает достаточную устойчивость.

Материально языки изменяются быстрее своей типологической структуры. Хотя в некоторых тюркских языках (например, в азербайджанском) тенденция на сокращение придаточных предложений значительно уступила свое место появлению придаточных европейского типа с союзами, однако реликты прежнего состояния продолжают оставаться довольно устойчивыми (ср. позицию союза *ki* и др.).

Типовые особенности могут быть результатом усвоения. Так, исследователи отмечают поразительное сходство моделей сложных глаголов в бенгальском и в дравидийских языках.

В результате влияния различных индоевропейских языков ряд финно-угорских языков (венгерский, финский, эстонский, саамский, мордовский и коми-зырянский) приобрел типологические черты их синтаксиса. Методическим руководством для установления этого факта могут служить: а) знание предыдущего состояния данного языка и его семьи; б) наличие в географической близости языков другого типа, с которыми было возможно контактирование.

Вторым типовым измерением, с нашей точки зрения, является установление дифференциальных признаков отдельных групп языков в рамках определенной генетической семьи, которые лежат в основе классификации последней.

Тюркологическая литература располагает разработками по выделению классификационных признаков отдельных групп тюркских языков. В. В. Радловым предложены четыре группы тюркских языков—восточная, западная, среднеазиатская и южная [9], В. А. Богородицким—семь: северо-восточная, хакасская (абаканская), алтайская, западно-сибирская, поволжско-приуральская, среднеазиатская, юго-западная и т. д.

Не со всеми отличительными признаками в существующих классификационных схемах можно согласиться и считать их типичными. Недостаточно четко выделены признаки хакасской (абаканской) группы (переход конечного $\check{s} > \check{c}$) В. А. Богородицким. Для языков алтайской группы никаких отличительных признаков не дается вообще. Указывается только, что эти языки содержат некоторые черты (звуковые и формальные), роднящие их с киргизским. Западно-сибирскую группу составляют все сибирские татары (чулымские, ишимские, тюменские и др.). Характерной чертой последних признается цоканье, т. е. соответствие старотюркскому \check{c} [10. С. 10, 13] (цоканье не является признаком исключительно этой группы).

Существующие классификационные схемы тюркских языков отличаются относительно ограниченным набором дифференцирующих признаков.

Исследование же языков приемами, ареальной лингвистики раскрывает гораздо более полно особенности не только группы языков, в том числе и расположенных в определенной географической зоне, но и каждого языка в отдельности. Представляется, что путь к истине при установлении генетической классификации языков—это проверка ее приемами как типологических исследований, так и ареальных.

Так, например, кавказский языковой регион характеризует целый ряд структурных особенностей, отличающих его от других тюркоязычных ареалов.

Тюркские языки Прикаспия отличаются повышенным удельным весом озвонченного анлаута. Соноризация в них—хронологически устоявшееся явление. Довольно высок здесь удельный вес и такого фонетического процесса, как спирантизация. Отчетливо выражено опереднение

заднеязычного *q*. Довольно специфична и морфологическая структура названных тюркских языков. Необычайно многообразна в них система индикатива—здесь сосуществуют огузские и кыпчакские формы настоящего времени: форма настоящего времени *-a*, с одной стороны, и *-yor*—с другой. Большое развитие получило настоящее на *i*, восполняющее развитые в тюркских языках Средней Азии аналитические временные формы. Дуратив на *-a* и *-i* дает многообразные пучки сложных образований (аффиксы настоящего времени, зарегистрированные в тюркских языках Прикаспия и Причерноморья: *-ij*, *-aj*, *-ja* и т. д.).

В тюркских языках Средней Азии обнаруживается тенденция к фонетической трансформации фонемы *a* в неударной позиции (ср. невероятное диалектное разнообразие изменений *a > i* в неударной позиции, сопровождающееся процессом ослабления противопоставленности гласных по ряду). Известный фонетический процесс, связанный с оканьем, также отражает общую склонность *a* в неударной позиции к изменению. Неустойчивость этого гласного в безударном положении, появление у него тенденции ко всякого рода позиционным фонетическим изменениям, в частности к опереднению, сопровождающейся разрушением оппозиции по ряду, фонологическая неопределенность оппозиции *i ~ i*, гипотетический процесс скрещения старотюркской уйгурской и новой узбекской вокалической систем—вот те факторы, которые могли послужить причиной фонетического явления умлаута, имеющего место в языках Средней Азии. Ослабление противопоставления гласных фонем по ряду, в результате чего образовались десингармонизованные ряды, привело к угасанию палатального сингармонизма в тюркских языках не только в Узбекистане; для которого характерны максимально иранизированные говоры, но и на территории распространения уйгурских, киргизских и туркменских диалектов.

В тюркских языках Средней Азии сильна тенденция выделения особой формы настоящего времени данного момента, особенно ее аналитической формы, в которой участвуют вспомогательные элементы типа *jat-*, *tur-*. Это обусловлено тем, что относимая к пратюркскому состоянию временная форма аориста на *-r* закреплялась больше за планом будущего времени; форма же настоящего времени на *-a* функционировала в плане как настоящего, так и будущего времени (ср. татарский). Тюркские языки ощущали потребность в более точных, конкретных формах специального назначения для настоящего времени. Отсюда такое бурное развитие в среднеазиатских тюркских языках форм настоящего времени со вспомогательными глаголами.

Нам представляется, что только комплексная методика лингвистического анализа, а именно сочетание приемов генетических, типологических, ареальных исследований дает возможность установить дифференциальные типичные групповые признаки.

Одна из отличительных особенностей групповых типовых признаков—это прежде всего их синхронность, т. е. одновременное возникновение в языках, некогда входивших в единую общность. Другой их особенностью является одинаковая системная обусловленность. Так, например, форма причастия типа *-atin*, *-atigan* чаще возникала в языках, в которых было слабо или совсем не развито причастие на *-(u)či*. Настоящее время на *-a* складывалось большей частью в тех языках, форма на *-r* которых не отличалась развитием фонетической и морфологической дифференциаций вариантов и синкретично выражала настоящее-будущее время. Причастие глагольного имени на *-gan* формировалось в языках, в которых не получила развития форма причастия глаголь-

ного имени на *-diq*, а форма настоящего времени на *-uda* в тех из них, где не был развит инфинитив на *-maq*.

Или другой пример. Качественная характеристика смычных согласных на Кавказе и в Причерноморье объясняется действием здесь двух сопряженных тенденций—озвончения и аспирации, препятствующей полному озвончению. Как известно, почти во всех диалектах азербайджанского языка есть аспирированные согласные, поэтому звонкость их проявляется не в полной мере. Н. К. Дмитриев характеризует начальные смычные азербайджанского языка как *mediae lenes* (неполные звонкие), т. е. такие, у которых глухая экскурсия и звонкая рекурсия [11]. Такие же звуки неполной звонкости отмечены в языке урумов с. Прасковеевки, которые, как и азербайджанцы, живут в кавказском окружении [13. С. 93], а также в диалектах туркменского языка, входящего в одну группу с азербайджанским [14].

Тот же, казалось бы, типовой признак характерен для группы языков, территориально значительно удаленных друг от друга,—тувинского, уйгуров Турфана и Ганьсу, саларского и сарыг-югурского. В перечисленных языках с названным типовым признаком связана трансформация всей консонантной системы [16]. Объяснить совпадение типовых признаков в двух группах тюркских языков помогают приемы генетических и ареальных исследований. Очевидно, фонетическое явление аспирация могло иметь два центра—Среднюю Азию, в частности районы соприкосновения тюркского населения с китайским (следы его миграции есть и в тувинском, что могло быть и следствием монгольского влияния, с одной стороны, и башкирского и туркменского—с другой); Кавказ и Причерноморье—районы соприкосновения с носителями кавказских языков—грузинского, даргинского и др. Весьма вероятно, что склонность к аспирации была занесена носителями тюркских языков, выходцами из южных районов Средней Азии. На территории Кавказа и Причерноморья она могла быть вторично усилена при контактировании с кавказскими языками.

Еще одним показательным типовым признаком, системно связанным с рядом тюркских языков Саяно-Алтая, является фарингализация гласных, сопряженная с другим фонетическим явлением—понижением долготы (тувинский, тофаларский, сарыг-югурский).

Как видно, групповые типовые признаки отличают синхронность и системная обусловленность.

Приемы типологических и ареальных исследований дают возможность отграничить существенные типовые признаки отдельных групп языков от явлений универсальных, конвергентного характера, возникающих в основном спонтанно в территориально удаленных языках.

Характерным признаком параллельных конвергентных явлений, помимо их территориальной удаленности, является различная системная обусловленность. Если изменение $\check{s} > \check{s}$ в языках ногайской общности (казахском, каракалпакском, ногайском) есть результат внутренней эволюции звуковой системы и связано с закономерным в этих языках изменением $\check{s} > s$, то в других языках изменение $\check{s} > \check{s}$ лежит вне системы. Артикуляционно-акустически возможные изменения $\check{s} > \check{s}$, $\check{s} > s$ как универсалии наблюдаются также в азербайджанском языке и в значительно территориально удаленных от него тюркских языках Сибири и Урала. Однако условия и следствия этих процессов в языках ногайской общности, с одной стороны, и в языках Сибири—с другой, были различными. Сужение гласных в татарском сопровождалось появлением редуцированных. В азербайджанском же языке сужение гласных не предполагает

этого фонетического процесса. Изменение $q > x$ в чувашском приводило иногда к переходу заднебных редуцированных в переднебные редуцированные. Ср. тат. *aiš* ~ чуваш. *хёл*; тат. *qiz* ~ чуваш. *хёр*. В якутском языке такой взаимообусловленности нет, откуда следует, что изменения $q > x$ в чувашском и якутском были несинхронны. Несинхронность, разновременность возникновения явления—отличительный признак и конвергентных изоглосс.

В числе конвергентных процессов, происходящих в тюркских языках, можно назвать, например, сужение гласных первого слога ($e > i$, $o > u$), делабиализацию ($u > i$), спирализацию смычных согласных в интервокальной позиции ($p/b > v$ и т. д.), такие фонетические процессы в анлауте, как $k > č$ (перед передними гласными), $t/d > č$, протезу j , h и многое другое.

Не менее сложным является третье измерение типовых особенностей какого-либо конкретного языка. Так, например, при изучении языкового типа любого из тюркских языков Средней Азии приходится сталкиваться с большими трудностями—почти все они, за редким исключением, отличаются особенностями, присущими и другим языкам. Это лишь раз свидетельствует о том, что процесс языкового скрещения совершался не только в пограничных зонах, он был более глубоким. Общий тип конкретного языка выявить довольно трудно. Но это не значит, что мы разделяем мнение тех ученых, которые считают, что диалектов не существует вообще; имеется лишь разное географическое распределение тех или иных языковых фактов, четких границ нет даже между родственными языками [18. С. 432—448].

Следует учитывать, что реально существуют процессы не только языковой интерференции, но и обособления определенных языковых черт, которые могут стать основой классификации языков. Чтобы выявить эти особенности среди массы перекрещивающихся явлений, необходима общая методика, основная цель которой—выявление дистинктивных признаков на всех уровнях языка. Идеальным дистинктивным признаком может быть такой признак, который встречается во всех диалектах и не встречается в других языках. Например, диалектными признаками, отличающими чувашский от других тюркских языков, являются: 1) ротацизм в отражении древнего z ; 2) ламбдаизм (т. е. в ряде случаев звуку $š$ других тюркских языков здесь сопутствует звук l); 3) особая форма мн. числа на *-sem*; 4) особый показатель мн. числа *-s* при спряжении глаголов (например, *kilčäs* 'они пришли'); 5) причастия на *-nə*, *-nə* [19. С. 67—68]; 6) формы инфинитива на *-as* и *-ma*; 7) определенные и неопределенные формы числительных и т. д.

Переход древнего $č$, z и $š$ в s в якутском языке также является хорошим дистинктивным признаком, поскольку он не встречается ни в одном из тюркских языков и охватывает все диалекты якутского языка. Таким же может быть и переход, например, ауслатного $š$, z , а также интервокального $s > t$ (ср. якут. *otut* 'тридцать' из *otuz*, *iti* 'горячий' < *isig* [20. С. 678] и т. д.). Однако такого рода идеальные дистинктивные признаки встречаются не часто—преимущественно в изолированных и сильно разошедшихся языках, в частности в чувашском и якутском.

Определенный структурный признак того или иного уровня языка данной языковой семьи возможно возвести в ранг типологической характеристики лишь тогда, когда он будет соотнесен не только с тождественными явлениями в других языковых семьях, но и с соответствующими конститутивными единицами или индексами универсальной грамматики, что позволит определить его место в типологии и одновременно поста-

вить вопрос о языковой иерархии структурных признаков в типологической грамматике [21. С. 34—35].

По признаку фонетического процесса оканья татарский язык, где соответствие $a \sim o$ не распространяется на последние слоги, нельзя объединять, например, с узбекским, в котором оканье может быть позиционно не связанным (ср. *olmoq* 'брат'); по признаку представленности фонемы ə азербайджанский язык не идет в сравнение с другими тюркскими языками, так же как и по наличию категории долженствования вательного наклонения.

В качестве дистинктивных признаков могут быть использованы совершенно одинаковые явления, но при условии, что они обладают разной степенью частотности, т. е. разной дистрибуцией. Так, например, дистрибуция гласных неполного образования i, i, u, \ddot{y} в татарском и башкирском не идентична дистрибуции близким по артикуляции чувашским лабиализованным гласным неполного образования $ı, ı$ (в графике \ddot{a}) и i, u (в графике \ddot{e}). Объем редуцированного \ddot{a} в чувашском языке больше объема татарского и башкирского $ı$ (орф. o), вследствие чего мы и можем рассматривать эти признаки как дистинктивные.

Если язык содержит множество признаков, то дистинктивным следует считать тот из них, который обладает наибольшей степенью частотности. Если, к примеру, в узбекском языке встречаются сингармонизованные и несингармонизованные говоры, то при явном количественном преобладании, скажем, последних отсутствие сингармонизации следует считать дистинктивным признаком этого языка. В казахском языке обычное действие в прошлом передают две формы прошедшего времени, например: *beruši edim* 'я обычно давал' и *beretin edim*—с тем же значением. Если первая форма преобладает, то ее можно считать классификационным признаком казахского языка. Здесь он сближается с карачаево-балкарским и киргизским языками. Если же частотность второй формы больше, то по этому признаку он ближе к каракалпакскому. Дистрибуция прошедшего времени на *-gan* в узбекском и казахском языках будет заметно отличаться от частотности этого времени в татарском языке, поскольку в татарском нет близкого по значению прошедшего времени типа *alıptın* 'я взял'.

Таким образом, при выявлении классификационных дистинктивных признаков каждого отдельного языка следует обращать внимание на место и роль данного явления в системе языка. В качестве дистинктивных признаков следует использовать явления, имплицитивно связанные, отражающие определенные системные взаимозависимости: например, переход $j > \check{c}$ в тувинском, хакасском и шорском языках и соноризация интервокального \check{z} , наличие узких редуцированных гласных и сужение гласных в татарском языке и т. п.

Количество дистинктивных признаков языка может быть значительно увеличено за счет привлечения характерных частных деталей. Так, форма 3-го л. ед. числа настоящего времени типа *barat* 'он идет' достаточно отличает киргизский язык от узбекского и казахского, для которых типична форма *baradu*.

При классификации и выявлении дистинктивных признаков отдельного языка нельзя не учитывать и различные синтаксические признаки, такие, как степень употребления союза *ki* и его синтаксические значения, особенности типов предложений и т. д. (ср. азербайджанский язык).

В настоящее время теоретического осмысления требует проблема

совмещенности языковых признаков, относящихся к разным сферам языка, например, дательно-направительного падежа на *-ga* и причастия на *-gan*, фонетических явлений $\check{c} \sim \check{s}$, $\check{s} \sim s$ и причастия на *-atin*. В связи с этим возникает вопрос: что могут представлять собой типовые свойства отдельного языка и насколько однороден и неоднороден их характер?

Мы встречаемся с целым рядом сложных случаев, когда конкретный тип отдельного языка бывает настолько смешанным, что можно говорить о двойном и тройном языковом типе. Это означает, что в языке совмещаются типовые признаки нескольких языков, а точнее—языковых групп. Так, например, туркменский языковой тип отличается более смешанными огузо-кыпчакскими чертами, чем азербайджанский и турецкий. Особое географическое положение—вхождение в Прикаспийскую область, с одной стороны, и нахождение в Среднеазиатском регионе, где мы фиксируем процессы интерференции с многочисленными среднеазиатскими языками,—с другой, и определили специфику этого языка. Наблюдения показывают, что удельный вес кыпчакизов в туркменском языке довольно высок (ср. афф. прошедшего времени *-udži* в оламском диалекте, который корреспондирует с каз. *-uši*, форму будущего времени на *-gaj* в саларском, огузскую форму перфекта на *-miš* в азербайджанском, турецком, которые уживаются с типично кыпчакской формой на *-gan*, функционирование типично среднеазиатской формы настоящего конкретного времени, образованного с помощью вспомогательных глаголов *otir, jatır, jo:r, du:r* и т. д.).

Наслоение неодинаковых в типовом отношении языков ярко прослеживается и на материале крымско-татарского языка [22].

Итак, типовая структура отдельных тюркских языков служит неоспоримым доказательством того, что эпохе чистых огузских и кыпчакских языков предшествовало состояние со смешанными чертами. Кыпчакские и огузские языки образовались не в результате распада какого-то единого языка, а вследствие тех или иных по преобладанию черт в определенных географических условиях. Отставание черт предваряли многочисленные сложные процессы миграционного разноса смешанных черт и распределение их по огромной территории от Енисея до Босфора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О целесообразности выделения так называемых микротипов и макротипов см.: [2. С. 289].

² Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

³ Ярцева В. Н. О принципах определения морфологического типа языка//В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.

⁴ Солнцев В. М. Установление подобия как метод типологического исследования// В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.

⁵ Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1965.

⁶ Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания//В кн.: Структурная типология языков. М., 1966.

⁷ Подробнее см.: [8].

⁸ Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

⁹ Radloff W. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig, 1882.

¹⁰ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.

¹¹ Ср.: *tdolu* вместо *dolu* 'полный' [12. С. 4].

¹² Дмитриев Н. К. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания//Тр. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. филол., 1945. Вып. 3.

¹³ Тенишев Э. Р. Говор урумов села Прасковеевки//Сов. тюркология. 1973. № 1.

- 14 О неполной озвонченности см.: [15. С. 96].
- 15 Поцелуевский А. П. Избранные труды. Ашхабад, 1975.
- 16 См., например: [17. С. 125, 129, 132 и др.].
- 17 Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу//В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3.
- 18 Ср.: Paris G. Les parlers de France//Melanges linguistique. Paris, 1909.
- 19 Серебренников Б. А. К проблеме классификации тюркских языков//Вопр. языкознания. 1951. № 4.
- 20 Porre N. Das Jakutische//PhTF. 1959. Т. 1.
- 21 Макаев Э. А. Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков//Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- 22 Изидинова С. Т. Фонетические и морфологические особенности крымско-татарского языка в ареальном освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

З. Г. УРАКСИН

**ОБЩНОСТЬ ОБРАЗНО-ФОНОВОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ**

Фразеологические единицы наряду со значениями, актуальными для того или иного периода истории языка, имеют еще и фоновое значение, заложенное в основу его переносной образности. Фоновое значение во фразеологии является весьма важным признаком, связывающим ее как с древними реалиями и понятиями, так и с современной семантикой. В то же время в языке много случаев, когда с течением времени живые отношения между ними ослабевают или совсем теряются. Однако у подавляющего большинства фразеологизмов эта связь, восстановленная путем сравнительно-этимологического анализа, помогает раскрыть мотивировку значения.

В последние годы интерес исследователей к проблемам фразеологии тюркских и отчасти монгольских языков значительно возрос: издаются различные типы фразеологических словарей по тюркским языкам, обширный фразеологический материал включается в общие словари алтайских языков. Однако наряду со сравнительным анализом лексического состава компонентов, структуры и семантики фразеологизмов необходимо, на наш взгляд, вести работу и в историко-этимологическом плане [1. С. 4—5], ибо, как отмечает Б. А. Ларин, «фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи...» [2. С. 156].

В алтайских языках (и прежде всего—в тюркских и монгольских) имеется определенный пласт фразеологических единиц, основа фонового значения которых, будучи общей, содержит весьма важные сведения о материальной и духовной культуре народа, о его историческом прошлом.

В алтайских языках на основе общности лексических элементов и образно-фонового значения в особую группу выделяются фразеологизмы, образованные от названий частей тела человека и тесно связанные с внутренним миром человека.

Понятие души, духа и созданные на их основе фразеологические единицы также считаются одним из общих пластов во фразеологии алтайских языков. Наиболее древним словом для обозначения души является др.-тюрк. *qut*, имеющееся в большинстве современных алтайских языков и не претерпевшее особых фонетических изменений: эвенк. *куту*, маньч. *хуту* [3. С. 440], якут. *кут* [4. С. 194], чуваш. *хат* [5. С. 549], хакас. *хут*, башк., тат. *кот* и др. От этого слова образовались фразеологизмы со значением 'испугаться, напугать, отнять душу': башк. *кот осоу*

'сильно испугаться'—букв. 'душа вылетела', *котон алыу* 'отнять душу, напугать', каз. *кутын алды* [6. С. 368], кирг. *куту учуу* [7. С. 199] и др.

В древности страх, вселившийся в человека, воспринимался как опасная болезнь, которую необходимо было лечить. Так, во фразеологизме *кот койоу*—букв. 'вливание души' отражен обряд исцеления от испуга. Слово *кот* в значении 'счастье' также вошло в ряд тюркских фразеологизмов, связанных общностью семантики и образной основы.

Общеалтайским является и другое слово, обозначающее душу,— *өрэй* 'душа' (ср.: башк. *өрэй*, каз., кирг. *урей*, эвенк. *урэ*) и т. п. С этим словом образовалась группа фразеологизмов в значении 'напугать кого-л., отнять душу': башк. *өрэйен алыу* 'отнять душу', каз. *урейін ушырды*, кирг. *үрөйү учуу, үрөйүн алуу* (в том же значении).

Общность между отдельными группами алтайских языков проявляется и во фразеологических единицах, возникших на основе древних поверий и связанных с ними культовых обрядов. Культ медведя и волка был широко распространен у народов Сибири, Урала и Поволжья, но фразеологизмов, связанных с их названиями, немного. Так, например, в башкирском и татарском языках активно употребляется выражение *айыу майы һөртөү* 'украсть, стащить'—букв. 'намазать медвежье сало'. Очевидно, появление данного фразеологизма связано с использованием костей, мяса (в том числе и сала) медведя в качестве оберега от злых духов и др. Надо полагать, что воровство и в древности считалось опасным занятием, а медвежье сало в какой-то мере оберегало от наказания за содеянное.

Магический обряд, связанный с культом волка, нашел отражение во фразеологизме *тарамыш яндырыу* 'сжигать жилы'. Этот обряд применялся для наказания непоиманного вора. Предполагалось, что в момент опаливания волчьих жил у вора скрючивались жилы, а затем отсыхали ноги или руки. Подобный обряд отмечен у якутов [8. С. 116—125].

Эвфемистические названия волка как тотемного зверя также являются образными выражениями: у башкир *тукмак койрок* 'колотушка-хвост', у чувашей *токмак-хуре* (то же самое), по сведениям Д. К. Зеленина, у качинских татар *узун-кузрук* 'длинный хвост' [9. С. 203], у якутов *кутуруктах* 'имеющий хвост' [10. С. 40] и т. п.

Древние люди испытывали особый страх перед душевными и неизлечимыми болезнями, поэтому вместо их названий возникали эвфемистические выражения типа башк. *уз ауырыуы* 'припадок'—букв. 'своя (его) болезнь', *кыл тамак* 'рак пищевода'—букв. 'волосинка горло', т. е. 'тонкое горло' и т. п.

Нашли свое отражение в языке и космогонические представления, сохранившиеся в виде устойчивых образных словосочетаний. Так, например, в основе башкирского выражения *йондозо һүнеу*, туркм. *йылдызы сүйнмәк* [11. С. 239] 'умереть'—букв. 'погасла его звезда' лежит представление о том, что при рождении человека на небе загорается звезда, которая после его смерти гаснет. Сравните также калм. *одтой төрөх* 'быть удачливым, счастливым, везучим'—букв. 'под звездой родиться'.

В тюркских языках довольно значительный пласт составляют также фразеологические единицы, в основу которых положены представления о магической силе слова, отдельных предметов и действий. Магическое действие приписывалось волосам, что нашло свое отражение в формуле пожелания счастья и любви в браке: *састаре саска байланһен* 'пусть волосы их сплетутся'. Поклонение пище сохранилось в выражении *кейде*

етеу—неминуемое наказание за небрежное отношение к хлебу, молоку и другим продуктам, ср.: каз. *киесі атты (урды)* 'быть проклятым'.

Некоторые действия и движения также имели магическое значение. Фразеологическое словосочетание *башында сүп һындырыу*, кирг. *башына чөп сындыруу*—букв. 'сломаť сучок над чьей-то головой' произносилось в адрес человека, неожиданно совершившего добрый поступок.

Выявление и анализ культурно-исторических факторов, способствующих появлению тех или иных фразеологизмов, имеет большое научное и познавательное значение. При разном лексическом составе тюркских и монгольских языков их фондовая основа нередко оказывается одинаковой, что также указывает на общность мировосприятия и социально-бытового уклада жизни говорящих на них народов. Так, в значении «подписать, поставить подпись» в монгольских и ряде тюркских языков употребляются фразеологические единицы со значением «поставить знак руки, приложить руку», что и делалось в далеком прошлом, ср.: монг. *тамга дарах* 'приложить печать', калм. *һаран тэвх*—букв. 'руку свою приложить', 'положить', башк. *кул тамғаһын һалыу* 'приложить знак руки', *кул куйыу* 'ставить руку'. Аналогичные выражения имеются и в современном татарском языке.

Понятие «в положении», «беременная» в тюркских и монгольских языках имеет фонovou значение «тяжелая нога, с тяжелой ногой»: башк. *ауыр аяклы*, монг. *хэл хунд*, бурят. *хул хундэ*, калм. *кол кунд*. Эти словосочетания хотя и не совпадают по лексическому составу, однако в буквальном смысле их значение—«с тяжелой ногой».

Подобная общность фразеологизмов может быть установлена не только для ряда других групп тюркских языков, но и в целом для монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков.

Изучение фразеологизмов с точки зрения содержания в них историко-культурных сведений подтверждает наличие общих моментов в духовной культуре, культовых представлениях, мировосприятии алтайских народов, взаимосвязь тюркских языков с другими языками алтайской семьи. Подобные сходные черты, на наш взгляд, свидетельствуют об этногенетической общности этих народов и являются результатом длительных контактов их носителей в далеком прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986.
2. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание//В кн.: Избранные работы. М., 1977.
3. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков/Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1.
4. Якутско-русский словарь. М.: СЭ, 1972.
5. Чувашско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1982.
6. Кеңесбаев Ј. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1977.
7. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. Фрунзе: Ылым, 1980.
8. Алексеев Н. А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980.
9. Алексеев Н. А. Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев//В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
10. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной и Северной Азии//Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 9.
11. Туркмен дилинин фразеологик сөзлүгү. Ашгабат: Ылым, 1976.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ГЕРХАРД ДЕРФЕР

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ГРАДАЦИИ ГЛАСНЫХ
В ХАЛАДЖСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. В свое время нами выдвигался тезис о том, что халаджский язык обнаруживает тройное фонематическое противопоставление гласных по количеству (для простоты назовем их краткостью /полудолгой/ долготой, например: *a/a'/a:*; для последнего случая—лучше *a:a*) и это соответствует реконструируемым отношениям у Махмуда Кашгарского (далее: МК), а также то, что такое количество гласных было переходной стадией в развитии тюркских языков (от утверждения о **пратюркской природе** этих количественных отношений мы сознательно отказались) [1. § 13; 2. С. 56—71].

А. М. Щербак дважды возражал против этого тезиса: в статьях («А») «О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка» [3] (Туркологические исследования. М., 1976. С. 240—244) и («Б») «Является ли количественная оппозиция гласных в халаджском языке трехчленной?» (Советская тюркология. 1977. № 1. С. 52—55). Изложим вкратце тезисы нашего уважаемого оппонента, который полагает, что:

1) будто бы речь идет о каком-то комбинаторном продлении отдельных гласных, а следовательно, о нефонологических долготах [«А». С. 241];

2) количественная разница при тройной оппозиции *краткий: полудолгий: долгий* якобы едва уловима на слух; поэтому, дескать, наш тезис должен быть подтвержден экспериментально («А». С. 241—242);

3) ему неясно, является ли оппозиция *полудолгий: долгий* действительно квантитативной (количественной) или же она основана на слоговом ударении и, следовательно, представляет собой оппозицию *монофтонг: дифтонг* («А». С. 242);

4) материал по долготам у МК весьма сложен для анализа: арабское письмо располагало ограниченными возможностями для различения тюркских долгих и кратких гласных («А». С. 243);

5) различия между полудолгим (17,5 σ) и долгим (14 σ) явно недостаточно: это, по его мнению, всего лишь обычные колебания в произнесении отдельными дикторами одного и того же гласного. Ср., например, якут. *bas* 'голова': у одного информанта 19,3 σ, у другого—17,7 σ, у третьего—14,3 σ («Б». С. 54);

6) якобы имеются комбинаторные факторы, обуславливающие продление гласных. Так, в открытом слоге гласные длиннее, чем в закрытом, перед спирантом или сонантом они длиннее, чем перед смычным; широкие гласные длиннее узких. В наших же данных будто бы почти всег-

да действуют продлевающие факторы; так, в *bäš* 'голова'—это -š, а подобное известно и из якутского, ср.: *tip-* 'заметать снегом' 12,5 σ; *bil-* 'знать' 13,4 σ; *sit-* 'догонять' 13,7 σ; *kir* 'грязь' 15,2 σ; *bis-* 'мазать' 15,1 σ; *tut-* 'держать' 13,2 σ; *tur-* 'вставать' 15 σ, *tus* 'напротив' 16,1 σ; *mat-* 'лишаться' 15,6 σ; *mas* 'дерево' 16,2 σ, *bas-* 'голова' 18 σ;

7) оппонент полагает, что «гласный в *baš* 'голова' действительно может отличаться по длительности от гласного в слове *hat* 'лошадь'. Ошибка допущена, скорее всего, не в восприятии количественных различий между *baš* и *hat*, а в их интерпретации» («Б». С. 54).

§ 2. Таково мнение одного из видных советских ученых, выступающего против устаревшей теории о родстве алтайских языков [4]. Позволим теперь высказать по этому поводу объективные данные, а затем уже и свои собственные соображения.

Заметим, что мы в своих работах, как это неоднократно подчеркивалось [5], разработкой вопроса о пратюркской системе гласных не занимались. Допускаем, что пратюркский язык имел лишь две ступени длительности (или даже одну); в этом теория А. М. Щербака и наша не столь уж далеки друг от друга, как это может показаться на первый взгляд.

Таковы объективные данные; но привнесем ли мы что-нибудь новое в науку, выразив к ним собственное отношение? Мы некогда не принимали и теорию трех количеств халаджского языка, более того, даже пытались ее опровергнуть. И все же в конце концов были вынуждены признать, что без нее обойтись просто невозможно. Чем же вызывалась наша антипатия к этой теории?

В первую очередь, вероятно, тем, что большинству людей свойственно неохотно выдвигать или принимать слишком сложные положения. Одна долгота более приемлема, нежели две. Трем же долготам человеческое восприятие просто противится. (Может, именно этим и мотивируются выступления А. М. Щербака и И. Рафаэль Мейера?). Разумеется, здесь проявляется и вполне естественное стремление к экономии—так называемый принцип простоты. Оправдан ли этот принцип? Нам кажется, что в данном случае нет. Теория не может быть ошибочной только потому, что она сложнее другой [6. С. 103—109; 7. С. 412—414].

Однако наше скептическое отношение к теории тройной долготы продиктовано и объективными причинами.

Прежде всего, троякая халаджская долгота (даже с караханидскими параллелями) лишает нас возможности сделать правильные выводы относительно пратюркского состояния—в противоположность случаю с начальным халаджским *h-*, например, в *harq* 'навоз' сравнительно с монгольским (*haryal*) и тунгусским (маньч. *fažan*) (<пратюрк. **parka*). Между тем реконструкцию мы производим для того, чтобы знать о пратюркском состоянии по возможности больше. К сожалению, как нам кажется, ни в одном живом тюркском языке, в том числе и в халаджском, невозможно найти что-либо конкретное о количественной градации пратюркских гласных. В своих реконструкциях тюркского праязыка мы можем достичь лишь первых столетий до нашей эры, поскольку древнейшие (датированные) тюркские документы относятся к VIII в. н. э.; о подлинном древнейшем тюркском праязыке известно гораздо меньше, чем об индоевропейском в индоевропеистике, хотя и там есть определенные трудности и реконструкции.

Далее, нам очень долго не было известно, что халаджские количественные отношения имеют параллели в караханидских памятниках [8], и потому нам представлялось, что халаджское троякое количество

(особенно полудолгота) представляло собой **уникальное явление**. Сейчас мы знаем, что все караханидские примеры (МК; Кутадгу билиг; Ахмед Югнеки: 'Атабат аль-Хак'ийк (АХ); хорошо согласуются с халаджскими (см. § 5). Следовательно: а) здесь нет никакого единичного явления; б) халаджский язык обнаруживает соответствие на высшей ступени тюркского языкового развития.

Последний аргумент нашего скептического отношения к троякому количеству носит сугубо субъективный характер: количественная система халаджского вокализма определенно находится в состоянии распада. Так, в отдельных деревнях обнаруживается колебание произносительных форм, причем у носителей языка более старшего возраста они, конечно, консервативнее. Многие информанты говорят очень медленно и потому почти полностью опускают количественные различия. Например, во второй экспедиции в Мансūr-ābād (пленка 16В) тот же информант Гулām Ризā Исхāки, который при записи во время первой экспедиции еще очень четко различал количества, все гласные произносил приблизительно с одинаковой долготой, почти не различая их: *ba:š* 'голова' (= *ba:š*), *ha:či* (= *hači*) 'открой' и даже *ga:š* 'бровь' (= *qa:š*). Аналогичные явления зафиксированы в Сакарджүке и Қара-Сү: например, *ki:n* 'день, солнце' < *kü:n=ki:l* 'зола' < *kül*. В то же время некоторые информанты все гласные произносят очень кратко, как, например, в Хурак-ābāде: *kin=kil* (еще Харрāб, Дагāн, Винārч, сходно Салафчигāн); в Халт-ābāде даже *baš=hal* 'лошадь' = *gaš!* Если бы имелись только приведенные тексты, то по ним никогда бы нельзя было сделать вывод не только о троякой, но даже и о двоякой длительности гласных, как это сделал оппонент, все-таки признавший двоякое количество гласных. К тому же следует учесть, что [9] в быстро произносимых текстах (в противоположность медленно и тщательно выговариваемым отдельным словам) во всех халаджских диалектах обнаруживается ощутимая тенденция к устранению количественных различий. Так можно ли вообще в таких условиях установить эти различия?

Мы с С. Тезджаном вопреки всему вышензложенному даем на это положительный ответ. Количественные противопоставления отчетливо обнаруживаются при тщательном произнесении отдельных слов у тех информантов, которые выдерживают средний темп речи, не слишком замедляя или убыстряя ее. Контрольное привлечение нескольких информантов часто дает хорошие результаты. Многие слова нами зафиксированы дважды: во время предварительной экспедиции 1968 г. и вторично в 1969—1971 гг. (причем чаще всего с привлечением разных информантов с помощью нашего иранского друга М. Арабгола). При этом часто выравнивание долгот объяснялось в большинстве случаев исключительно индивидуальными особенностями говорящих. Разумеется, обо всем этом мы сможем говорить только после полного завершения халаджских записей. Лишь тогда можно будет установить, обусловлено ли, например, очень быстрое произношение информанта из Халт-ābāда сильным азербайджанским влиянием в деревне (где азербайджанских слов больше, чем в других местах: исходный падеж здесь на *-dan*, тогда как в остальных халаджских деревнях—на *-da*, и т. д.) или чем-то другим, и нарисовать возможную лингвогеографическую картину распределения количественной оппозиции. Во всяком случае, уже имеется достаточно записей, явно свидетельствующих о трояком количестве гласных.

Следовательно, мы располагаем значительным материалом, чтобы критиковать положения, с которыми выступил наш коллега А. М. Щербак. И мы бы охотно признались в своей ошибке (см. § 6), тем более

что относительно пратюркского вокалического количества нами не сделано никаких окончательных выводов [10].

§ 3. Во взглядах нашего уважаемого оппонента и в своих мы видим даже совпадения.

I. А. М. Щербак, так же как и мы, говорит о «халаджском языке», отмежевываясь от К. Г. Менгеса и Ф. Зейналова, утверждающих, что речь должна идти лишь о диалекте азербайджанского языка [11].

II. Коллега Щербак признал, что нашим коллективом [13], а также работавшими независимо от нас Луи Базеном и М. Араболом проделана большая работа: тексты разобраны правильно. К этому же сводится и его аргумент 7), опираясь на который, он отказывается от своего аргумента 2) (см. § 1). В самом деле, человеческое ухо довольно точно воспринимает самые тонкие количественные различия [14]. Разница между ними только в том, являются ли они фонематическими или нет. Это признание оппонента позволяет перейти к рациональной дискуссии [16]. Во второй своей работе А. М. Щербак без объяснений опускает также аргументы 3) и 4) [17], во всяком случае на них не опирается. Поэтому мы ограничимся обсуждением только оставшихся аргументов—1), 5) и 6).

§ 4. Эти аргументы свидетельствуют в основном об одном и том же: для халаджского языка характерно только фонетическое, комбинаторное продление некоторых гласных, но не фонематическое противопоставление их по длительности. Однако аргументы 5) и 6) более детальны и конкретны, нежели аргумент 1) из первой статьи, на что указывают конкретные факты при аргументе 6), приведенные нами в § 1.

Нам, конечно, известно, что «краткие» гласные в различных условиях могут иметь разную длительность. В [1. § 13] мы неоднократно указывали на это явление (ср.: С. 212—215, 222). В статье [2. § 1. 6 и 2. 8] нами также приведены случаи с глаголами *ja-t* 'лежать': *hat* 'бросать' и даны дистрибуции (и в связи с этим фонематические противопоставления) халаджского языка. Естественно, это явление упоминается (хотя и с некоторыми противоречиями в деталях) во многих фонетических работах: не только у О. фон Эссена и Д. Джоунза [18. С. 94, 95, 111, 113, 117, 119; 19. С. 216—218], которых мы цитируем в [1], но и у А. Маака и Д. Лазичиуса [20. С. 104—128; 15. С. 116—120, 123] и др. Здесь мы полностью разделяем мнение оппонента.

В подобных условиях необходим дифференцированный подход. Иногда разница между открытыми и закрытыми гласными (например, между *a* и *i*) оказывается весьма значительной. Но как же обстоят дела при различении гласных по длительности, например, перед *-t*, перед *-š*? В халаджском языке обнаруживаем соотношение *hat* 'лошадь' (15 σ): *baš* 'голова' (20 σ) = 1:1,3333 (ограничимся четырьмя цифрами после запятой). Можно ли объяснить это различие чисто комбинаторно, как полагает А. М. Щербак?

Его аргумент 5) неуместен по следующей причине: нами проанализированы записи от одного лица, а не от нескольких [2. С. 57. § 1. 7, стр. 1]. Так как темп речи у разных дикторов неодинаков, длительность произнесения ими гласных не может приниматься во внимание. Но как следует объяснить различия по длительности в словах *hat* и *baš* у одного и того же диктора, четко воспринимаемые на слух и видимые на осциллограммах? Судя по цитируемой А. М. Щербаком работе Н. Д. Дьячковского «Звуковой строй якутского языка» (Якутск, 1971. Ч. 1. С. 167—182), у диктора Е. Н. Рожина, например, гласные почти всегда

короче, чем у диктора А. К. Николаева. Приведем только первые семь примеров с гласным *i* (*bil-* 'знать', *bis-* 'мазать' и т. д.):

Николаев:	14,4	17,8	14,0	12,9	13,6	19,3	18,7
Рожин:	12,9	13,6	9,9	10,4	10,2	15,5	13,7

и т. д. Но эта ситуация, как уже было сказано, к нашим положениям никакого отношения не имеет.

Относительно аргумента б) А. М. Щербака можно сказать, что приведенные им примеры (цитируемые в § 1 нашей статьи) правильны. В то же время есть и такие примеры, которые доказывают прямо противоположное—материалы Н. Д. Дьячковского (с. 167—175—диктор А. К. Николаев):

<i>iip-</i> 'замести снегом' (15,1):	<i>bil-</i> 'знать' (14,4);
<i>sit-</i> 'догонять' (14,2):	<i>min</i> 'я' (12,5);
<i>syl-</i> 'лежать' (15,5):	<i>sys-</i> 'избивать' (11,8);
	<i>syn-</i> 'ползти' (12,5);
<i>sap</i> 'нитка' (17):	<i>mas</i> 'дерево' (16,5) и т. п.

Самый короткий гласный *i* обнаруживается здесь перед сонорным (!) в *min*, а также в *ziŋ* 'действительность' (12,9 σ). Очевидно, цитировать только отдельные примеры, подтверждающие наши тезисы, бесполезно. Рассмотрим весь материал Н. Д. Дьячковского от первого диктора для якутских кратких гласных в односложных словах. Для гласного *i* получится, например, следующая картина:

а) (перед смывными согласными) $14,0 + 13,6 + 14,2 + 15,1 = 56,9$; в среднем $56,9:4 = 14,2250$;

б) (перед *s*) $17,8 + 15,3 = 33,1$; в среднем $31,1:2 = 16,5500$;

в) (перед сонорными *l, n* и т. п.) $14,4 + 12,9 + 19,3 + 18,7 + 17,8 + 12,5 + 16,2 + 17,5 + 14,3 = 143,6$; в среднем $143,6:9 = 15,9556$.

Поступая таким же образом с данными по другим гласным, имеем следующие показатели (ограничимся приведением в скобках общего числа примеров и средней длительности гласного):

	а)	б)	в)
<i>i</i>	(4) 14,2250	(2) 16,5500	(9) 15,9556
<i>y</i>	(4) 16,5500	(4) 16,4750	(10) 16,6700
<i>ÿ</i>	(7) 16,8000	(3) 17,9333	(9) 16,8333
<i>u</i>	(3) 15,3333	(5) 17,6600	(8) 15,7500
<i>ä</i>	(2) 18,6000	(3) 19,2000	(11) 19,1455
<i>a</i>	(8) 19,1375	(6) 19,4333	(10) 19,2200
<i>o</i>	(6) 18,9167	(2) 20,8500	(9) 19,8889
<i>ö</i>	(5) 19,1600	(2) 21,1500	(11) 19,3455

Выведем из этого среднюю длительность для кратких гласных вообще. Это можно сделать двумя способами:

I. Сложением чисел в каждой колонке и делением их на число гласных 8 без учета количества примеров (как это видно из чисел в скобках): а) 17,2570; б) 18,6564; в) 17,8174;

II. Суммированием данных по всем примерам с делением их на общее число (для каждой позиции отдельно): а) 17,5974; б) 18,4925; в) 17,9143.

Соотношение длительности гласных перед смывными и перед *-s* оказывается: по I способу—1:1,0811; по II способу—1:1,0509 (только для гласного *a*—1:1,0154).

Сравним полученное с нашим халаджским примером *hat:ba:š=*

=1:1,3333. Различие весьма значительное (см. примеч. 13), в то время как якутские гласные перед смычным и перед -s по длительности (разница 5 [21]—8%, а для *a* чуть больше 1%; разница между гласными перед смычными и сонантами—еще меньше) едва различаются; разница в длительности *hat* и *baš* [22] весьма ощутимая. При этом, конечно, возникают различные возражения, которые мы и рассмотрим по порядку.

1. Возможно, ситуация объяснима в индивидуальном порядке и имеет место в произношении только диктора А. К. Николаева. Возьмем, к примеру, гласный *a* и проверим его длительность у диктора Е. Н. Рожина:

а) 14,6600; б) 15,8667; в) 14,3067.

Здесь отношения, действительно, несколько иные: *a* перед сонорным даже несколько короче, чем перед смычным; другое и отношение а) : б) =1:1,0823, но и оно далеко от 1:1,3333 (между прочим, как уже отмечалось, речь у Е. Н. Рожина быстрее, хотя общее соотношение а) : б) у него приблизительно такое же, как и у А. К. Николаева).

2. Не ограничиваются ли все приведенные данные лишь якутским языком? Правда, и А. М. Щербак приводит в качестве параллели только якутский язык. Однако мы попытаемся привлечь материал и из других тюркских языков [23. С. 50 и след.].

Тат. *a* перед смычным: *a* перед *s*, *š*, *z* = 1:1,1929 (с. 50 и след.). Данные по другим гласным на с. 53—57 обобщить труднее, поскольку здесь приведены и гласные перед *x*, *č*; то же можно сказать и о табл. 7. По хакасским примерам типа *xəs* 'дочь' 6,1 : *tük* 'шерсть' 6,2; *tət* 'лиственница' 5,7; *tüs* 'сон; прямой' 6,5: *put* 'бедро' 6,4, *xut* 'душа' 6,5 и т. п. (с. 69) устанавливается следующее итоговое отношение: в словах на -*t* гласный имеет среднюю длительность 8,9250, в словах на -*s* = 9,4455. Соотношение 1:1,0583. Азербайджанские данные типа *boš* 'пустой' 20: *top* 'мяч' 21, с самым кратким *pis* 'плохой' 18,9 (с. 80) дают итоговую длительность перед -*t* = 19,4000, перед -*t* и -*p* = 19,9333, перед -*s*, -*š* = 19,4500 (перед -*s*, -*š*, -*z* = 19,7667). В итоге гласный перед -*t*: гласный перед -*s*, -*š* = 1:1,0026. В туркменском, к сожалению, нет примеров на -*s* (-*š*), -*š* (с. 89). В казахских примерах типа *et* 'мясо' 25,9, междометие *keš* 25,0, *it* 'собака' 18,3: *quš* 'птица' 8,4 (*gül* 'цветок' 16,1) и т. п. (с. 95) наибольшую краткость обнаруживают слова на -*š*; ср. также у У. Байчуры [23]. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным (Учен. зап. Казан. гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. 1957. Т. 117, кн. 9, вып. 1. С. 120), где *a* в *paš*, *baš* лишь чуть длиннее, чем в *pat*, *bat*; *pat* 5 мм, *paš* 7 мм, *bat* 34 мм (вероятно, включает часть *b*-), *baš* 30 мм (то же). Ближе всего к предположению А. М. Щербака материалы Л. В. Щербы о русском языке (см.: [23. С. 60]), где среднее соотношение длительности гласных перед смычным и перед -*s*, -*š* (-*č*?) составляет 1:1,25. В итоге можно констатировать: ни в одном случае соотношение не достигает 1:1,3333 (гласный перед смычным: перед -*s*, -*š*), оно всегда менее значительное, составляя обычно 1:1,05 или 1:1,2 [24].

3. Теперь можно высказать некоторые возражения: соотношение гласных в *hat* и *baš* = 1:1,3333 якобы недоказательно для установления халаджского противопоставления гласных по длительности, поскольку оно, мол, выведено из материалов, полученных лишь от одного информанта из Мансур-абада, и, следовательно, может быть индивидуальной особенностью, а потому этот факт ничего не доказывает. Против этого можно возразить следующим образом. Как указывалось в нашей статье [2. § 1. 3—5], отчетливо воспринимаемая разница в длительности гла-

сных в словах *hat* и *ba·š*, манифестирующая противопоставление краткости полудолготе, существует также в Харрабе (Арабго:л) и в Дāгāне (Л. Базен). То же самое следует из [1. С. 41, 43, 53] и для диалектов Талх-āба и Халт-āбāда, что подтверждается и дальнейшими записями. Частично об этом нам было известно еще до публикации [1], частично было разработано позднее. Мы хотели представить этот факт вместе со всем материалом (т. е. в совокупности). Однако нам представился удобный случай дать дальнейшую модификацию предварительной информации (для окончательной публикации всех халаджских материалов потребуется еще лет 6—7), и потому мы весьма признательны коллеге А. М. Щербаку за его стимулирующую критику. Мы смогли изучить материал (списки Могоддама) по 24 местностям (более чем по половине всех халаджских селений). Приведем итоговую таблицу, где *a*: обозначает длительность, большую в 1,3 раза, чем *a* в *hat*; *ā*—около 1,3 раза длиннее, чем *a* в *hat*; если длительность гласных в *hat* и *bāš* одинакова, то *a* имеет такую же длительность, как и в *hat*, *ā*—чуть большую, *a*:—очень большúю (т. е. бóльшую, чем обычно у других говорящих):

	‘голова’	‘лошадь’
Мансұр-āбāд	} <i>ba·š</i>	<i>hat</i>
Халт-āбāд		
Салафчигāн		
Моуджан		
Испйт		
Мұсй-āбāд		
Сакарджұк		
Харрāб	<i>ba:š, ba·š</i> (аллегро <i>baš</i>)	<i>hat</i> (адажно однажды <i>ha:t</i>)
Дāгāн	<i>bāš, bā·š</i> (у молодого информанта), <i>ba:š</i>	<i>hat</i>
Талх-āб	<i>bo·š, bo:s</i> (о—звук между закрытым <i>o</i> и открытым <i>u</i>)	<i>hat</i>
Зйзгāн	} <i>ba:š</i>	<i>hat</i>
Винāрч		
Қара-Сұ		
Бунчинār		
Мазра‘а-йи Ноу		
Бāг-и Йак	<i>baš</i>	<i>hat</i>
Хурак-āбāд		
Қāрдиян	<i>bā·š</i>	<i>hat</i>
Хизār-āбāд	<i>ba:s</i>	<i>ha:t? ha:t</i>
Фаиз-āбāд	} <i>ba·š</i>	<i>ha:t</i>
Сифт		
Надир-āбāд	<i>ba:š</i>	<i>hāt</i> (гласный между <i>a</i> и <i>ā</i>)
Ноудих	<i>ba·š</i>	<i>hat? ha:t?</i>

Из всего этого можно заключить следующее: а) во многих деревнях различие гласных по длительности (уже?) неощутимо (см. об этом § 2); б) в других деревнях оно еще явственно обнаруживается; в) нигде гласный в *hat* 'лошадь' не длиннее, чем в *ba·š* 'голова'; г) иногда различие сказывается на качестве гласных (переход количества в качество): Надир-ābād *hāt:ba:š*. Кāрдиян *hat:bā·š*, Талх-āб *hat:bo·š* (здесь нет лабиализации под влиянием *b-*, поскольку первоначально краткий гласный *a* сохраняется: *bas-* 'давить', *bat-* 'опускаться'). География явления пока не совсем ясна и станет понятной после исследования всего материала.

4. Можно было бы также возразить, что различие, мол, ограничивается только словами *hat* и *ba·š*, а в других случаях оппозиции *a: ā* нет. Здесь мы еще раз сошлемся на § 1. 6 нашей статьи [2], где показано, что полудолгота имеется также в *ja't-* 'лежать', *ha'j-* 'говорить'. Согласно неопубликованному, к сожалению, письменному сообщению Л. Базена, *a* в *sa't-* 'продавать' (Дāгāн) также полудолгое. Вероятно, *a* и в *ča'l-* 'муницировать' (Харраб) полудолгое (ср.: [9. § 2. 4]), зато, например, *a* в *al-* 'брать, покупать' краткое; равным образом отчетливо различаются гласные в *sa'γ* 'здоровый' (туркм. *ṣaγ* с кратким, однако у МК двенадцатикратно выписанное начертание): *jaγ* 'идти (о дожде)' при туркм. *jaγ*; у МК девять неполных начертаний (без долготы). Все это не ограничивается диалектом Харраба. В Кāрдияне, например, записано *ba·š* 'голова'; *sa'ty* 'продай', но *hačy* 'открой', *haty* 'брось', *aly* 'возьми', *hat* 'лошадь', как и в Талх-āбе, Сифте, Надир-āбāде и т. д.

5. Последний контраргумент можно было бы свести к тому, что различие якобы касается только гласного *a*, но и его можно оспорить. Во многих халаджских деревнях обнаруживается четкая разница в произношении слов *kū'n* 'день, солнце' и *kül* 'зола' (оба заканчиваются сонантами, имеют одинаковый анлаут *k-* и сходный гласный; однако у МК 33 выписанных и 31 неполное начертание *kū'n*, но *kül*—исключительно в неполных начертаниях; ср. также волж.-булг. *kw'n*). В Талх-āбе, например, имеем *kū:n:kül* (двоеточие в этом случае обозначает особенно долгий звук, но без движения тона, поскольку последнее выражалось бы следующим образом: *ū:ū* или при краткости первого элемента как *ūū*), в Моуджане *kū'n:kil*, Кāрдияне *ki:n:kil*, в Мусй-āбāде *ki:n:kil*, в Бāг-и Йаке *ki:in (sic!):ki'l* и т. д.; особенно отчетливо (благодаря изменению качества гласного и анлаута) в Халт-āбāде—*kū⁶n:ki⁵l* (индексы обозначают: ⁶—слабую длабиализацию, ⁵—слабую лабиализацию), в Надир-āбāде—*ki:n:kū⁶l*, в Мазра'а-йи Ноу *ki:i* (*i*—очень открытое *i*, конечный *-n* утрачен) *:ki'l*, в Ноудихе—*ki:n:k'il*, в Зйзгāне—*čt:n:ki'l*. В словах *hiž-* 'разрывать', *ič-* 'пить', *ič* 'внутренний' гласный *i(ü)* всегда краткий, но в *i:č/ü:č* 'три', *i:t* 'собака' гласный—долгий (у МК *üz-*, *ič-*, *ič* всегда без обозначения долготы, но *üč*—с соотношением обозначенной и необозначенной длительности 1:1, *it*—1:48).

В заключение приведем оппозицию *kö:z* 'глаз' (у МК 70 выписанных и 4 неполных начертания)—*köt* 'зад' (у МК только неполное начертание) на основании исследованного нами материала, причем по слову *köt* из-за его семантики добывались дополнительные данные (*e*—полностью открытый *e*; *e*—закрытый *e*, *e*—открытый *e*, *e*—очень открытый *e*; то же и при других гласных):

Харраб	<i>kö⁶z</i>	<i>ket</i>
Дāгāн	<i>kee·z, kie·z</i>	<i>kit</i>
Талх-āб, Испит	<i>kö:z</i>	<i>köt</i>

Зйзгән	<i>ke⁵ :z, kee⁵ :z</i>	<i>ket</i>
Салафчигән	<i>ke :z</i>	<i>ke't</i>
Винәрч	<i>ke :z</i>	<i>kit</i>
Қара-Сү	<i>ke :z</i>	<i>ke:t</i>
Кардиян	<i>kez</i>	<i>ki't</i>
Хурак-абәд	<i>ke :z</i>	<i>ke⁵t</i>
Надир-абәд	<i>ki :z</i>	<i>kit</i>
Мүсй-абәд	<i>kie :z</i>	<i>ki't</i>

В последнем примере ¹ обозначает некоторую открытость гласного. (Так же и слово *hil*- 'убивать' = туркм. *öl*- всегда имеет краткую огласовку). Как видно, здесь не только наличествуют четкие количественные различия (особенно в Надир-абәде), но и зачастую обнаруживается качественная дифференциация либо по степени открытости (Винәрч), либо дифтонгизацией одного из членов оппозиции (*kö :z* в Дәгәне), либо сохранением лабиализации только у *kö :z* (Харраб, Зйзгән). Трудно объяснить это различие только минимальным и фонологически незначимым противопоставлением 1:1,1, которое обнаруживается перед *-t :z* (см. начало § 4): в *köt* 10δ и *köz* 11δ. Скорее всего, это сильное начало противопоставления *köt* (скажем, 10δ): *kö :z* (скажем, 13—15δ); ср. также: *kien-*, *küön-* 'гореть', которое у МК имеет 1 выписанное и 8 неполных начертаний.

В заключение данного параграфа нам хотелось бы подчеркнуть, что вопреки мнению оппонента различие между халаджскими краткими и полудолгими (по Щербаку, только комбинаторно слегка продленными, без фонологической значимости этого продления) проявляется не только в их длительности, но и в качестве. У полудолгих гласных сильнее проявляется тенденция к сохранению первоначального качества (прежде всего у огубленных; см. также [9. § 1. 1. 2, разд. 8]; затрагивается и степень подъема; см. выше), а также к дифтонгизации (см. выше *kee :z* и т. д. [1. С. 154], а также, скажем, материал из Талх-аба: *toŋguz* 'свинья'—*tuolo* 'град'; *iox*, *toq* 'сытый' (МК дает 3 неполных начертания)—*qu'ol* 'рука' (МК дает 3 выписанных и 1 неполное начертание), *guoñ* 'овца' (у МК только 86 выписанных)). В итоге для халаджских диалектов можно дать следующую (пока только предварительную) схему соответствий.

Древнетюркский	Краткий гласный	Полудолгий	Долгий
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a (a:)</i>	<i>a:a</i>
<i>ä</i>	<i>ä</i> (также после <i>j-</i>)	<i>ä, ä·</i> (после <i>j:-e·</i>)	<i>i:</i>
<i>o</i>	<i>o, o</i>	<i>o, uo</i>	<i>u:o</i>
<i>ö</i>	<i>e, i, ö</i>	<i>e·, ie·, öö, üö</i>	<i>i:e, ü:ö</i>
<i>y, i</i>	<i>i</i>	<i>i·</i>	<i>i:i</i>
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u, u·</i>	<i>u:u</i>
<i>ü</i>	<i>i, i, ü</i>	<i>i·, ü·</i>	<i>i:i, ü:ü</i>

§ 5. Если в 1976 г. А. М. Щербак только указал на трудности графического характера у МК (аргумент 4)—см. § 1), то в 1977 г. он даже не остановился на этом. Однако нами в [2] подчеркивается согласованность написаний МК с количественными отношениями гласных в халаджском языке. В [9] (а также в еще не опубликованном исследовании всех односложных корней на конечный согласный у МК, ср. также: [1. С. 188—204]) мы постоянно сравниваем материалы халаджского языка и МК. Можно было бы признать правоту А. М. Щербака в том, что МК оказался в весьма затруднительном положении, когда несовершенными средствами арабского письма должен был изобразить тюркские слова. Однако нам кажется:

а. Следующее соотношение (см.: [2. С. 64 и след.]):

	МК: выписано	МК: неполное начертание
В халаджском краткий		
гласный	12	292
В халаджском полудолгий	171	175
В халаджском долгий	310	30

достаточно поучительно. Колебания у МК при написании таких слов, как *й·š* 'три', *baš* 'голова', объясняются прежде всего именно тем, что у него (как и в халаджском языке) были полудолгие гласные, которые не могли обозначаться ни неполно (поскольку они не краткие), ни выписанно (поскольку они не долгие). Обозначение гласных у МК в основном довольно простое:

<i>Гласный</i>	<i>Его нормальное обозначение</i>
<i>a, ä</i>	фатха
<i>a·, ä·</i>	фатха ~ алиф
<i>a:</i>	алиф
<i>o, ö, u, ü</i>	дамма
<i>o·, ö·, u·, ü·</i>	дамма ~ вāv
<i>o:, ö:, u:, ü:</i>	вāv
<i>y, i, e</i>	кясра
<i>y·, i·, e·</i>	кясра ~ йā
<i>y:, i:, e:</i>	йā

Многие колебания хорошо объяснимы: прежде всего, это неполные начертания при долготе гласных (см.: [1. § 13, 7]).

б. Может быть установлена вся совокупность корней с полудолгими гласными (см.: [2. С. 66]): 20—25% — односложные корни с консонантным ауслатом [25], в то время как долгота и краткость в остальных корнях распределены почти равномерно.

в. Эти полудолгие гласные находятся не только перед *-s, -š* (и соответственно перед сонантами, которые действительно едва ли очень влияют на удлинение гласных), но и в таких словах, как *bo·q* 'экскременты', *čö·p* 'нитка', *i·t* 'собака' и т. п.

г. Следует также учесть, что, как уже было показано Т. Текином [27. С. 151—170; 28], а также в «Кутадгу билиг» и Ахмедом Югнеки (АХ), установлены случаи, когда просодические причины требуют признания долготы вопреки краткости в якутском и туркменском (однако можно добавить — в полном согласии с халаджской полудолготой), ср.:

МК	КБ	АХ	Халадж.	Туркм.	Якут
<i>a:š</i> 'еда'	<i>a:š</i>	—	<i>a·š</i>	<i>aš</i>	<i>as</i>
<i>ba:š</i> 'голова'	<i>ba:š</i>	—	<i>ba·š</i>	<i>baš</i>	<i>bas</i>
<i>kö:z</i> 'глаз'	<i>kö:z</i>	—	<i>kö·z</i>	<i>göd</i>	<i>kös</i>
<i>sö:z</i> 'слово'	<i>sö:z</i>	<i>sö:z</i>	<i>sö·z</i>	<i>ööd</i>	<i>ös</i>
<i>je:l</i> 'ветер'	<i>je:l</i>	---	<i>je·l</i>	<i>jel</i>	<i>säl</i>

(халаджскому *je·l* противостоят *jāng-* 'победить', *jütü* 'семь' и т. п.).

Как нами показано ранее, представляется совершенно невероятным, чтобы в туркм. *baš* (при *ba:š* у МК и т. п.) отражалось вторичное сокращение (почему именно *ba:š* > *baš*, но *qa:š* 'бровь' > туркм. *ga:š*?). Скорее всего, следует предположить караханидское происхождение *ba·š, sö·z*. Было бы в высшей степени поразительно, чтобы и МК и КБ согласованно и **случайно** в одних и тех же случаях предпочитали обозначать долготу гласных (просодически или далеко идущим выписыванием огла-

совки) и чтобы эти случаи также **случайно** совпадали с халаджской полудолготой. Было бы очень смело предположить, что карахандские авторы воспользовались небольшим фонетическим продлением гласных перед сибилантами (скажем, *at* 'лошадь': *a:š* 'еда'=1:1,05, или 1,1 или даже 1,2) для обозначения долготы. Фонетически неопытный писец вообще бы не учел этой слишком незначительной разницы. Общеизвестно, что такие писцы часто совершенно автоматически отмечали **фонемы** (но не тонкие аллофоны). Если бы, например, в *baš* 'голова' была та же гласная фонема, что и в *baq* 'смотри' (как полагает А. М. Щербак), то карахандские авторы, конечно, обозначили бы их одинаково. Видеть в этом лишь пустую графическую особенность—не объяснение: совпадение с халаджской полудолготой не может быть случайным. Рациональное объяснение вытекает из следующего нашего тезиса: «Колебание в обозначении долготы у МК там, где в халаджском языке полудолгота».

§ 6. В заключение нам в связи с изложенным очень хотелось бы сказать следующее: «Мы ошиблись, а коллега прав» [29]. Если какой-нибудь исследователь, скажем, убедит нас в том, что все полудолготы перед *u/ü* второго слога [31] вторичного происхождения, что *ba:š* имеет полудолготу из формы *baš-um* 'моя голова' и т. п., часто встречающейся [32], но нет **ha:t* из-за редкости *hat-um* (лошадь—собственность отчуждаемая), то мы охотно ему поверим. Мы с нетерпением ожидаем появления такой теории, которая заменила бы нашу собственную, а последнюю мы считаем предварительной [34], хотя и верной на 80%.

В противоположность этому положению о первичности халаджского *h-*, мы его считаем почти доказанным. Об этом см. в нашей статье относительно тюркского *ы-~йы-*, которая опубликована в материалах Всесоюзной тюркологической конференции, состоявшейся в сентябре 1976 г. в Алма-Ате. Нами готовится еще одна статья с привлечением большего количества алтайского материала [36]. Сейчас же скажем следующее: А. М. Щербак приводит только три аргумента, с помощью которых он намерен доказать вторичность халаджского *h-*.

I. Анлаутный *h-* якобы не обнаруживается в древнетюркском (что уже оспорено, см.: [37. С. 188 и след.; 38. С. 299—307]).

II. В халаджском языке, мол, имеются случаи колебания начального *h-* и его отсутствия, например: глаголу *iet-* 'делать' у В. Ф. Минорского соответствует *het* (ошибочно, поскольку текст из Поугирда, где встречается эта форма, записан не от халаджа; см. об этом нашу статью «Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türksprachen», печатающуюся в журнале «Roczniku Orientalistycznym» [39]).

III. Поскольку протетический *h-* появляется в отдельных тюркских диалектах, то и халаджский *h-* якобы вторичен. Этот вывод сделан по следующему образцу:

Лайка—собака	} Следовательно, все собаки черные.
Лайка—черная	

То, что во многих тюркских диалектах есть вторичное *h-* [41], вполне справедливо и легко может быть доказано. Например, гагауз. диал. *hateš* 'огонь' имеет вторичное *h-*, ибо восходит к перс. *ātaš* [43]. Но это доказывает всего лишь то, что явления вторичного *h-* **имеются** вообще. В этом нет ничего удивительного: кроме балканских индоевропейских языков (см. примеч. 41), они встречаются, например, в языке брагуи и др. Но это не значит, что *h-* в любом случае вторично, т. е. **добавлено** к первоначальному вокалическому анлауту. Например, гер-

манский *h*- первичен, т. е. восходит к исходному **k*- [44], и не является протетическим звуком перед исконным гласным. Что сказали бы индоевропейцы, если бы услышали, что герман. *h*- **должен** быть протетического происхождения, поскольку есть индоевропейские языки (на Балканах, например), где *h*- — вторичный звук протетического происхождения? Общее указание на существование вторичного (протетического) *h*- совершенно ничего нам не дает. Что халаджский анлаутный *h*- первичен (непротетического характера), мы доказали **конкретно** (например, тем, что нам неизвестны случаи появления вторичного *h*- (протезы) в халаджском языке, т. е. случаи типа перс. *ātaš* > халадж. **hātaš*). А. М. Щербаку нашу теорию также следовало бы опровергать только конкретными аргументами.

Дело с тройкой долгой гласных обстоит иначе. Здесь до сих пор еще не все установлено; возможно, только публикация всего материала даст нам окончательное решение. Мы позволим себе процитировать нашего уважаемого оппонента: «Важно лишь, чтобы в вопросе о халаджских гласных исследователи руководствовались одним стремлением— установить истину». Мы с этим вполне согласны. Естественно, все мы стремимся к истине, но иногда в таком случае лучше всего немного подождать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Doerfer G. Khalaj Materials. Bloomington; The Hague, 1971.

² Он же. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках//Сов. тюркология. 1976. № 4.

³ Здесь, вероятно, какая-то ошибка, поскольку мы, как уже об этом было сказано, не имели в виду тюркский праязык.

⁴ Конечно, это не значит, что мы не воздаем должного этой теории. На занятиях со студентами мы постоянно подчеркиваем, что основателем алтаистики как науки является И. Г. Рамstedt (который, как известно, отстаивал теорию алтайского родства). В науке важно искать—и отбрасывать. Но даже ошибочные поиски дают много полезного, и потому их научное значение неоспоримо. Без энтузиазма основателя алтаистики мы никогда бы не достигли современного состояния нашей науки. С точки зрения истории науки, теория родства алтайских языков была столь же полезна, как и взгляд на мир Птолемея: хотя эта теория и ошибочна, она тем не менее принесла большую пользу. Получат ли в дальнейшем признание теории А. М. Щербака и мои как ступень более высокого синтеза?

⁵ См. об этом: [1. С. 261; 2. С. 68 и след.].

⁶ Ср.: Doerfer G. Der Numerus im Mandschu. Wiesbaden, 1963.

⁷ Klaus G. Moderne Logik. Berlin, 1970.

⁸ См.: [2. С. 64], например: *bar*- 'идти'—184 неполных; 6 выписанных начертаний (следовательно, с кратким гласным), но *bar* 'имеется'—1:17 (следовательно, *bar* с долготой), однако *kün* 'день, солнце'—31:33 (следовательно, *kün* с полудолготой). Ср. далее: § 5.

⁹ Ср.: Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch. Budapest, 1980. § 1. 1. 2.

¹⁰ В противоположность нашему суждению о начальном *h*-, где мы точно вычислили, какова возможность противоположного тезиса (она практически равна нулю), см.: § 6.

¹¹ См. об этом в нашей статье [12]: «В халаджском языке не обнаруживается ни одной специфически огузской черты» (азербайджанский язык относится к огузской группе).

¹² Doerfer G. Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türksprachen//Rocznik Orientalistyczny. 1978. Vol. 39, N 2.

¹³ О его составе см.: [9. § 1. 3]—немцы Г. Дёрфер, В. Хеше, Х. Шайнхардт, турок С. Тезджан и иранец П. Раджаби.

¹⁴ Эмоциональное—и поэтому как раз субъективное!—впечатление, которое мы получили при прослушивании в лаборатории, приблизительно таково. Разница в длительности 1:1,05 и даже 1:1,1 едва ощутима; противопоставление 1:1,2 восприни-

мается с колебаниями: «это уже почти полудолгий (о втором гласном). Так или нет? Очевидно, промежуточная ступень». В соотношениях 1:1,3 и 1:1,4 второй элемент воспринимается как полудолгий, в соотношении же 1:1,5—почти как долгий (с колебаниями, как при 1:1,2); 1:1,6 воспринимается как долгий (в восприятии немцев), в то время как разница *краткий: долгий* в туркменском огромная; в якутском она составляет приблизительно 1:2, в немецком—примерно 1:1,6; см.: [15. С. 132].

15 *Lazicius J.* Lehrbuch der Phonetik. Berlin, 1961.

16 Прежде автор все это мог объяснять довольно просто: «Здесь всего лишь ослышка».

17 Об этом аргументе мы будем говорить в § 5.

18 *Essen O., von.* Allgemeine und experimentelle Phonetik. Berlin, 1954.

19 *Jones Daniel.* An Outline of English Phonetik. Leipzig, 1949.

20 *Maak A.* Die Beeinflussung der Sonantendauer durch die Nachbarkonsonanten// *Zs. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft.* 1953, Jg 7. H. 1—2.

21 Эта цифра надежней, поскольку в ней учтено число примеров.

22 Хотелось бы здесь высказать одну смелую мысль: если проанализировать весь материал Н. Д. Дьячковского, то, возможно, удастся обнаружить, что из кратких гласных особенно долгими бывают именно те, которые в свете данных халаджского языка и МК должны быть полудолгими: *bas* 'голова', *üs* 'три', *han* 'быть довольным', *ot* 'травя' и т. п. Не сохранились ли и в якутском языке остатки тройкой долготы? Однако для ответа на этот вопрос материал, безусловно, должен быть гораздо более обширным, чем у Н. Д. Дьячковского. Обращает на себя внимание также долгота в туркм. *göd* 'глаз'—23,6σ (см.: [23. С. 89])—почти как *diš* 'зуб' (24,4σ); она много длиннее, чем *bar-* 'иди' (16,5σ). Ср. полудолготу у МК и в халадж. *kōz*. Подчеркиваем, что мы только ставим вопрос, но не отвечаем на него.

23 *Байцупра У. III.* Звуковой строй татарского языка. Казань, 1959. Т. 1.

24 Разумеется, необходимы дальнейшие исследования. Приведем суждения известных фонетистов, которые о подобных различиях гласных по длительности перед различными согласными говорили: «Варьирование кратких гласных по длительности не столь значительно, чтобы считаться существенным в лингвистической практике. Это обычно зависит от говорящих» [19. С. 218]; «различия составляют всегда весьма незначительный процент» [20. С. 124].

25 Фактически число корней с полудолготой чуть больше, чем предполагалось в 1976 г. (см.: [26. С. 159]): 'а:δ 'имущество', а:ω 'дом', пропущенные в [1], и т. п.

26 *Kelly J. M.* Remarks on Kāšgari's Phonology, II//*Ural-Altäische Jahrbücher.* 1973. Bd. 45.

27 *Tekin T.* Determination of Middle Turkic Long Vowels through 'Arūd//*Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1967. Т. 20, fasc 2.

28 *Idem.* Long Vowels in 'Atabatu'l-Haqa'iq//*Journal de la Société Finno-Ougrienne.* Helsinki, 1967. Т. 68, № 5; ср. также: [1. С. 216].

29 Мы легко признаем свои ошибки. Ряд наших ошибочных гипотез пересмотрен, например, в [30. С. 15—17, 18, 30—36, 112].

30 *Türk dili araştırma yılığı: Belleten* 1975—1976. Ankara, 1976.

31 Многим тюркским диалектам (азербайджанским, южно-сибирским) свойственна тенденция продлевать *a* перед закрытым гласным следующего слога до *a:*.

32 Названия частей тела почти всегда употребляются с притяжательными суффиксами: это неотчуждаемая принадлежность; в некоторых языках части тела обозначаются с помощью особых притяжательных суффиксов; для тюркских характерны двойные суффиксы (халадж. *äl-i-si* 'его рука'), сращения корня с притяжательным суффиксом: гагауз. *burnu* 'нос' < *burn-u* 'его нос', чуваш. *puš* 'голова' < **pul-ēi* < пратюрк. **ba-li-sy* или подр. (см.: [33. С. 337—339]).

33 *Orientalistische Literaturzeitung.* 1971. Bd. 66.

34 Мы отнюдь не считаем нашу теорию окончательной. В противоположность теории о халаджском **h-*, мы не приводим никаких вероятностных подсчетов шансов для теории нашего оппонента и нашей собственной. Вообще, вокализм в большинстве языков нашего сложнее консонантизма. Стоит, например, вспомнить, что прафинно-угорский консонантизм давно уже установлен почти однозначно, а спор о прафинно-угорском вокализме продолжается и сейчас. О положении в индоевропеистике хорошо сказал И. Шмидт в 1884 г. в своей вступительной лекции в Берлинской академии наук: «Ныне вся сравнительная грамматика растворилась в изучении гласных» [35. С. 31].

35 *Общее и индоевропейское языкознание: Обзор литературы.* М., 1956.

36 Имеется много примеров типа монг. *hürgü-* 'пугаться' = азерб. *hürk-* = халадж. *hirk-*; однако монгольскому вокализму анлауту в халаджском никогда не соответствует *h-*.

37 *Ligeti L.* A propos du «Rapport sur les rois demeurant dans le Nord»//*Etudes tibétaines dédiées à la mémoire de Marcelle Lalou.* Paris, 1971.

³⁸ *Tezcan Semih*. 1283 numaralı Tibetçe Pelliot elyazmasında geçen Türkçe adlar üzerine//Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler 1972'dan ayırabım. Ankara, 1975.

³⁹ Все четыре известные нам формы с *h-* и без него легко объяснимы: 1) 'пила' *harra* (из иранского местного диалекта) ~ *ärrä* (из перс.); 2) 'дождь со снегом' *alaçäl-päb* (из азерб.) ~ *halabäl-päb* и т. п. (контаминация с халадж. *hala* 'пестрый'); 3) 'смертельно больной' *üsün* (из азерб.) ~ *hüsün* (контаминация с халадж. *hüz-* 'разорвать, раздрать'), *ilgär* ~ *hilgär* 'вперед' (последняя отмечена лишь в одной деревне у молодого информанта, однако была оспорена остальными присутствующими). В некоторых случаях, возможно, мы имеем дело с «гиперкорректной формой», хорошо известной каждому диалектологу [40. С. 29 и след.].

Не следует забывать, что халаджский язык находится под сильным влиянием не только иранского, но и азербайджанского языка (многие халаджи владеют тремя языками). В халаджских словах, не имеющих близких в звуковом отношении азербайджанских параллелей, нет никаких колебаний \emptyset -~*h-*: *alumla* 'яблоко' (всегда так, никогда **halumla*); *hirin* 'белый' (никогда **irin*) и т. д.

⁴⁰ *Wartburg W., von.* Einführung in Problematik und Metodik der Sprachwissenschaft. Halle, 1943.

⁴¹ Например, в балканских тюркских диалектах; в индоевропейских языках Балкан отмечается колебание *h*-~ \emptyset - или чередование \emptyset -~*h*- (см.: [42. С. 16—19]), и потому легко объясним вторичный гагаузский *h*-. Но халаджский язык никакого отношения к Балканам не имеет.

⁴² *Doerfer G.* Lautgesetz und Zufall. Innsbruck, 1973.

⁴³ Аналогично азерб. диал. *haftamabel* из рус. *aftamabil'* и т. п. Но в халаджском языке таких примеров нет.

⁴⁴ Ср. нем. *hundert* = лат. *centum*, греч. *he-katon* 'сто'.

Пер. с немецкого *И. Г. Добродомова*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПРОФ. Г. ЯРРИНГУ

Н. А. БАСКАКОВ

К ПРОБЛЕМЕ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Более ста лет назад известный русский синолог академик В. П. Васильев обратил внимание на необходимость изучения взаимодействия китайского языка с языками Средней Азии (Васильев, 1872). Однако эта проблема пока еще слабо разработана. Несколько лучше исследованы китайские лексические элементы только в уйгурском языке, что объясняется необходимостью их изучения в связи с непосредственным соседством и тесными контактами китайцев с уйгурами, живущими главным образом в Китайской Народной Республике—в Синьцзяне и частично в Казахской, Киргизской и Узбекской ССР.

Наряду с этимологическими ссылками в различного рода словарях на заимствования отдельных слов из китайского языка (Радлов, 1911; Юдахин, 1938; Баскаков, Насилов, 1939; Jarring, 1964; Наджип, 1968 и др.), были опубликованы также и специальные монографии о китайских элементах в уйгурском языке (Новгородский, 1951; Рахимов, 1970), правда, главным образом в области общественно-политической терминологии и современной бытовой лексики, без привлечения старых китаизмов в основном словарном составе других тюркских языков.

Интересные сведения о взаимодействии и взаимовлиянии китайского и уйгурского языков, кроме словарей и указанных выше специальных исследований, можно встретить в общих работах по уйгурскому языку и его диалектам (Малов, 1928, 1954, 1956, 1957, 1961, 1967; Катанов, 1902; Менгес, 1933; Raquette, 1927; Насилов, 1940; Тенишев, 1976; Кайдаров, 1969; Садвакасов, 1970, 1976), а также в трудах по истории, этнографии народов Синьцзяна и по другим тюркским языкам авторов, так или иначе касающихся данной проблемы (Валиханов, 1904; Пантусов, 1898; Катанов, 1906; Deguignes, 1756—1758; Köprülü, 1938; Eberhardt, 1941; Pritzak, 1952; Ecsedy, 1965, 1968; Menges, 1968; Gabain, 1973).

В меньшей степени изучен вопрос о китайских заимствованиях в древнетюркских языках. Специальных исследований нет, хотя и имеются некоторые древнетюркские словари (ДТС, 1969; Ligeti, 1966; Clauson, 1972; Gabain, 1974), а также труды по истории древних тюрков и древнетюркских языков, содержащих китаизмы, однако без привлечения аналогичных китайских заимствований, входящих в основной словарный состав других тюркских языков (Радлов, 1897, 1899; Малов, 1951, 1952; Бернштам, 1940, 1946; Jarring, 1936 и др.).

Наименее разработанным аспектом этой проблемы остается вопрос

о китайских заимствованиях в лексической системе современных тюркских языков, в каждом из которых можно вскрыть китаизмы, а в некоторых случаях даже в значительном количестве.

В свое время уже отмечалась необходимость изучения тюркско-китайского лексического взаимовлияния на более ранних ступенях развития тюркских языков, в эпоху тесного контактирования тюркских и китайского народов (Баскаков, 1951, 1962), но количество конкретных примеров заимствования ограничивалось тремя, четырьмя словами.

Вместе с тем при более внимательном изучении китаизмов в тюркских языках их можно обнаружить значительно больше. С учетом предшествующих исследований, привлекая вновь устанавливаемые китаизмы, мы предлагаем анализ свыше пятидесяти китайских слов, относящихся к общетюркской заимствованной лексике, т. е. встречающихся в большинстве тюркских языков, и главным образом в западных, исключая новоуйгурский и некоторые восточные тюркские языки—алтайский, хакасский, тувинский, якутский, где кроме общетюркских китаизмов имеются также и заимствования, характерные только для данных языков. Это объясняется более тесными контактами их носителей с тюркскими народами, обитавшими на соседних с Китаем территориях.

Если рассматривать китаизмы в тюркских языках по тематическим группам, то наиболее многочисленные слова относятся:

к первой группе—названия титулов, различных должностей и профессий: *baqşy* ~ *baqsy* 'сказитель'; *bek* ~ *beg* 'бек, господин'; *çig* ~ *çoga* ~ *şoga* 'сын хана'; *jabyu* ~ *žabyu* 'титул верховного правителя'; *qayan* 'государь'; *qam* 'шаман'; *sigçy* 'маляр, художник'; *tajşy* 'сын знатного человека'; *tarxan* 'звание освобожденного от налогов'; *tegin* 'принц'; *tojun* ~ *tudun* ~ *turun* 'титул провинциального правителя'; *tutun* ~ *tutuq* 'губернатор, генерал'; *xan* 'хан'; *župan* 'титул чиновника'.

Вторую группу составляют китаизмы, обозначающие предметы и понятия духовной культуры, а также отвлеченные понятия: *bitik* ~ *biçik* 'книга'; *buqan* ~ *buqan* 'Будда'; *çun* ~ *çin* 'истина, истинный'; *küg* ~ *küj* 'песня, мелодия'; *lu* ~ *luq* 'дракон'; *tuç* ~ *tuw* 'знамя, флаг'; *zaq* 'закон, обычай'.

В третью группу входят китаизмы—слова, обозначающие различные вещества и металлы: *altyn* ~ *altun* 'золото'; *çaj* 'чай'; *çini* 'фарфор'; *çojun* 'чугун'; *indžü* ~ *indži* 'жемчуг'; *suç* ~ *suw* 'вода'.

К четвертой группе принадлежат китаизмы—слова, обозначающие предметы быта и прочие имена: *çan* 'сосуд, стакан'; *çanaq* 'посуда'; *džaj* 'место, дом'; *iş* ~ *is* 'дело, работа'; *ütük* ~ *ötük* 'утюг'; *raj* 'доля, пай'; *qar* 'мешок'; *taq* 'утро, восход солнца, заря'.

Пятая группа—это китаизмы—слова, обозначающие имена прилагательные и глаголы: *çoq* 'большой'; *quw* 'сухой'; *tuq* 'сильный, очень'; *tuqla* 'слушать'; *biti* 'писать'.

Все перечисленные китаизмы встречаются не только в уйгурском языке и отчасти в тюркских языках Сибири, но и во всех остальных тюркских языках Средней Азии и Восточной Европы.

Хронологически китаизмы, заимствованные в тюркские языки, относятся как к довольно раннему, так и к позднему времени, но некоторые из них, органически вошедшие в основной словарный состав, имеют, по-видимому, весьма древнее происхождение. Например, слова: *çoq* 'большой'; *džaj* 'место, дом'; *iş* ~ *is* 'дело, работа'; *qar* 'мешок'; *quw* 'сухой'; *suç* ~ *suw* 'вода'; *taq* 'утро, заря'; *teq* 'ровный'; *tuqla* 'слушать', которые в современных языках уже не осознаются как заимствования.

В лексико-семантической структуре тюркских языков китаизмы

являются, как правило, изолированными омонимами по отношению к другим словам; они не связаны словообразовательными парадигмами и этимологически трудно объяснимы с помощью внутренних средств тюркских языков; таким образом, заимствование их из китайского языка вполне вероятно.

Нам представляется верной теория о происхождении аффиксов словообразования и словоизменения в тюркских языках, имеющих агглютинативный строй, который обуславливает сочетание самостоятельных слов, при этом постпозиционные слова в процессе морфологического развития грамматикализовались и превратились в служебно-грамматические элементы; можно допустить наличие и таких аффиксов, которые исторически также представляли собой заимствованные самостоятельные слова из китайского языка. Примерами последних могут служить, например, аффикс *-džy~ -čy~ -šy* (с вариантами), образующий словообразовательные модели в тюркских языках со значением профессии, ср., например: *temiğ* 'железо', *temiğ-či* 'кузнец', где аффикс *-čy/-či* происходит либо из кит. чжи (1) * 'профессия', либо из кит. *žen* (2) 'мужчина, человек, лицо, персона' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 655, 899; Рамстедт, 1957, 209), или аффикс *-čaŋ~ -šaŋ* (ср. каз. *söz-şeŋ* 'словоохотливый') < кит. *čjan* (3) 'мастер' (Рамстедт, 1957, 210; Чэнь Чан-Хао, 1953, 326).

Таблица иероглифов

1	職	2	人	3	匠	4	銅
5	鐵匠	6	爐	7	爐	8	佛
9	佛匠	10	茶	11	盛	12	筥
13	士	14	長	15	宰	16	頁
17	夏	18	誠	19	頁理	20	宅
21	珍珠	22	事	23	叶打	24	叶
25	龍	26	排	27	口	28	家官
29	監	30	女	31	師	32	女
33	漆	34	漆	35	人師	36	旦
37	逆	38	息人	39	担	40	摩罕
41	道人	42	藥	43	都督	44	都統
45	担	46	聽	47	雙斗	48	官
49	宰相	50	梓	51	典	52	卷判
53	鉄皮	54	金~	55	紀	56	道場

Приводим китайско-тюркские параллели, иллюстрирующие китайские заимствования в тюркских языках, как установленные ранее тюркологами, так и предлагаемые к обсуждению автором этой статьи:

1) тюрк. *altyn~altun* 'золото' < тюрк. *ala~āl* 'красный' + кит. *tun*

* Цифры в скобках указывают на номер иероглифа в таблице, приложенной к настоящей статье, каллиграфически выполненной аспирангом Института языкознания АН СССР Ясином Ашури.

(4) 'медь' > красная медь > 'золото' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 328); āl 'красный' + кит. toŋ (4) 'медь' > altun 'золото' (Räsänen, 1969, 18, 488);

2) тюрк. baqşu ~ baqsu 'сказитель' < кит. pāk-ši//pāk-dzi (5) 'мастер, учитель' (Gabain, 1974, 326; Ramstedt, 1951, 73);

3) тюрк. bek ~ beg 'бек, господин' < кит. paik (6) 'белый, благородный' встречается в сочетании paik-in (6) > begin 'губернатор провинции' (Ramstedt, 1951, 67);

4) тюрк. bičik ~ bitik 'книга' < кит. pi ~ piet (7) 'кисточка для письма' > тюрк. biti ~ piti ~ biči- 'писать' + -k — аффикс, образующий результат действия > bitik ~ bičik 'книга' (Новгородский, 1951, 45; Gabain, 1974, 329);

5) тюрк. biti ~ biči- 'писать' < кит. pi ~ bi ~ piet (7) 'кисточка для письма' > biti ~ biči- 'писать' (Новгородский, 1951, 45; Gabain, 1974, 329);

6) тюрк. burxan ~ burqan 'Будда' < кит. fo (8) + xan' (47) > fo-xan' (9) > burxan (Gabain, 1974, 332);

7) тюрк. čaj 'чай' < кит. ch'a (10) 'чай' (Колоколов, 1935, 598; Чэнь Чан-Хао, 1953, 896; Räsänen, 1969, 95);

8) тюрк. čan 'сосуд, бокал, стакан' < кит. chan (11) 'стакан' (Gabain, 1974, 333; Räsänen, 1969, 98);

9) тюрк. čanaq 'посуда' < кит. čin (12) 'китайский' + ajaq 'чашка' > čanaq 'посуда' (Räsänen, 1969, 111);

10) тюрк. čini 'фарфор' < кит. čin (12) 'Китай, китайский' (Räsänen, 1969, III);

11) тюрк. čojun 'чугун' < кит. t'siu ~ choi + kang (13) 'металлический сосуд' > чугун' (Räsänen, 1969, 113; ср. Фасмер, IV, 374);

12) тюрк. čoŋ 'большой' < кит. čaŋ (14) 'длина, длинный' (Räsänen, 1969, 116);

13) тюрк. čoga ~ šoga 'сын хана' < кит. čol ~ čog > čoga ~ šoga (15) (Ramstedt, 1951, 72);

14) тюрк. čun ~ čin 'истина, истинный' < кит. chên (16) 'верный' (Gabain, 1914, 334) < кит. чжэнь (17) 'истинный, верный' (Новгородский, 1951, 46—47); < кит. чын (18) 'истинный, верный, честный' (Колоколов, 1935, 511); < кит. t'san (Räsänen, 1969, 108); ср. кит. чжэнь-ли (19) 'истина' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 248);

15) тюрк. džaj ~ žaj 'место, дом', предполагаемое заимствование из персидского džaj جاي < кит. džaj (20) 'дом, жилище, квартира' (Колоколов, 1935, 530; Чэнь Чан-Хао, 1953, 264);

16) тюрк. indži ~ indžü 'жемчуг' < кит. džen-džu (21) 'жемчуг' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 170; Räsänen, 1969, 203);

17) тюрк. iš ~ is 'дело, работа' < кит. shi ~ ših (22) 'дело, занятие' (Колоколов, 1935, 294; Чэнь Чан-Хао, 1953, 137);

18) тюрк. jabyu ~ žabyu 'правитель, вождь', предполагаемое заимствование из иран., куш., санскр. jawyu (Golden, 1980) < кит. djan-giwo > совр. žap-ju (23) 'титул верховного правителя' (Menges, 1968, 88; Gabain, 1974, 381);

19) тюрк. küg ~ küj 'песня, мелодия' < кит. kü < k'iook (24) 'песня' (Gabain, 1974, 343);

20) тюрк. lu ~ luŋ 'змея, дракон' < кит. lung (25) 'дракон' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 157; Räsänen, 1969, 318);

21) тюрк. raj 'доля, пай' < кит. p'aj (26) 'ряд' (Räsänen, 1969, 378);

22) тюрк. qaŋan 'каган, государь' < кит. ke-xan' (27) 'великий хан' (Чэнь Чан-Хао, 1953); < кит. ke-kuan (28) 'великий государь' > qaŋan (Ramstedt, 1951, 62);

- 23) тюрк. qam 'шаман' <кит. kam (29) 'шаман' (Ramstedt, 1951, 71);
- 24) тюрк. qar 'мешок' <кит. kia > kap (30) 'карман' (Gabain, 1974, 355);
- 25) тюрк. quw 'сухой' <кит. qu ~ q'u (31) 'засохнуть' (Колоколов, 1935, 109);
- 26) тюрк. suγ ~ suw 'вода' <кит. shuj ~ shuei (32) 'вода' (Колоколов, 1935, 410; Чэнь Чан-Хао, 1953, 68);
- 27) тюрк. sürci ~ sirçi 'маляр, художник' <кит. ts'i ~ ts'iet (33) 'лак, лакировщик, художник' (Gabain, 1974, 365); <кит. tsi (34) > sir 'лак' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 305; Räsänen, 1969, 418);
- 28) тюрк. tajšy 'принц' <кит. t'aj-tšeng (35) 'принц' (Räsänen, 1969, 456);
- 29) тюрк. taγ 'утро, восход солнца, заря'; <кит. tan ~ dan' (36) 'утро, восход солнца' (Колоколов, 1935, 16);
- 30) тюрк. tarχap 'звание, освобождающее его носителя от налогов' <кит. t'ât (37) 'благородный знаток' (Ramstedt, 1951, 63);
- 31) тюрк. tegin 'принц' <кит. tek in (38) 'знатный человек' (Ramstedt, 1951, 64);
- 32) тюрк. teγ 'ровный, равный' <кит. t'an ~ tan' (39) 'равнина, широкая ровная поверхность' (Колоколов, 1935, 16);
- 33) тюрк. teγri 'бог' <кит. čen-li (40) 'бог' (Benzing, 1954, 685). Ср. Pelliot, 1944, 185;
- 34) тюрк. tojun ~ tudun ~ tugun 'титул правителя, ученый, мудрец' <кит. tao-jên <d'âu-dö-ñziên (41), 'ученый, монах, мудрец' (Gabain, 1974, 373); <кит. tao-jên 'князь, учитель' (Räsänen, 1969, 484; Чэнь Чан-Хао, 1953); <кит. tao-in (41) 'князь, учитель, епископ' (Ramstedt, 1951, 70);
- 35) тюрк. tuγ ~ tuw 'знамя, флаг' <кит. tu ~ d'uok (42) 'знамя, флаг' (Gabain, 1974, 374);
- 36) тюрк. tutuγ ~ tutuq 'губернатор' <кит. tutu ~ tu-tuok (43) 'губернатор' (Räsänen, 1969, 502); <кит. lo-thoγ (44) 'правитель области' (Ramstedt, 1951, 70);
- 37) тюрк. tuγ 'сильный, сильно, очень' <кит. taγ (45) 'сильный, сильно' (Räsänen, 1969, 478);
- 38) тюрк. tuγla- 'слушать' <кит. tiγ (46) 'слушать' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 750; Räsänen, 1969, 478);
- 39) тюрк. ütük ~ ötüγ 'утюг' <кит. juēt-təng > wej-dou (47) 'утюг' (Boothberg, 1939, 263);
- 40) тюрк. χap 'хан' <кит. хань (27) 'хан' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 879); <кит. kuan (48) 'хан' (Ramstedt, 1951, 61);
- 41) тюрк. zajsan 'родовой старшина' <монг. dzajsan 'чиновник, судья' <кит. tsâi-siang (49) (Ramstedt, 1951, 76);
- 42) тюрк. zaγ 'закон, обычай' <кит. jaγ (50) 'модель, образец' > монг. zang 'закон, обычай' (Räsänen, 1969, 186) <кит. дъянь ~ дьянь (51) 'модель, образец' (Колоколов, 1935, 573);
- 43) тюрк. župan 'титул провинциального чиновника' <кит. tsou-pan (52) 'секретарь, канцлер' (Ramstedt, 1951, 72);
- 44) тюрк. temir 'железо' <кит. te-pi (53) 'железные куски, листы' (Чэнь Чан-Хао, 1953, 169);
- 45) тюрк. күмүш ~ күмис ~ чуваш., кѣмѣл 'серебро' <кит., кор. kim 'металл, золото' <кит. *kiäm-*liän (54) 'серебро' (Ramstedt, 1949, 116; Joki, 1952, 103; Räsänen, 1969, 308);
- 46) тюрк. syn ~ sin 'надмогильный камень' <кит. ts'in (55) 'камень-памятник' (Räsänen, 1969, 422);

47) тюрк. tabčan 'диван' < кит. tao-ch'ang (56) 'диван, софа' (Räsä-nep, 1969, 452).

Большинство приведенных выше китаизмов в тюркских языках уже было выявлено ранее, из предложенных же нами китайских этимологий тюркских слов džaj ~ žaj 'место'; iš ~ is 'дело'; quw 'сухой'; suγ ~ suw 'вода'; taŋ 'утро'; teŋ 'ровный' — наиболее вероятными являются: džaj ~ žaj 'место, дом'; quw 'сухой', teŋ 'ровный' и taŋ 'заря, утро', которые не только совпадают по семантике и звуковому составу с соответствующими китайскими словами, но и во многих тюркских языках являются омонимами по отношению к словам с другими значениями; кроме того, за исключением слова taŋ 'заря' они не относятся к общетюркским словам и не встречаются, как правило, в огузских языках и в некоторых других группах тюркских языков.

Менее вероятно сближение с китайской лексикой слов iš ~ is 'дело, работа' и suγ ~ suw 'вода', которые, однако, также имеют общие с соответствующими китайскими словами семантику и фонетическую структуру, хотя и являются общетюркскими словами.

Последующие исследования в этой области имеют значение и для каждого современного тюркского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка // В кн.: Баскаков Н. А. и Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М., 1947.
- Он же. Предисловие к кн.: Новгородский В. И. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.
- Он же. Состав лексики каракалпакского языка // В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962. Т. 4: Лексика.
- Баскаков Н. А., Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
- Бернштам А. Уйгурские юридические документы // В кн.: Проблемы источниковедения. Л., 1940. Сб. 3.
- Он же. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.; Л., 1946.
- Валиханов Ч. Ч. Сочинения // Зап. Импер. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. Спб., 1904. Т. 29.
- Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1872. Т. 9.
- Древнетюркский словарь (сокращенно ДТС). Л., 1969.
- Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.
- Катанов Н. Маньчжурско-китайский «Ли» на наречии тюрков Китайского Туркестана // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. Спб., 1902. Т. 14.
- Колоколов В. С. Краткий китайско-русский словарь. М., 1935.
- Малов С. Е. Характеристика жителей Восточного Туркестана // Докл. АН СССР. Л., 1928.
- Он же. Уйгурский язык (хамийское наречие). М.; Л., 1954.
- Он же. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
- Он же. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- Он же. Уйгурские наречия Синьцзяна. М.; Л., 1961.
- Он же. Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М., 1967.
- Он же. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Он же. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л., 1952.
- Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
- Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- Он же. См.: Н. А. Баскаков и В. М. Насилов.
- Новгородский В. И. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.
- Пантусов Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Спб., 1890. 1; Казань, 1898. 2; Казань, 1901. 3.

- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893—1911. Т. 1—4.
Он же. Образцы народной литературы северных тюркских наречий. Спб., 1886. Т. 6.
Рамstedt Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
Рахимов Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. М., 1970.
Садуакасов Г. С. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата. 1976. Т. 1; 1970. Т. 2.
Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М., 1976.
Он же. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.
Чэнь Чан-Хао, Дубровский А. Г., Котов А. В. Русско-китайский словарь. М., 1953 (сокращенно—Чэнь Чан-Хао).
Юдахин К. К. Уйгурско-русский словарь. М., 1938.
Benzing J. Das Hunnische: Donaubolgarische und Wolgabulgarische//Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959 1.
Boodberg P. A. Ting-ling and Turks. Sino-Altaica. Berkeley, 1934, 11 (5).
Idem. Marginalia to the Histories of the Northern Dynasties//Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge. Mass. 1939. 4.
Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
Deguignes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux//Ouvrage tiré des livres chinois. P., 1756—1758.
Eberhardt W. Die Kultur der alten zentral und westasiatischen Völker nach chinesischen Quellen//Zeitschrift für Ethnologie. 1941. 73.
Ecsedy H. Old Turkic titles of Chinese origin//Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1965. 18.
Idem. Trade and war relations between the Turks and China//Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1968. 21.
Gabain A., von. Das Leben in uigurischen Königreich von Qočo. Wiesbaden, 1973.
Idem. Altürkische Grammatik//Dritte Auflage. Wiesbaden, 1974.
Golden B. P. Khazar Studies. Budapest, 1980, 1—2.
Jarring G. The contest of the fruits//An Eastern Turki allegory. Lund, 1936.
Idem. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. Lund, 1946—1951. 1—3.
Idem. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964.
Joki J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen//Memoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1952. 103.
Köprülü M. F. Zur Kenntnis der altürkischen Titulatur//Körösi Csoma Archivum (1938). Budapest—Leipzig, 1938.
Ligeti L. Sur quelques transcriptions sino-ouigoures des Ynar //Ural-Altäische Jahrbücher. 1961. 33.
Idem. Un vocabulaire sino-ouigour des Ming//Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1966.
Menges K. H. Volkskundliche Texte aus Ost-Turkistan aus dem Nachlass von N. Katanov//Sitzungsbericht: Berl. Akad. Wiss., 1933.
Idem. The Turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1968.
Pellio P. Tangrim>tarim. Toung-Pao, 1944.
Pritzak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker//Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1952. 24.
Radloff W. Die altürkischen Inschriften der Mongolei. Spb., 1897.
Idem. Altürkische Studien. Spb., 1909—1912. 1—6.
Idem. Uigurische Sprachdenkmäler. Lngr., 1928.
Ramstedt G. J. Alte türkische und mongolische Titel//Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1951. Vol. 55.
Raquette G. R. English-Turki Dictionary. Leipzig, 1927.
Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Turksprachen. Helsinki, 1969.
Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology//Memoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1949. 95.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. БАРАНДЕЕВ

ГИДРОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ТЮРКСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В «КНИГЕ БОЛЬШОМУ ЧЕРТЕЖУ»

Официальный по своему происхождению памятник русской письменности XVII в. «Книга Большому Чертежу», введенный более двухсот лет назад в корпус историко-лингвистических, географических и этнографических источников В. Н. Татищевым, дает достаточно полное представление о системах русской географической терминологии и топонимии, сложившихся к началу XVII в. [1. С. 136—143; 2. С. 74—79]. Анализ топонимической лексики «Книги Большому Чертежу» (далее сокращенно—КБЧ) свидетельствует о значительном вкладе тюркских заимствований в русскую топонимическую систему XVII в. Всего в памятнике зафиксировано более 2000 топонимов, в том числе около 160 тюркизмов. Наличие в русской топонимии XVII в. столь значительного пласта заимствований из тюркских языков обусловлено прежде всего историческими причинами, на которые в свое время указал Т. И. Райнов, оценивший географический кругозор памятника как ориентализирующей. В частности, Т. И. Райнов отметил большое значение стран Востока и Юго-Востока в жизни Московского государства XVI—XVII вв.: «Именно в направлении этих стран международно-военная и экономическая политика Москвы была всего активнее и успешнее в XVI в. и в первой половине XVII в.» [3. С. 376]. Не случайно поэтому в КБЧ подробно освещены не только центральные регионы Московии, но и южные, восточные и юго-восточные: Крымская и Ногайская стороны, река Яик, Крымская Орда, земля Юргенская, земля Бухарская и т. д.; западные и юго-западные территории описаны достаточно сдержанно.

Уже в начале XIX в. исследователи стали проявлять пристальное и устойчивое внимание к ориентализмам, содержащимся в КБЧ,—были предприняты первые попытки их лингвистической интерпретации. Естественно, что далеко не во всех случаях уровень словообразовательного, семантического и этимологического анализа топонимической лексики памятника в трудах ученых XIX в. удовлетворит современного исследователя. Поэтому степень достоверности объяснений тюркизмов КБЧ учеными XIX в. в настоящее время следует оценивать осторожно и критически. Однако история изучения тюркизмов, представленных в памятнике, безусловно, заслуживает серьезного внимания, хотя и состоит из фрагментарных, разрозненных наблюдений.

Одним из первых к анализу тюркизмов КБЧ обратился историк А. Х. Лерберг, рассмотревший названия *Нарым (Пегая Орда)*, *Дербенд*, *Саркела* [4. С. 33—35, 80—81, 322—386]. Археолог Д. И. Языков в при-

мечаниях к предпринятому им третьему изданию памятника [5] комментировал ориентализм *сакма* [6. С. 250]. Г. И. Спасский, осуществивший четвертое издание КБЧ, объяснял топонимы *Думчий курган*, *Хазарское городище*, *Юргенская земля* и др. [7. С. 217, 218, 257].

Наиболее обстоятельную попытку лингвистической и историко-географической интерпретации тюркизмов КБЧ предпринял А. Макшеев, рассмотревший в содержательной статье гидронимы *Угус (Оксус)*, *Акбашлы*, *Кайняр-Саксыз*, *Караголь*, топонимы *Аркан (Яркан)*, *Саганак (Сунак)*, *Такишур*, *Саирям*, оронимы *Аралтова гора*, *Карачатова гора*, *Юрюк* и многие другие названия топообъектов. В статье А. Макшеева приведен краткий перечень тюркизмов КБЧ, а также «Карта Киргизских степей и Туркестанского края», дающая наглядное представление о пространственном расположении тюркизмов, нередко реконструируемых автором как словообразовательно, так и топографически [8. С. 1—39]. К анализу тюркизмов памятника обращались и другие исследователи XIX в.

Современные языковеды тюркский материал КБЧ широко привлекают для работ самого различного характера. Наиболее интересны в этом отношении разыскания А. И. Попова, Л. Г. Гулиевой, А. Н. Камалова, Е. В. Ястребова, И. Г. Добродомова [9. С. 133, 169—170; 10. С. 135—140; 11. С. 204, 205; 12. С. 163—172; 13. С. 122—125]. Определенную лингвистическую интерпретацию получил зафиксированный в КБЧ грецизм *ильмень*, заимствованный русским языком через тюркское посредство [14. С. 258—262].

В перспективе полное изучение всего тюркского лексического пласта КБЧ, в том числе и топонимического, представляет значительный научный интерес. В нашей статье рассматривается семантическая эволюция и этимология двух гидрографических терминов тюркского происхождения: *ерик (ерек)* и *созоны*.

ЕРИК (ЕРЕК)

В КБЧ при описании бассейна Северского Донца употребление гидрографического термина *ерик* (в форме *ерек*) представлено единичными примерами. Причем в памятнике термин зафиксирован только в составе гидронимов, в апеллятивном употреблении не встречается. Семантическое содержание термина *ерик* отличалось единством.

Ерик (ерек) 'речка, ручей, приток': Пала в Донец *речка Ерек Каменнои*; а меж Берек и Ерка Каменного Изюмской курган (КБЧ. 75. 1627 г., сп. 80-х гг. XVII в.); А ниже Липового Донца с версту пал в Северской Донец *колодезь Лихои Ерек*, взялся врагом ис под Муравской дороги (КБЧ. 69); А от верху реки Ворсклы верст с 30 до *Лихова Ерка*, а от *Лихова Ерка* верст с 7 до Белгорода (КБЧ. 105) [15].

Достаточный контекст в приведенных примерах позволяет считать, что термин *ерик (ерек)* был принят практической географией в начале XVII в. как обозначение небольших рек, ручьев, притоков рек на части южно-русской территории. В пользу такого утверждения свидетельствует наличие синонимов-толкований, сопровождающих термин в отмеченных случаях: *речка* 'небольшая река' и *колодезь* 'ручей'. Следовательно, *ерик*—это небольшой водоток, иногда берущий начало в овраге. Последний из приведенных выше примеров указывает на то, что термин обозначал гидрографическую реалию, служившую также ориентиром на местности.

КБЧ—не единственный памятник, отражающий особенности функционирования термина *ерик* в системе топонимической лексики русского языка XVII в. Многообразнее семантика термина представлена в других памятниках русской письменности, однако и в них *ерик* получает сравнительно позднее отражение, причем он прослеживается преимущественно в южно-русских памятниках, особенно регулярно—в воронежских. Впервые по нашим материалам *ерик* отмечен в воронежском документе 1615 г. Семантическое содержание термина отличается в памятниках значительной многозначностью.

1. *Ерик* 'проток из одного озера в другое'. Употребление термина в этом значении представлено примерами, в которых *ерик* отмечен в форме апеллятива: Рыбные ловли звено рѢки Дону, ... озерко БѢлое съ еркомъ, да озеро Подполное съ ерком (Ворон. а. 91. 1615 г.); А старой праходной еракъ которой шоль ис того озера вниз по рекѢ по дану в круглая заперли наглухо (1645 г.) [16. С. 72]; Да рыбной ловли звено рѢки Дону ... и озера съ ерками и з запольными рѢчками (Дон. д. IV. 821. 1655 г.); РѢчка ... с озера и с малыми ерками и з затоны (Кн. прих.-расх. Синб. 140. 1665 г.) и др.

2. *Ерик* 'ручей'. В этом наиболее общем значении употребление термина прослеживается в памятниках не так широко; *ерик* (в форме *ерек*) представлен лишь в составе гидронимов: Межа Богданова поместью Кречкова... изъ усады дорогою черезъ Зимовой Ерекъ на поле Богдана Кречкова (Ворон. меж. кн. 208. 1629 г.); В прошлых гдръ годѢх... на пристонском ерку заперли в наших дачех мельницу (1700 г.) [16. С. 72].

3. *Ерик* 'пересыхающий ручей, старица'. Данная семантика свидетельствует, что термин обозначает несколько иную гидрографическую реалию—пересыхающие русла, на что прежде всего указывает определение к нему—*суходольный*: Сказали в сыску 33 человекъ, что... Боршева монастыря вотчинной земли Форасанского рубежа и *сухадолного ерика* они не знаютъ (А. гражд. распр. II. 505. XVII в.); А по прозвищу тот патокъ *суходолной ерекъ* в том ерке лѢтнею порою вода пересыхает (1700 г.) [16. С. 72].

4. *Ерик* 'рукав реки'. Употребление термина в этом значении представлено единичными примерами: А Крымскии ханъ съ Крымскими и Турскими людьми... поставили на Донѣ каменной городъ в четырехъ башняхъ, на верхнѢм устьѢ *проѢзнава ерка*, что вышелъ из Донца Азовского моря (Дон. д. V. 60. 1660 г.); И от рѢчки вниз по Дону *ерекъ мегеневъ* и тотъ *ерекъ* впалъ в реку в Донъ (1700 г.) [16. С. 72].

5. *Ерик* 'угодье, владенье'. Семантика прослеживается по нашим материалам на основании немногочисленных примеров: Приписаны к Синбирску на ВолгѢ реки с верхней изголови *Ягодного ерка* с луговой стороны... и пески и озера (Кн. прих.-расх. Синб. 135. 1665 г.); Казаки пристанские станицы своим насильством владели тою вотчиною коренною многие годы с того *перевозного ерика* вверх по Хопру с третьева яру до *Орехова ерика* (Бул. восст. 85—86. 1704 г.).

6. *Ерик* 'искусственный, прокопанный канал'. Семантика указывает, что термин обозначает специфическую реалию—каналы, вырытые донскими казаками в низовьях Дона между его рукавами для обхода занятого врагом Азова: О томъ урочищѢ на луговой сторонѢ изъ *Бурдаева ерка* выѢхали воинские люди въ лодкѢ человекъ съ 17 (ДАИ X. 133. 1682 г.); Ходили казаки... съ двѢмя неводами внизъ по Дону блиско каланчинскихъ башень къ *казачью ерку*, надѢясь на то, что у нихъ войско съ Азовцы въ миру (ДАИ XI. 263. 1685 г.); А пошли они [казаки] мимо

Калачинскихъ башень, черезъ *казачей ерекѣ* переволокши суды, спустились въ Каланчу рѣку, а изъ Каланчи пошли на море (ДАИ XII. 120. 1685 г.).

Словари, зафиксировавшие термин *ерик*, последовательно указывают на его локальное, южно-русское распространение. Например: «Ерик. На низовой Волге и по берегам так называют небольшие ручьи» (САР II. 1013—1014). В. И. Даль определял слова *ерик*, *еричек* как юго-восточные и отмечал у них следующие значения: 1) 'старица, речичье, глушица, часть покинутого русла, куда по весне заливается вода и остается в долгих яминах'; 2) 'глухой, непроточный рукав реки, образовавшийся из старицы'; 3) 'узкий глубокий пролив из реки в озеро, между озерами и ильменями' (Даль I. 521). Сходный комплекс значений термина *ерик* отражен в «Словаре, составленном 2-м отделением Академии наук». Кроме того, в словаре приведены тюркские соответствия: тат. *арык*, тюрк. *йирмак* 'прорывать, прокатывать' и к термину *ерик* 'маленький проток, соединяющий заливчики, образованные разлившейся рекою', указан синоним—астрах. *подстѣпок* (Сл. 2-го отд. 127—128). А. В. Миртов выделил у слова *ерик* значение, в котором оно известно на Дону,—'неглубокий длинный овраг, ручей, проток' (ДС. 88).

Историко-лексикологические исследования дополняют приведенный материал, указывая на широкое распространение термина *ерик* прежде всего в воронежских документах XVII в. и в современных воронежских говорах. В. И. Хитрова отметила, что воронежский диалектизм *ерик* повсеместно сохранился в говорах в основном с теми же значениями: 1) 'небольшой ручей'; 2) 'водоем, болото'. Термин употребляется в речи всех возрастных групп носителей этих говоров [16. С. 73, 366].

В. И. Дьякова, рассмотревшая термин *ерик* в составе географической терминологии Воронежской области, также пришла к выводу о его широком распространении. Автор не только выделил у термина целый комплекс разветвленных значений, но и указал на употребление его в иной огласовке—*ерок* и связанные с этим отличия в семантическом содержании слова. *Ерик*—1) 'проток в пойме реки, соединяющий два или больше водоемов'; 2) 'ответвление от реки, небольшой рукав'; 3) 'залив'; 4) 'старое русло'; 5) 'небольшой ручей'; 6) 'болото на месте протока'; 7) 'низина, луг на месте старого русла'. *Ерок*—1) 'ручей'; 2) 'овраг, промытый водой и часто с водотоком'; 3) 'луг на пойме'; 4) 'небольшой водоем' [17. С. 107, прил., с. 55—56].

Существенным для истории термина *ерик* представляется материал исследования А. Н. Качалкина, рассмотревшего употребление термина в донских документах XVII в. Автор определил, что термин *ерик* употреблялся на Дону в значениях: 1) 'рукав, проток'; 2) 'искусственный канал, соединяющий судоходные рукава Дона в его устье'. А. Н. Качалкин склонен считать местом возникновения термина не Воронежскую землю, а Дон. Его аргументация достаточно убедительна: «На верхний Дон слово пришло с нижнего, где первоначально обозначало (в отличие от протоки) лишь 'искусственный канал'. В низовьях Дона казакам нередко приходилось прорывать на мелководье канал, чтобы обойти зыбчатый неприятель Азов. Впоследствии этот канал стал называться Казачьим ериком» [18. С. 287]. Примечательно, что данное значение термина сохранилось в некрасовском говоре: *ерик* 'искусственный канал, прокопанная ложбинка', а также наряду с другими значениями представлено в нижнедонских говорах, в которых *ерик*—'канал'. Интересно, что в верхнедонских говорах эта семантика не прослеживается, хотя отмечены другие значения слова *ерик*: 1) 'ручей, сток воды';

2) 'старица'; 3) 'узкий пролив между двумя водоемами'. Первые два значения являются общими для верхне- и нижнедонских говоров [18. С. 283—287].

В пользу донского пути проникновения термина в русский язык может свидетельствовать его несомненная этимологическая связь с крымско-татарским и ногайским тюркизмом *jaruq* 'трещина, щель' (Фасмер II. 24), обусловленная языковыми контактами донских казаков с тюркоязычным населением русского Юга, в частности—с крымскими татарами. Однако существует и другая этимология, выдвинутая Г. К. Конкашпаевым, согласно которой рус. *ерик* восходит к каз. *žaryq*: 1) 'местность, изрезанная текучими водами'; 2) 'проток или рукав реки'. Термин *žaryq* образован от глагола *žar-* 'раскалываться, растрескаться' [19. С. 16].

Анализ хронологии тюркского заимствования, территориальная атрибуция текстов, отражающих заимствование, фактор историко-географический—все это позволяет считать этимологию Г. К. Конкашпаева менее надежной в отношении пути проникновения тюркизма в русский язык. Более убедительным представляется рассмотрение иного пути проникновения и закрепления тюркизма *jaruq* в русском языке: ведь заимствование могло первоначально закрепиться на нижнедонских территориях как обозначение искусственного канала, вырытого казаками для судоходства. Затем началось «движение этого диалектизма с Дона на Воронеж, в земли астраханского, волжского, уральского казачества. Одновременно происходило движение этого слова к Центру, но далее Курской области оно не пошло» [18. С. 288—289, 371—372]. По заключению А. Н. Качалкина, в I половине XVII в. слово *ерик* бытовало в ограниченном регионе: Курск—Тамбов—Саранск—Симбирск—Яик—Астрахань—Черкасск—Острогожск.

Термин *ерик* известен также в бассейне Кубани. Н. Я. Данилевский одним из первых рассмотрел гидрографическую специфику ериков в низовьях Кубани, выделив у термина значение 'рукав реки'. Автор, в частности, отмечал: «От главных рукавов Кубанской дельты отделяется бесчисленное множество мелких рукавов, называемых ериками, которые или опять соединяются с давшим им начало рукавом или сливаются между собой, чтобы потом снова иным образом разделиться, или впадают в озеровидные расширения—лиманы, питая их пресною водою» [20. С. 17].

Как несостоятельную следует отвергнуть гипотезу П. Н. Черменского о финно-угорском происхождении термина *ерик*, поскольку явно недостаточно лишь одного внешнего созвучия финно-угорского слова *Ирг* (*Ирк*), присутствующего, по мнению автора, в названии реки *Иргис* (со ссылкой на Геродота), с совр. морд. *эрке* 'озеро', чтобы утверждать, что от этих форм могло быть образовано рус. *ерик* [21. С. 138].

В русском языке наряду со словом *ерик* функционируют и другие семантически близкие ему тюркизмы: *арык* 'искусственный канал'; *джарык*, *жарык* 'трещина, проток', представляющие собой, как и *ерик*, позднейшие заимствования из языков Средней Азии [22. С. 8, 17], и более древнее *яруга* 'овраг, ручей в овраге'.

Факт семантической близости указанных терминов осмысливается тюркологами по-разному. В частности, Е. Н. Шипова, не соглашаясь с этимологией термина *ерик*, предложенной М. Фасмером, считает, что *jaruk* и *jaruk* семантически ближе к термину *арык*, а потому соотносит термин *ерик* 'вместилище талых вод' с мягкой основой слов *ärjä* 'русло реки'; *äri*, *ärin* 'таять'; *äru* 'растаявший' (СТРЯ, 40, 134). Но даже отвлекаясь от частностей этимологического анализа, можно с уверенностью

заключить, что термины *ерик*, *арык* и *яруга* являются тюркизмами, и это убедительно подтверждается как прошлыми этимологическими разысканиями, так и работами последнего времени, свидетельствующими о широком распространении указанных терминов в тюркских языках с древнейшей поры [23. С. 257—258; 24. С. 190].

Возникновение русской формы *ерик* в XVII в. может быть объяснено условно-фонетической передачей тюрк. *jarıyū, jarıyk* как *ярык*. Затем в результате отталкивания от русских диалектных форм с твердым [р] появились гиперкорректные формы со смягченным [р']: *эрик* и с переносом ударения—*эрик*. (Ср. рус. диал. *крынка* и *кринка*, *крыница* и *криница*). Тюрк. *jarıyū*, оформившееся на древнерусской почве окончанием *-а*, обусловило возникновение термина *яруга*.

Анализ употребления гидрографического термина *ерик* в памятниках и современных говорах русского языка позволяет сделать выводы о его семантической эволюции. В целом сохранились те значения термина, которые отражают гидрографическую специфику ериков-ручьев в конкретных регионах.

1. Значение *ерик* 'проток из одного водоема в другой' осталось без изменений в верхнедонских и воронежских говорах. Примечательно, что это единственное значение термина, которое отражено в большом и малом академических словарях русского языка, причем без всяких ограничительных помет, что, очевидно, должно указывать на общелитературный характер слова *ерик* (БАС III. 1268; МАС I. 466). Однако, по нашему мнению, нет достаточных оснований считать это слово общелитературным, поскольку оно является ярким южно-русским диалектизмом, комплекс основных значений которого сосредоточен лишь в одной диалектной зоне: воронежские—донские говоры.

2. Общая семантика термина *ерик* 'ручей' сохранилась к настоящему времени в верхне- и нижнедонских, а также в воронежских говорах. В этих регионах *ерик* употребляется как местный географический термин.

3. Значение *ерик* 'пересыхающий ручей' также представлено во всех донских и воронежских говорах, в которых термин обозначает старое, высыхающее или высохшее русло прежнего водотока—старшцу. Впрочем, определение к термину *суходольный* в современных говорах не зафиксировано: вероятно, это употребление утрачено.

4. Полностью сохранилась семантика *ерик* 'рукав реки', локально представленная в нижнедонских и воронежских говорах.

5. Узколокально распространен термин *ерик* в значении 'искусственный канал', теснейшим образом связанном с его этимологией. Данная семантика представлена в настоящее время в некрасовском говоре, не знающем других значений термина.

Утраченным оказалось лишь одно значение термина *ерик*—'угодьё, владенье', что обусловлено сменой общественно-экономических формаций, изменением роли рек в жизни человека.

Таким образом, гидрографический термин *ерик* начиная с XVII в. следует рассматривать как яркий южно-русский диалектизм, лишь частично освоенный современным русским литературным языком. Семантическая эволюция термина заключается не только в почти полном сохранении его семантического ядра, но и в развитии новых значений, отмеченных в ряде диалектных зон русского языка. Ср., например, *ерик*—оренбург. 'исток реки'; воронеж.: 1) 'залив', 2) 'болото на месте

протока', 3) 'низина, луг на месте старого русла'; без указ. региона— 'место, где моют белье' (Бурн. I. 200).

В современном русском языке слово *ерик* следует квалифицировать как местный географический термин тюркского происхождения, распространенный преимущественно в бассейнах Кубани, Волги, Каспия, в низовьях Урала и на Дону. В отмеченных регионах термин известен в значениях: 'залив, старица, глухой проток, мертвое русло, заливаемое вешними водами; ложбины временных потоков на пойме, в высокую воду служащие руслами рек'; 'глубокий проток из реки в озеро, из озера в озеро', в Жигулях—'овраг, молодое русло в древних долинах' (МОВС. 21—22; СНГТ. 202). Наиболее полно весь комплекс значений термина *ерик* и производных от него образований типа *эричек*, *эричная рыба*, *эрка* представлен в сводном «Словаре русских народных говоров» (СРНГ. 26—27).

В современной гидронимии известны многие названия, включающие термин *ерик*: реки *Ерик* (левый приток Боровой, басс. Северского Донца), *Ерик Иловатый* (левый приток Волги) и др. (СГУ. 192; СНГТ. 202). По-видимому, термин отражен и в названии поселка *Ерки* в Черкасской области УССР. Интересный факт употребления термина в разговорном румынском языке (*ерик* 'небольшая река') заслуживает специальной лингвистической интерпретации.

СОЗОНЫ

В «Книге Большому Чертежу» при описании бассейна Северского Донца в районе реки Оскол (выше левого притока Оскола—реки Валуя) отмечено употребление темного, эндемичного гидрографического термина *созоны*. Термин представлен в памятнике единственным примером гидронимов—названий 12 рек, впадавших в Оскол: с Ногайской стороны, ниже Жестовых гор, до верху речки Мосея, пали в Оскол 12 речек одним прозвищем—все *Созоны* (КБЧ. 73).

Как апеллятив слово *созоны* встречается в Строельной книге г. Усерда 1637—1638 гг., цитируемой Е. С. Отиным: «...а въ Осиновомъ острогѣ стоять государевы ратные люди оберегаютъ Калмиюзскіе сакмы, которая сакма лежитъ в Русь верхъ Сосенскихъ роздорвь и *созоновъ*...» [25. С. 144]. В отличие от притоков Оскола, термин *созоны* обозначает здесь притоки в верховьях Тихой Сосны. Других примеров употребления термина, по-видимому, пока неизвестно, хотя Е. С. Отин приводит глухое указание на то, что некоторые из упомянутых в КБЧ 12 *Созонов* имели в документах XVII—XIX вв. дифференцирующие определения типа *Белый*, *Первый*, *Второй*, *Березовый* и т. д. [25. С. 144; 26].

Этимология и семантика термина *созоны*, не получившего широкого отражения в памятниках и никакого отражения в лексикографических источниках, значительно затемнены. По предположению Е. С. Отина, термин мог отражать семантику крымско-татарского апеллятива *sağ* 'болото'. Если такое предположение справедливо, то Е. С. Отин считает возможным генетически сблизить донской гидроним *Созоны* со 2-й частью составных тюркских гидронимов типа *Шайтан-Сузье* и *Ярли-Сузан* в бассейне Днепра [25. С. 144].

И. В. Муромцев предложил хронологически более раннюю этимологию гидронима *Созоны*, который сопоставляется им с осет. *sädzän* 'болотистый' [27. С. 48—49]. По мнению Е. С. Отина, эта этимологическая версия заслуживает внимания прежде всего потому, что она согласуется с археологическими данными. Дело в том, что междуречья

Дона и Северского Донца, среднее и нижнее течения Оскола, бассейн Тихой Сосны—это район памятников салтово-маяцкой культуры. Этническая принадлежность данной культуры определяется некоторыми исследователями как алано-тюркская [25. С. 144—145; 28. С. 11].

На наш взгляд, не следует исключать возможность влияния на форму термина *созоны* другого тюркизма—апеллятива *özen* (*озень, узень*) 'небольшая река, речка; рукав реки; долина', широко распространенного в тюркской гидронимии (Фасмер IV. 154; СТЯ. 343). Объяснение преобразования форм *озень, узень* > *созоны* может быть представлено в следующем виде: *saz* (*саз, соз*) 'ил, болото' + *özen* (*озень, узень*) 'речка, рукав реки' > *созоны* 'речки, вытекающие из болота'.

Примечательно, что тюркизм *озень* (в условно-фонетической форме *узень*), как и *созоны*, получает отражение в русской письменности с XVII в., причем он отмечен лишь в одном памятнике—в КБЧ при описании низовий Волги [29]: А с луговые стороны выше Камышенки реки пала в Волгу река Уруслан, а в Уруслан пала река Узень. А Уруслан река потекла от реки Узени Деревяные, протоку 100 верст, а реки Узени протоку 120 верст (КБЧ. 143); В то же реку пали с другие стороны 2 речки, обе Узени Малые, протоку тех речек 70 верст. А река Деревяная Узень потекла на двое и как сошлись и те обе реки Камыш Самар (КБЧ. 144). Ср. совр. гидронимы *Большая* и *Малая Узень*—названия рек, впадающих в Камыш-Самарские озера, а также название урочища *Озен* на полуострове Мангышлак и название реки *Шураозень*, протекающей западнее Махачкалы.

Таким образом, историко-лексикологический анализ тюркского топонимического наследия, представленного в КБЧ и других памятниках русской письменности, помогает не только воссоздать историю перехода гидрографических терминов тюркского происхождения в русский язык и внести существенные коррективы в понимание их этимологии и семантики, но и точнее осмыслить современное функционирование гидрографических терминов тюркского происхождения в языке русской географической науки и в современном русском языке в целом [30].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о топонимическом содержании памятника и его оценке в плане лингвистического источниковедения см.: Барандеев А. В. «Книга Большому Чертежу» как источник топонимического исследования // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 5.

² Он же. Проблемы исторического изучения русской гидрографической терминологии // Филол. науки. 1982. № 1.

³ Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков: Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.; Л., 1940. Ч. 1—3.

⁴ Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Спб., 1819.

⁵ На титульном листе ошибочно значится: «2-е издание». Очевидно, по каким-то причинам Д. И. Языков не знал или не учитывал 2-е издание памятника, осуществленное в 1792 г., по-видимому, А. И. Мусиным-Пушкиным.

⁶ Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства... Спб., 1838.

⁷ Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846.

⁸ Макишев А. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о Киргизских степях и Туркестанском крае // Изв. Импер. Рус. геогр. о-ва. Спб., 1878. Т. 14, вып. 1.

⁹ Попов А. И. Географические названия. М.; Л., 1965 (оценка точности перевода тюркизов КБЧ на русский язык XVII в., особенности функционирования тюркизов параллельно с их русскими эквивалентами).

¹⁰ Гулиева Л. Г. О названиях реки Кубань // Топонимика Востока. М., 1969.

- ¹¹ Камалов А. Н. Еще раз о топониме Урал, гидрониме Арал и термине арал// *Вопр. географии*. Сб. 81: Местные геогр. термины. М., 1970.
- ¹² Ястребов Е. В. Названия уральских гор в XV—XVIII вв.// *Вопр. географии*. Сб. 110: Топонимика на службе географии. М., 1979.
- ¹³ Добродомов И. Г. Урал// *Рус. речь*. 1982. № 3.
- ¹⁴ Добродомов И. Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство// *Лексикология и словообразование древнерусского языка*. М., 1966.
- ¹⁵ В статье использован материал картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (КДРС) Ин-та русского языка АН СССР. При цитировании соблюдается следующий порядок. В скобках после цитаты дано сокращение памятника (список сокращений см. в конце статьи); римскими цифрами обозначен том (часть), арабскими—страница, столбец или лист; далее приводится датировка списка памятника.
- ¹⁶ Пример из канд. дис. В. И. Хитровой: Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII—первой четверти XVIII в. Воронеж, 1972.
- ¹⁷ Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973.
- ¹⁸ Качалкин А. Н. Из наблюдений над словарным составом русского языка XVII в. (На материале памятников донской казачьей письменности): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
- ¹⁹ Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины// *Изв. АН КазССР*. Сер. геогр. 1951. № 99, вып. 3.
- ²⁰ Данилевский Н. Я. Исследования о Кубанской дельте// *Зап. Рус. геогр. о-ва по общей географии*. Спб., 1869. Т. 2.
- ²¹ Черменский П. Н. К истории гидронимов Дона и его притоков// *Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. по топонимике СССР*. Л., 1965.
- ²² Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря// *Лексикографический сборник*. М., 1958. Вып. 3.
- ²³ См., например: Пэнжиев М. Об ирригационной терминологии туркменского языка// *Тюркская лексикология и лексикография*. М., 1971.
- ²⁴ Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. М., 1979. Кн. 1.
- ²⁵ Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона// *Восточнославянская ономастика*. М., 1979.
- ²⁶ См. также карту 2 распространения гидронима *Созоны* и термина *созоны* в гидронимии Дона [25. С. 143].
- ²⁷ Муромцев И. В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966.
- ²⁸ Отин Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Подонья// *Проблемы восточно-славянской топонимии*. М., 1979.
- ²⁹ В других использованных нами материалах, в частности в картотеках «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» (КСДР) и «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (КДРС) термин *озень* (узень) не зафиксирован.
- ³⁰ Автор искренне признателен д-ру филол. наук, проф. И. Г. Добродомову за ценные консультации по тюркским языкам.

СОКРАЩЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ

- А. гражд. распр.* — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России /Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860—1863. Т. 1—2: 1432—1699 гг.
- Бул. восст.* — Булавинское восстание (1707—1708 гг.)// *Тр./Ист.-археогр. ин-т АН СССР*. М., 1935. Т. 12: 1703—1709 гг.
- Ворон. а.* — Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1887. Т. 1: Воронежские акты. 1599—1705 гг.
- Ворон. меж. кн.* — Извлечения из Писцовой и Межевой книги Романа Киреевского и Леонтия Недовескова 1737 г.// Там же. Воронеж, 1891. Т. 2: Воронежские писцовые книги. 1629 г.
- ДАИ* — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1867—1872. Т. 10—12: 1682—1699 гг.
- Дон. д.* — Донские дела, кн. 4—5// *Рус. ист. б-ка*, Спб., 1913. Т. 29; Пг., 1917. Т. 34: 1648—1663 гг.

- КБЧ* — Книга Большому Чертежу/Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950 (1627 г. Сп. № 396, 1330 80-х гг. XVII в.).
- Кн. прих.-расх. Синб.* — Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы 1665—1667 гг./Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. Симбирск, 1896.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- БАС* — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1954. Т. 3.
- Бурн.* — Бурнашов В. Опыт терминологического словаря. Спб., 1843. Т. 1—2.
- Даль* — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4: 1863—1866 гг.
- ДС* — Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д, 1929.
- МАС* — Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1981. Т. 1.
- МОВС* — Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
- САР* — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Спб., 1789—1794. Ч. 1—6.
- СГУ* — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Сл. 2-го отд.* — Словарь русского языка, составленный 2-м отд. Импер. Акад. наук. Спб., 1897. Т. 2, вып. 1.
- СНГТ* — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров. М., 1972. Вып. 9.
- СТРЯ* — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Фасмер* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд./Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. 1—2.
- Фасмер IV* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд./Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. 4.

Х. С. ДЖАНИБЕКОВ,
А. А. ЧЕЧЕНОВ

О ТЕМПОРАЛЬНЫХ, АСПЕКТОЛОГИЧЕСКИХ И МОДАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИНДИКАТИВА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЛАГОЛА

Главенствующая роль категории времени и наклонения глагола в функциональном аппарате языка особенно ярко проявляется в тюркских языках, где они обладают специфической весомостью [1; 2. С. 137—170; 3. С. 185—215; 4—13; 14. С. 138—163; 15; 16].

Эмпирически наблюдаемое количественное разнообразие глагольных форм как элементов системы закономерно предполагает многообразие их частных дифференциальных признаков, а в определенной мере и большую информативную нагрузку, которая складывается из сем различных порядков. Разнопорядковая информативно-семантическая оснащенность глагольных форм делает их неотъемлемым и поэтому трудно поддающимся эллипсису компонентом высказывания. Например, применительно к подсистеме прошедших времен индикатива карачаево-балкарского глагола это обстоятельство еще раз подчеркивает своеобразную сложность ряда моментов структурно-содержательного характера, из которых в данном случае на первый план выдвигаются: а) коррелятивные связи между формами, их разноплановость и разнонаправленность; б) степень категориально-семантической детализации отдельных форм и установление их взаимной детерминированности; в) различная совмещаемость предметно-рационального и модально-эмоционального в их содержании; г) различная темпоральная дистантность (отдаленность) каждой из форм прошедшего времени по отношению к настоящему (следовательно, различная близость (актуальность) их с планом настоящего, а через последний—и с планом будущего) и специфика местоположения каждой из них внутри индикативной модальности (следовательно, различная близость или отдаленность их по отношению к другим наклонениям—условному, сослагательному, желательному, побудительному); д) взаимосвязь и взаимодействие между семантико-функциональными особенностями индикативных прошедших времен глагола и структурно-семантическими свойствами соответствующих высказываний; е) синтагматическая взаимозаменяемость и функциональная синонимия прошедших времен; ж) взаимоотношение именной категории неопределенности—определенности и глагольной категории очевидности—неочевидности.

Несмотря на относительно четкую обозначенность референта, т. е. плана прошедшего как соответствующей экстралингвистической области, и кажущуюся прозрачность значений форм прошедшего времени, уже само установление их числа сопряжено со значительными трудностями. Так, например, в «Грамматике карачаево-балкарского языка»

[17] и в «Грамматике балкарского языка» [18] из всего инвентаря форм прошедшего времени индикатива отмечены три формы типа *келди*, *келгенди* и *келген эди* [19. С. 34—36], тогда как в «Грамматике карачаево-балкарского языка» [20] и в «Нормативной грамматике карачаево-балкарского языка» [21] их (форм прошедшего времени индикатива) пять—*келди*, *келгенди*, *келген эди*, *келиучю эди*, *келиб эди* [22. С. 99—108]. В «Грамматике карачаево-балкарского языка» [23] подсистема прошедших времен индикатива представлена девятью формами: *келди*, *келгенди*, *келипти*, *келген эди*, *келе эди*, *келип эди*, *келиучю эди*, *келир эди*, *кеклик эди* [10. С. 137—167].

У. Б. Алиев, выделяя три формы прошедшего времени индикатива (*келди*, *келгенди*, *келген эди*), отмечает, что «роль и значение наклонений в изучении глагола аналогичны роли и значению падежей в изучении имен существительных. Вопрос о формах времени, как и наклонений, еще не решен» [24. С. 113]. Для данного случая это замечание примечательно тем, что оно указывает на взаимообусловленность дефиниций наклонений и временных форм в их отношении к таким смежным сферам, как аспектологические или модально-семантические характеристики глагольного действия, соотносимость с объективным временем. Расхождения в количественном установлении прошедших времен индикатива карачаево-балкарского глагола отражают в общем индивидуальные различия общетюркских явлений по отдельным языкам и имеют своим результатом либо включение разнопорядковых единиц в одну подсистему, либо, наоборот, причисление однопорядковых единиц к разным подсистемам.

Так, например, образование типа *келипти* в одних работах рассматривается как сказуемость (категория лексико-синтаксического порядка), а в других—как грамматическое (морфологическое) время. При этом одни исследователи относят его к презентным формам [24. С. 113], другие—к формам прошедшего времени [25. С. 46], указывая на то, что эта форма «обозначает переход динамического действия в статику или в наличный результат, который констатируется в момент речи» [10. С. 142, 160]. И. Х. Ахматов определяет данную сказуемостную форму как «настояще-прошедшее время» [22. С. 106]. Соответственно форма прошедшего времени статива (*сен ауруб эдинг* 'ты был болен тогда') рассматривается как «прошедшее результативное время» [10. С. 160]. Презентный и претеритальный статив (*келибди*, *келиб эди*) У. Б. Алиев включил в парадигму грамматических глагольных времен карачаево-балкарского языка, исходя при этом не из принципа формообразовательной обязательности грамматического времени для любой из всех глагольных лексем, а из параллелизма темпоральной представленности статива в настоящем и в прошедшем [24. С. 114—115]. Если семантическая интерпретация личной формы *келибди*, *келиб эди* (в современном карачаево-балкарском языке она является синтактико-сказуемым образованием) как статистического результата предшествующего действия представляется убедительной, то категориальное отнесение ее к системе грамматических времен происходит согласно правилам тех тюркских языков, где однотипные формы действительно являются уже грамматическими и универсальными временами [26. С. 159; 11. С. 92; 27. С. 143; 28. С. 284—285; 14. С. 40; 29. С. 71—72 и др.]. В этом отношении наглядным примером является форма казахского языка, по уровню своей грамматизации параллельная форме на *-гэян* и репрезентирующая модальную сему неочевидности [30. С. 165; 31. С. 342; 32].

Как известно, всякое явление (единица) языка—это элемент струк-

турно-системной взаимозависимости и взаимной детерминированности, в которой оно предстает как один из противочленов оппозиции, как коррелят парадигмы в данной структуре. А структура—это целое, состоящее, в противоположность простому сочетанию частей, из взаимообусловленных явлений, каждое из которых зависит от остальных и может быть тем, чем оно есть, только в связи с ними [33. С. 5—6]. В этом смысле отсутствие единой количественной регистрации форм прошедшего времени, а также их однозначного категориального определения в карач.-балк. языке свидетельствует о дискуссионных моментах, касающихся подсистем настоящего и будущего времени. Об этом говорит, в частности, отнесение формы незаконченного прошедшего действия (типа *келе эди* 'он шел') к подсистеме презентного инвентаря [24. С. 115]. Являясь конституэнтами структурно-семантической системной целостности, формы прошедшего времени находятся в парадигматической оппозиции к выражению взаимообусловленных и взаимодействующих сем различных порядков, основные из которых—темпоральные, аспектуальные и модальные.

Основным, общим инвариантным признаком, объединяющим все формы прошедшего времени, является темпоральная сема претеритальности, выражающая отношение предшествования действия к высказыванию о нем. Степень эмпирической интенсивности данной семы различна в зависимости от взаимодействия с двумя другими семами. Особенно выпукло значение прошлого выступает у формы неочевидного прошедшего, у формы 1-го очевидного законченного и у формы давно-прошедшего очевидного законченного. У форм очевидных прошедших времен, связанных с континуитивностью действия, сема претеритальности становится менее осязаемой; более «зримо» выступают признаки очевидности и процессуальной продолженности действия, что является главной причиной квалификации прошедшего продолженного как «настоящего заглазного».

Сквозной дифференциальный признак, по которому формы прошедшего времени делятся на две группы (микросистемы),—это «очевидность—неочевидность» прошедшего действия, представляющая собой модально-стилистическую категорию коммуникативного характера и являющаяся дальнейшим развитием именной и глагольной категорий определенности—неопределенности.

Репрезентантом признака неочевидности (НОВ) является только одна форма—типа *келгенди*, которой и представлена микросистема неочевидных прошедших времен. Примеры: Ачхыч хызенде туюл эсе, бир шексиз юйде унутханбыз 'Если ключа в сумке нет, мы, конечно, забыли его дома'; Бизни сакъламай, кетиб къалгъанса ансы, биз сени излеб нек табмагъанек алайда? 'Ты, вероятно, не стал ждать нас и уехал, иначе как мы могли не найти тебя, когда столько искали?'; Сенге тубе-меген эсе, алайтын бармай, башха джарытын озгъанды сезсюз 'Если он тебя не встретил, то, безусловно, он поехал не по той дороге, а по другой'. Поэтому «прошедшее неопределенное время в соответствии со своим значением широко употребляется во всех жанрах речи как маркированный член последовательного противопоставления очевидности и неочевидности» [34. С. 274].

Признак очевидности присущ всем остальным формам прошедшего времени, т. е. форме с темпоральным аффиксом *-ды/-ди* (барды 'ходил', келди 'пришел') и формам с аналитическим формантом прошедшего времени *эди* (баргъан эди, бара эди, барыучу эди). Примеры: Былай дженгил къалай къайтдынг? 'Как тебе удалось вернуться так скоро?';

Ол заманда тюбешалмай къалгъан эдик, энди ма кердюк бир бирни. 'Тогда нам не удалось встретиться, а теперь вот увиделись'; Гитче заманыгда бир ариу **джырлай эдинг**, энгда алаймыды макъамынг? 'В детстве ты пела очень красиво, голос у тебя сейчас такой же?'; Бир-бирде хапарын эшитнучен эдим, кесин кермей эдим ансы 'Иногда слыхивал о нем, однако его самого не приходилось видеть'.

Как известно, проблема грамматического статуса категории ОВ—НОВ форм прошедших времен тюркского глагола пока еще не нашла однозначного теоретического решения [2; 35. С. 138—151; 4. С. 17—30]. Даже в тех исследованиях, где безусловно признается реальность грамматической категории ОВ—НОВ, в отношении 1-го л. делается оговорка [34. С. 274]. В большинстве случаев, когда признается наличие данной категории, в качестве репрезентантов соответствующей оппозиции даются преимущественно две формы: форма типа *келгенди*—для НОВ и форма типа *келди*—для ОВ. Остальные формы прошедшего времени обычно не привлекаются при рассмотрении данного признака, хотя дополнительная дифференцированность внутри микросистемы очевидных форм по темпоральным и аспектологическим индивидуальным особенностям—наглядное свидетельство релевантности ОВ для их категориальной семантики. Поэтому более обоснованно, на наш взгляд, считать значение ОВ—НОВ инвариантным и релевантным признаком всех форм прошедшего времени индикатива [36. С. 205—209].

С. С. Майзель отмечает, что «подобно тому как русский человек в своем грамматическом мышлении делит все предметы на два разряда—одушевленные и неодушевленные, турок делит эти предметы на определенные и неопределенные. В турецком языке категория преломляется и в склонении и в форме причастий прошедшего и будущего времени» [37. С. 59]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что в тюркских языках деление предметных понятий на определенные и неопределенные находит свое продолжение в аналогичном делении футуральных действий (ср. формы категорического (определенного) будущего и гипотетического (неопределенного) будущего) [38. С. 387; 39. С. 232—234; 14; 40. С. 184, 191; 41. С. 100], которое в сфере прошедших времен перерастает в деление действий на «очевидные» и «неочевидные». Такой тезис, опирающийся на принцип структурно-типологической детерминированности и системного единства категорий определенности—неопределенности для всех частей речи в языке, по нашему мнению, свидетельствует в пользу следующих моментов: а) лично-временные формы тюркского глагола исторически восходят к глагольным образованиям именного (причастного) типа [2. С. 140; 42. С. 11—12], для которых значение определенности—неопределенности было свойственно до значения очевидности—неочевидности; б) на базе первичной определенности—неопределенности вторичное явление (очевидность—неочевидность) получает свое развитие в той сфере лично-временных форм, где наиболее конкретная референтная область, т. е. плоскость прошлого.

Грамматическая семантика тюркского глагола, в частности карачаево-балкарского, представляет прошедшее действие как очевидное или неочевидное. Но общеобязательность грамматического семантического признака неминуемо предполагает двойственность его отношения к логико-понятийному уровню. Так, например, с точки зрения логического мышления, «неочевидность» действия противоречит «здравому смыслу», когда неочевидным представлено действие в 1-м лице, совершаемое самим говорящим [2. С. 158—159]. Напр.: Тюшер джерибизден сзубму кетгенбиз? 'Выходит, мы проехали место нашей высадки?'

В таком же противоречии находится грамматическая семантика с «логической рациональностью», когда форма очевидного прошедшего употребляется в связи с минувшими событиями: Къаллай къыйын ёмюрледен къутхарылды адам улу! 'Через какие тяжкие века прошло человечество!'; Ненча джюз джылланы кюрешди ол къарангылыкъдан чыгъаргъа 'Сколько веков боролось оно, чтобы выйти из мрака'.

Одна из особенностей грамматических (морфологических) явлений состоит в том, что, развиваясь на базе логически согласованного частного случая, они затем приобретают общезначимый характер, т. е. распространяются на «логически возможные» и «логически невозможные» случаи. Без такого охвата соответствующего класса единиц грамматическое явление не приобрело бы достаточного семантического веса. Процесс обобщенно-абстрагированного отражения языком действительности происходит активно—он предполагает в числе других и фактор активного, целенаправленного, прагматически мотивированного воздействия говорящего на реальную действительность посредством языка. Из этого следует: а) содержательной стороной языковых единиц (форм) является понятийная сфера в виде семантической системы данного языка, отражающей его структуру и являющейся относительно самостоятельным устойчивым фактором внутриязыкового порядка, обеспечивающим универсальную гибкость и функциональную синонимию языковых единиц [43]; б) отношение «действительность—логика—язык» приобретает расчлененный вид: «действительность—логика—языковая семантика—языковая форма»; в) рассматривая грамматическую семантику той или иной языковой формы, неправомерно соотносить ее непосредственно с явлениями экстралингвистической действительности, ибо грамматико-семантические признаки принадлежат не понятиям экстралингвистического порядка, а языковым единицам данного языка с обобщенным лексико-семантическим значением, выступающим носителем этих признаков; г) грамматические признаки очевидности характеризуют глагольное (языковое, лексико-семантическое, обобщенное по системе данного языка) действие и поэтому требуют трактовки на уровне языковой семантики. Общетипологические признаки ОВ—НОВ тюркского глагола присущи и глаголу карачаево-балкарского языка и разделяют прошедшие времена индикатива на два коррелятивных разряда: неочевидный и очевидный.

Если репрезентация НОВ только одной формой, а ОВ—несколькими создают в количественном отношении резкую асимметрию парадигмы, то с семантической стороны это предстает как необходимость, в которой отражаются соответствие между формой и содержанием, взаимосвязь данных признаков с другими характеристиками глагольного действия и особенности их распределения.

НОВ и ОВ связаны и взаимодействуют прежде всего с неопределенностью—определенностью, неизвестностью—известностью, неосведомленностью—осведомленностью субъекта о действии.

Признак неочевидности соотносится с неопределенностью, неизвестностью действия, неосведомленностью субъекта о нем. Эта неопределенность создается не только в отношении модально-стилистической оценки действия или предиката, но и в отношении количественно-качественной неконкретизованности и недифференцированности его сторон. Поскольку говорящий представляет действие как осуществленное за пределами его восприятия, то действие не имеет последующих индивидуальных свойств. Создается своеобразная фигуральная аналогия: коль действие само неочевидно, заглазно, то оно, кроме общей семы «невиденной» претери-

тальности, остается без дальнейших уточнений. Как отмечает К. Х. Урусбиев, «спрягаемая форма на -гъан обозначает действие, протекавшее в неопределенном прошлом. Действие может содержать различную характеристику (прерывность, непрерывность, кратность и т. д.)» [10. С. 145].

Вместе с тем признак неочевидности предполагает коннотацию большей «неосвязаемости» действия. Примечательно в этой связи указание на тот модальный неочевидный оттенок, который присущ грамматическому прошедшему времени типа айтыппын, келиппин в казахском языке, «указывающему на действие неожиданное или на действие как бы нереальное»: керюпюн 'я, оказывается, видел', айтыппыз 'как будто мы говорили' [30. С. 168]. Поэтому сема «отдаленности» при форме неочевидного прошедшего носит не темпорально-дистантный характер, а является следствием его модального признака—неочевидности. Относительно отсутствия темпорально-дистинктивных признаков неочевидного прошедшего времени в общей плоскости прошлого И. Х. Урусбиев замечает следующее: «Прошедшее неопределенное время на -гъан простирается во временном своем протяжении между двумя пунктами. Исходным пунктом обычно является неопределенное прошлое... Другой «конец» формы на -гъан направлен на плоскость настоящего времени с его центром—моментом речи. Неопределенность этих пунктов и нечеткость самого фона высказывания является предпосылкой к неопределенности формы на -гъан в отношении ее временной протяженности» [10. С. 146]. Отсюда взаимосвязь и взаимодействие неочевидности и неопределенности в значении неочевидного прошедшего можно охарактеризовать так: категория неочевидного прошедшего действия выражается одной общей формой в связи с тем, что оно неопределенно по аспектологическим характеристикам (законченность—незаконченность, предельность—непредельность, однократность—многократность и т. п.) и по темпоральной локализованности в зоне прошлого. В карачаево-балкарской лингвистике признак неочевидности—очевидности не рассматривается как релевантный фактор при категориальном противопоставлении прошедших времен. Поэтому подход к грамматической сущности неочевидного прошедшего, с одной стороны, и форм очевидных прошедших времен—с другой, основывается на учете признаков неопределенности—определенности (категоричности) [10. С. 137, 143; 45. С. 43—44; 46. С. 278; 2. С. 140; 47. С. 230, 522; 25. С. 141].

Признак ОВ совмещается и взаимодействует с определенностью и достоверностью действия. Представление последнего как очевидный, прошедший через восприятие говорящего факт предполагает в ряде случаев его известность, указание на то, что говорящий (и слушающий) предварительно осведомлен о том, что действие должно было реализоваться или ожидалось. Поэтому оно имеет оттенок непосредственного «зримого» представления, мысленного воспроизведения и меньшую степень логизирования.

Признак ОВ связан с дальнейшей дифференциацией и индивидуализацией действия в темпоральной, аспектуальной и модальной плоскостях как недавнопрошедшего или давнопрошедшего, законченного или незаконченного, реализованного или нереализованного и т. д. Эти индивидуальные дифференциальные качества очевидного действия, выраженные специальными формами, сопряжены с эмотивными оттенками: категоричностью—некатегоричностью, контактностью—дистанцированностью, усилительной или смягчающей экспрессией. Аспектологическая выясненность действия имеет подступень многократности, связанной с

идеей отвлеченно-абстрактного действия, поэтому при общей семе очевидности наибольшая индивидуализация действия очевидных прошедших времен достигается в аспектологическом плане.

1. По семе реализованность—нереализованность очевидные времена находятся в трихотомической оппозиции: а) реализованное действие выражают формы типа *келди, келген эди*; б) действие в процессе реализации представлено в формах типа *келе эди, келиучю эди*; в) действие, которое еще не реализовано, но может или должно реализоваться в плоскости прошлого, выражается формами типа *келлик эди, келир эди*. Таким образом, значение очевидности, кроме выражения «субъективной» коммуникативно-предикативной модальности, выходит и на «объективную» модальность, а именно: являясь инвариантом значения всех трех пар форм прошедшего времени, представляющих глагольное действие соответственно в трех последовательных стадиях перехода от отрицательного признака к положительному (нереализованность—реализуемость—реализованность), оно на грамматическом уровне отражает логическую модальность «действительность—возможность».

В сфере неочевидного прошедшего времени эти модальные значения совмещаются в разных аналитических разновидностях общей формы на -гъан, что достигается с помощью вспомогательного (модифицирующего) глагола *бол-* [48] 'быть, стать' (см., например, таблицу).

Модальность	Формы времени	
	Очевидные времена	Неочевидное время
Нереализованность	келлик эди келир эди	келлик болгъанды (келир болгъанды)
Реализуемость	келе эди келиучю эди	келе болгъанды келиучю болгъанды (келе тургъанды)
Реализованность	келди келген эди	келгенди

В этой связи к замечанию Н. К. Дмитриева с том, что глагол «и-» исторически связан с другим глагольным корнем «бул-», глагол «и-» выражал статическое понятие (быть, существовать), а глагол «бул-» динамическое (делаться, становиться, «изменять форму своего бытия») [2. С. 144], можно, на наш взгляд, добавить, что вспомогательный глагол «бул-» (карач.-балк. «бол-»), выступая модификантом неочевидности, оказывается с «и-» (карач.-балк. э(ди)) во вторичной (по отношению к первичной—аспектологической) модальной корреляции, что свидетельствует о его полной грамматикализации в данной дистрибуции. Как отмечает В. Н. Ярцева, «формальная роль вспомогательного глагола в сложном времени... должна пониматься не как отсутствие всякого значения в служебном глаголе, а лишь как его предельная грамматизация» [50. С. 314]. Данный факт позволяет предположить, что активная типологическая тенденция, действующая в современном караево-балкарском языке в сторону более полной и симметричной выраженности глагольных оппозиций по очевидности—неочевидности, втягивает в план выражения неочевидности вспомогательный глагол «бол-» и несколько реже—видовую аналитическую форму глагола с модифицирующим глаголом «тур-». Это подтверждает справедливость замеча-

ния Г. А. Климова о том, что «при становлении в языке некоторой грамматической категории последняя при отчетливости своей функциональной стороны характеризуется разнообразием вовлекаемых в соответствующий процесс формантивов, в то время как при отмирании грамматической категории, напротив, наряду с максимальной унифицированностью состава ее экспонентов бросается в глаза расплывчатость ее функциональной нагрузки» [51. С. 172].

2. По признаку *недавность—давность* действия очевидные времена находятся в бинарной оппозиции: а) действие, имевшее место только что, непосредственно перед высказыванием о нем, в данной речевой ситуации выражается формой *келди*, т. е. первым очевидным законченным прошедшим, б) действие, которое имело место раньше, задолго до высказывания о нем, выражается формами с темпоральным компонентом *эди*, исторически восходящими к форме первого очевидного законченного от бытийного глагола *яр-* 'быть' [49. С. 125; 52. С. 105], а в современных языках превратившегося в аналитический формант прошедшего очевидного времени и отдельных форм наклонений [11. С. 110—111]. При этом признак давности наиболее отчетливо виден при форме типа *келген эди*, так как в ней синтезированы предварительная завершенность (законченность) действия и проекция этой завершенности в план давнего прошлого.

3. По аспектологическому признаку *завершенности—незавершенности* очевидные прошедшие времена находятся в отношении «ступенчатой» оппозиции: а) первая ступень—бинарная оппозиция по аспектологической дифференцированности—недифференцированности.

Дифференцированными в отношении аспектологических характеристик являются очевидные времена реализованной и реализуемой модальности: формы типа *келди*, *келген эди*, *келе эди*, *келючю (-чен) эди*. Аспектологически недифференцированными являются очевидные формы нереализованной модальности (типа *келлик эди*, *келир эди*); б) вторая ступень—бинарная оппозиция аспектологически дифференцированных форм по законченности—незаконченности действия. Признак законченности присущ очевидным прошедшим с семантикой реализованного действия; признак незаконченности (продолженности процесса) характеризует формы с семантикой реализуемого действия—типа *келе эди*, *келючю эди*. Следовательно, аспектологическая дифференцированность, со своей стороны, подтверждает большую определенность реализуемых действий, в то время как нереализованное, футуральное действие, имеющее потенциальный характер в отношении аспекта, остается неопределенным. По модально-экспрессивной окраске формы очевидного прошедшего представляют два асимметричных поляризованных разряда: а) категоричность, актуальность, следовательно, фамильярная непосредственность и усилительная экспрессия выражены в форме первого очевидного законченного прошедшего (типа *келди* 'пришел вот только что', *кердюк* 'увидели вот только что'); б) некатегоричность, дистантность, «пройденность», нисходящая экспрессия присущи очевидным прошедшим временам с формантом «эди». Таким образом, в пределах семантической системы очевидных прошедших времен карачаево-балкарского глагола возрастание или, наоборот, убывание эмоционально-экспрессивной окраски действия связаны в первую очередь с темпоральной дифференцированностью очевидных форм, в частности с их давностью или недавностью по отношению к настоящему времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку: Элм, 1968.
- ² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- ³ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947. Т. 1: Фонетика и морфология.
- ⁴ Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
- ⁵ Ахундов А. А. Категория времени глагола: На материале азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1958.
- ⁶ Зайнуллин М. В. Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963.
- ⁷ Гришко Т. П. Прошедшее время в русском и казахском языках: Дис. ... канд. филол. наук, Алма-Ата, 1963.
- ⁸ Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963.
- ⁹ Монгуш Д. А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.
- ¹⁰ Урусбиев И. Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
- ¹¹ Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
- ¹² Алланазаров О. Прошедшее время в современном туркменском литературном языке. Ашхабад: Ылым, 1975.
- ¹³ Агазаде Н. Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1967.
- ¹⁴ Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976.
- ¹⁵ Убайдуллаев К. Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Нукус, 1978.
- ¹⁶ Кормичин И. В. Системы времен глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984 и др.
- ¹⁷ Байрамкулов А. И. Грамматика карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1958.
- ¹⁸ Алиев У. Б. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1958.
- ¹⁹ См. также: Алиев У. Б. Главные члены предложения карачаево-балкарского языка и средства их выражения//В кн.: В помощь учителю балкарской школы. Нальчик, 1962. Вып. 4.
- ²⁰ Байрамкулов А. М., Урусбиев И. Х. Грамматика карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1970.
- ²¹ Нормативная грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1966.
- ²² См.: Ахматов И. Х. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- ²³ Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 1976.
- ²⁴ Алиев У. Б. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка//В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку: Элм, 1968.
- ²⁵ Урусбиев И. Х. Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке//Там же.
- ²⁶ Джапаров А. Главные члены предложения в современном киргизском языке. Фрунзе, 1964.
- ²⁷ Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк. Ташкент, 1969.
- ²⁸ Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
- ²⁹ Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
- ³⁰ Турсунов Д. и др. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967.
- ³¹ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962.
- ³² Серебренников Б. А. О происхождении прошедшего времени типа алгапмын и алыпмын в казахском языке//В кн.: Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1960. Вып. 3.
- ³³ Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. М.: Высш. шк., 1977.
- ³⁴ Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- ³⁵ Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
- ³⁶ Зайнуллин М. В. К вопросу о классификации форм прошедшего времени глаголов изъявительного наклонения в современном башкирском языке//В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.
- ³⁷ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.

- ³⁸ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961.
- ³⁹ Современный татарский литературный язык: Лексикология. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1969.
- ⁴⁰ Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964.
- ⁴¹ Грунина Э. А. О форме настоящего-будущего на -(а) в тюркских языках//В кн.: Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976.
- ⁴² Баскаков Н. А. Категория времени и наклонения в тюркских языках//В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения в тюркских языках. Баку: Элм, 1968.
- ⁴³ Ср.: «Следует помнить, что мы воспринимаем факты такими, какими нам их дает язык» [44. С. 76].
- ⁴⁴ Вандриес П. С. Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- ⁴⁵ Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке//В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку: Элм, 1968.
- ⁴⁶ Ср.: Мирза А. Казем-бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1946.
- ⁴⁷ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого языка. М.; Л., 1956.
- ⁴⁸ В некоторых тюркских языках аналитические разновидности неочевидного прошедшего развились в самостоятельные формы со специфическими категориальными значениями и особенными стилистическими коннотациями (см., напр.: [39. С. 275—279; 34. С. 272—278; 49. С. 11, 199, 242].
- ⁴⁹ Юдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965.
- ⁵⁰ Ярцева В. Н. О вспомогательных глаголах в английском языке//В кн.: Памяти академика Л. В. Шербы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.
- ⁵¹ Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983.
- ⁵² Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981.

С. И. АНДРОСОВА

**СУБСТИТУЦИЯ ГЛАСНЫХ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Приступая к характеристике русских заимствований в якутском языке с точки зрения фонетики, следует отметить в первую очередь отсутствие принципиальных различий между усвоением интернационализмов, с одной стороны, и всей массы остальных собственно русских заимствований—с другой. Наблюдения над многочисленными фактами фонетической адаптации русских заимствований в якутском языке и интернационализмов, в частности, показывают, что первичная этимологическая принадлежность слова и способ его проникновения в русский язык (устный или письменный) при дальнейшем заимствовании оказывались несущественными: строгое действие фонетических законов (в данном случае законов фонетической субституции) одинаково распространяется на всю систему языка. Поэтому в данном сообщении мы сочли целесообразным обратиться к обширному материалу всей заимствованной из русского языка лексики (естественно, закономерности, описанные нами, в равной степени распространяются и на слова интернационального происхождения).

Фонетическое освоение русских заимствований в якутском языке впервые было рассмотрено в известном труде О. Беглингга—первого исследователя языка якутов [1]. Приведя определенное количество русских заимствований, он установил основные правила подчинения русского слова нормам якутской фонетики: сингармонизация, замена русских согласных, отсутствующих в якутском языке, соответствующими якутскими звуками [2].

Первую самостоятельную работу по русизмам в якутском языке написал А. М. Кулаковский [4] (статья его вышла в 1930 г.). Автор приводит словарь, включающий в себя около 2 400 слов дореволюционных заимствований из русского языка, а также «правила, по которым иностранные слова переделываются на якутский лад» [4. С. 321]. Правила в целом верно передают законы фонетической субституции русского слова в якутском языке, а именно закон гармонии гласных, передачи консонантных сочетаний, протезы, ассимиляцию и геминацию согласных. Что касается орфографии, то здесь Кулаковский придерживался фонетического принципа, и написание многих заимствованных слов, предложенное им, в настоящее время признано нормативным (например: *абыычай* 'обычай', *аарка* 'арка', *аанньал* 'ангел', *аламаас* 'алмаз' и др.).

Заимствования этого же периода были зафиксированы в словаре Э. Пекарского [5], который особенно ценен тем, что слова в нем при-

ведены в нескольких возможных фонетических вариантах. Отдельные замечания по фонетике русских заимствований содержатся также в работах Л. Н. Харитонова [6] и других, хотя посвящены они в основном тематической классификации заимствованной лексики и ее семантическому освоению.

Отдельную монографию фонетике русских заимствований в якутском языке посвятил Н. Д. Дьячковский [3]. При определении правил субституции основным фактором ученый считает позиционные изменения в произношении русских слов. Так, например, указывая, что в зависимости от гармонии положения русский ударный *a* субституируется как *э*, Н. Д. Дьячковский причину этого видит в особой, продвинутой вперед артикуляции ([ä] или [ã]) русского *a* в позиции после палатального согласного и подкрепляет свой вывод данными экспериментального анализа. Однако, как нам представляется, *a* передается как *ээ* под влиянием внутрискриптурных факторов самого якутского языка (гармонии гласных в зависимости от качества начального согласного в слове), поэтому субститут *ээ* может появляться и на месте русского ударного *a*, не предшествующего палатальным согласным, например: *биригээдэ* 'бригада'. Несмотря на признание Н. Д. Дьячковского, что «якуты воспринимают русские слова сквозь призму фонологической системы своего родного языка» [3. С. 25], такой подход (предпочтение методов экспериментального анализа и, следовательно, фонетики, а не фонологии) свойствен некоторым разделам его монографии, например, касающимся вокализма.

Несомненной заслугой Н. Д. Дьячковского является подробное описание субституции сочетаний согласных, а также установление диалектных и архаичных источников некоторых русских заимствований в якутском языке.

Русским заимствованиям в якутском языке посвящены две монографии П. А. Слепцова [7, 8], в которых автором характеризуются условия проникновения заимствованной лексики в якутский язык, способы заимствования и функционирования, семантического освоения русизмов. П. А. Слепцов, в целом опираясь на материалы Н. Д. Дьячковского, особое внимание уделяет истории орфографических заимствований, становлению литературной нормы и в конечном итоге—развитию якутского литературного языка [8].

Фонетические системы якутского и русского языков обнаруживают известное сходство в области артикуляционной базы и относительной близости инвентаря фонем (в области консонантизма). Хотя произнесение русского слова и его пофонемный «пересчет» на якутский язык являются для якута несложной задачей, тем не менее русские заимствования в якутском языке подвергаются значительным фонетическим преобразованиям. Объясняется это, в первую очередь, принципиально различной фонетической организацией слова в русском и якутском языках.

Как известно, для структуры якутского языка характерно явление особой сочетаемости звуков в слове, называемое сингармонизмом. Сингармонизм основывается на гармонии гласных двух типов: лабиальной и палатальной. По закону палатальной гармонии гласных в слове могут быть гласные только палатального или только велярного ряда, например: *сахa* 'якут', *сахa-лар* (мн. ч.); *дьиэ* 'дом', *дьиэлэр* (мн. ч.). Согласно лабиальной гармонии нелабиализованные гласные могут следовать только за лабиализованными, но не наоборот, т. е. в слове могут быть либо одни лабиализованные гласные, либо нелабиализованные, либо лаби-

ализованные, а за ними нелабиализованные: *олор-буттара* «они сидели», *көрбүттэрэ* «они видели» [9]. При этом «вокалический состав первичной или производной, но омертвелой основы выступает в современном якутском языке как незыблемый исконный комплекс, а состав аффиксальных гласных определяется гласным последнего слога корня» [11. С. 50]. Постоянным признаком аффиксального гласного является лишь высота подъема, а по признакам ряда и лабиализованности аффиксы имеют четыре сингармонических варианта, например: верхний подъем—показатель аккузатива (для гласных основ) *-ны/-ни/-ну/-нү*, нижний—показатель принадлежности третьего лица (для гласных основ) *-та/-тэ/-то/-тө* [12].

Наличие в якутском языке последовательной лабиальной и палатальной гармонии гласных является основным фактором, изменяющим фонетический облик заимствованных слов.

Другой существенной чертой якутской фонетики является строго фиксированное экспираторное ударение на последнем слоге. Это явление почти не знает исключений (подробнее см.: [11. С. 53—54]). Вот почему для передачи русского разноместного ударения в якутском языке избирается другое средство—русские ударные гласные передаются как долгие. Это происходит потому, что ударение в якутском языке является довольно слабым. Во всяком случае; оно гораздо слабее русского [13. С. 21] и не создает возможности для появления редуцированных гласных, хотя и вызывает некоторое ослабление артикуляции безударных гласных, особенно *и* в первом предударном слоге [13. С. 25; 11. С. 53]. В якутском языке по сравнению с русским гласные произносятся более четко, а русские редуцированные гласные субституируются якутскими гласными полного образования. Иначе говоря, для фонетической субституции русского слова в якутском языке различие между полными и редуцированными гласными в языке-источнике несущественно—выбор якутского субститута зависит лишь от высоты подъема соответствующего русского гласного и сингармонической окраски слова.

При передаче русских безударных гласных в якутском языке происходит ориентация в первую очередь на их фонологическую значимость, а не на фонетическую сущность. Так, например, согласно так называемой «старшей» произносительной норме русского языка в позиции после мягкого согласного в безударном слоге, кроме первого предударного, происходит нейтрализация фонем (*а*), (*о*), (*э*) и (*и*), которые реализуются звуком верхнего подъема [*и*] (см. напр.: [14. С. 153—154]). Однако в якутском языке субституции подвергаются четыре названные фонемы, а не их фонетическая реализация *и*: (*а*), (*э*), (*о*) субституируются как гласные нижнего подъема (*бэрэмээт* «перемет», *прэсэдээтэл* «председатель»), а (*и*)—как гласный верхнего подъема (*дьинэмийт* «динамит»).

Наконец, якутская фонетическая система принципиально отличается от русской по своим фонотактическим закономерностям. В русском языке возможности сочетания согласных очень велики (ограничения касаются в основном случаев ассимиляции по звонкости—глухости, твердости—мягкости и др.), тогда как в якутском, как и во многих тюркских языках, сочетание трех согласных недопустимо вообще, а сочетание двух согласных допускается только в определенных случаях. При этом особые ограничения налагаются на начальную и конечную позиции, в которых сочетания согласных не встречаются; исключения составляют лишь несколько сочетаний типа сонорный + глухой смычный, характерные для ауслата ограниченного количества слов. В анлауте не встре-

чаются согласные *p, й, ш, б*, в ауслауте—*ч (с)*, звонкие шумные (см.: [11. С. 75—85]). Поэтому для передачи русских сочетаний согласных в якутском языке используются специальные средства: протеза, эпентеза, эпитеза, выпадение согласного (см. ниже).

Принципиальные структурные различия в фонетических системах якутского и русского языков приводят к существенному изменению фонетического облика русского слова при его освоении якутским. Н. Д. Дьячковский и П. А. Слепцов, исследуя вопрос о фонетической субституции русских слов в якутском языке, адекватно определили субституты русских гласных в зависимом и независимом от гармонии положении, однако сам принцип, по которому происходит выбор одного из сингармонических вариантов, остался не совсем понятным. Так, например, у П. А. Слепцова [7. С. 74] отмечается, что ударный русский *a* замещается «независимым» (?) якутским *ээ*, «если звук *a* выступает после мягкого согласного перед твердым или между двумя мягкими согласными». С другой стороны, по мнению того же автора [7. С. 75—76], «зависимым» субститутом ударного русского *a* является все тот же *ээ*, появляющийся «под влиянием субститутов предшествующих передних *и, э*». В такой формулировке различие между «независимыми» и «зависимыми» субститутами, а также условия появления сингармонического палатального варианта *ээ* оказываются неясными. Перед нами—двойное использование одного и того же фонетического явления. Аналогичным образом описываются субституты практически всех гласных. Разнообразие возможных субститутов, описанных авторами достаточно полно, позволяет выделить общие принципы, влияющие на вокализм слова, учитывая, однако, при этом, что лабиальную и палатальную гармонию могут определять факторы различного порядка. Эти принципы, определяющие огласовку заимствованного слова, как нам представляется, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Русский ударный гласный замещается в якутском языке долгим гласным или дифтонгом. Для гласных *a, ы, и* и *э* исключением является ауслаутная позиция, где долгий гласный или дифтонг, субституирующий эти русские гласные (*aa, ыа, ээ, иэ, ыы, ии*), выступать не может. В этих случаях русский ударный гласный замещается соответствующим кратким ударным гласным якутского языка *a* или *э, и, ы*.

2. Определение палатальности—велярности слова происходит в зависимости от палатальности—велярности первого согласного русского прототипа. Наша формулировка несколько отличается от формулировки П. А. Слепцова, согласно которой особую роль в гармонизации заимствованных слов играют гласные *и* и *э* первого слога, поскольку они редуцируются меньше всего и сохраняют свои основные качества [7. С. 86], а следовательно, по силе могут быть приравнены к ударным гласным.

Не только *и* и *э*, но и другие гласные первого слога (*о, а*), стоящие после палатального согласного, придают слову палатальную окраску (точнее, ее определяет качество согласного).

В большинстве случаев, если русское слово начинается с согласного, гармонизация по палатальности происходит по первому слогу русского слова; его ударность—безударность при этом никакой роли не играют. Например: *баартыйа* 'партия', *буочар* 'почерк', *куортук* 'кортик', *малыыппа* 'молитва', *хаппытаал* 'капитал', *хо уол* 'козел', *табылысса* 'таблица', *сыап* 'цепь', *хоруолук* 'кролик', *хаачар* 'катер', *ньочобуо* 'ничего', *мунуутэ* 'минута', *мөһөөк* 'мешок', *бинтиэкэ* 'винтовка', *үдүүмкэ* 'рюмка', *бириигэбэр* 'приговор', *бөтүүк* 'петух', *кириэһилэ* 'кресло', *мөл-*

лүйүүн 'миллион', *ньиэрпэ* 'нерпа', *тээтэ* 'тятя', *сиэркилэ* 'зеркало', *сэнээт* 'сенат', *түөһэ* 'тезка' и т. д.

На огласовку влияет первый согласный, непосредственно предшествующий гласному, и потому, если слово начинается с сочетания согласных, первый из которых является велярным, учитывается только качество последнего согласного в сочетании: *билээгэ* 'фляга', *былаах* 'флаг', *эмтиэкэ* 'аптека' и др.

В случае, когда русское слово начинается с гласного, выбор сингармонического варианта по палатальности в якутском слове зависит от палатальности—велярности согласного второго слога русского слова. Например: *испизскэ* 'известка', *эбиэт* 'обед', *эппиэт* 'ответ', *эбисийээнэ* 'обезьяна', *эбэрээт* 'обряд', *остуорууа* 'история', *өрүүл* 'орел', *өтүүк* 'утюг', *эбээһинэс* 'обязанность' и др.

Это правило, естественно, имеет исключения, однако их количество незначительно (по нашему приблизительному подсчету, в списке дореволюционных заимствований, приведенном П. А. Слепцовым [7. С. 177—191], около 70 слов из 1 300 изложенному правилу не подчиняются).

Исключениями являются следующие случаи:

а) палатальные согласные русского языка *ч*, *й* в якутском воспринимаются как велярные, и потому гармония гласных в соответствующем якутском слове часто происходит по велярному ряду: *чыскы* 'тиски', *чыын* 'чин', *чыыстай* 'чистый', *чыһыла* 'число', *чочунаах* 'чеснок', *чааскы* 'чашка', *чугуун* 'чугун', *дьыала* 'дело', *дьокутаат* 'депутат', *дьоруой* 'герой', хотя возможны и варианты: ср.: *чаай* ~ *чээй* 'чай'. Следует отметить, что данное правило не является абсолютным, и в зависимости от вокализма первого слога в словах с *ч*, *дь* возможна гармония гласных по палатальному ряду: *чэрибинчэ* 'червонцы', *чэппиэр* 'четверг', *дьишкэй* 'дикий', *дьишбэ* 'диво', *дьээдьэ* 'дядя' и др.;

б) если слова с приставками *на*, *за*, *по* в первом слоге корня содержат палатальный согласный, то огласовка идет по палатальной линии (*пэмшилэй* 'помилуй', *сэбиэркэ* 'завертка', *нэһилиэнньэ* 'население', *нэлишкэ* 'наливка', *бэрээдэк* 'порядок', *бохулүөпкэ* 'похлебка' и т. д.), хотя бывают и отклонения, такие, например, как *намыаска* 'навеска', *ноһуом* 'назём';

в) особый случай представляют собой слова, имеющие в анлауте *к*, *х*. В якутском языке эти согласные позиционно дифференцированы: *х* встречается только перед широкими велярными гласными *а*, *аа*, *о*, *оо*, а *к*—перед остальными. Поскольку при субституции русских слов в якутском языке важнейшим фактором является качество анлаутного согласного, а согласный *к* воспринимается как «палатальный», то наличие в русском источнике заимствованного анлаутного *к* вызывает палатальную огласовку якутского слова. Чаще всего это происходит тогда, когда во втором слоге также присутствует палатальный согласный: *көнньүөс* 'конец', *көлүөһэ* 'колесо', *көлүөнэ* 'колени', *көлүдүөр* 'коридор', *көмүлүөк* 'камелек', *кэппиэйкэ* 'копейка', *кэмитиэт* 'комитет', *көбүөр* 'ковер' и т. д., но это условие не является обязательным, ср.: *көсөлүөк* 'кошелек', *көлөппүнэ* 'конопля'.

Обратное правило, впрочем, не действует: в словах, начинающихся с согласного *х'*, предшествующего гласному переднего ряда, огласовка происходит по палатальному ряду, а *х'* переходит в *к*: *киитэрэй* 'хитрый';

г) ударные гласные не подчиняются лабиальной гармонии (в отличие от палатальной), но именно они определяют лабиальную огласовку всего слова в целом, причем очень последовательно: все предупредительные являются только лабиализованными (если ударными гласными русско-

го слова выступают *y* или *o*) или только нелабиализованными (в остальных случаях), а субституция заударных гласных ориентирована только на русский прототип. Например: *бабаарына* 'поварня', *былабадаат* 'благодарать', *баппыска* 'подписка', *асыыпка* 'ошибка', *барабыай* 'воробей', *бинчиэстэр* 'винчестер', *богороодьусса* 'богородица', *бөрөбүөт* 'перевод', *борохулуу* 'барахло', *бурустууппунньук* 'преступник', *устурууксуйа* 'инструкция', *көсөлүөк* 'кошелек' и т. д. Исключения (когда ассимиляция по лабиальности происходит не по ударному, а по первому гласному в слове) составляют всего несколько слов: *үгээр* 'угар', *духуу* 'духи', *хапыыста* 'капуста' и некоторые другие. Существует также довольно значительная группа слов, имеющих в первом слоге *и*, которое определяет нелабиальную огласовку слова, в том числе и ударного гласного: *бинтиэпкэ* 'винтовка', *эрэмизэн* 'ремонт', *эрэсиңкэ* 'решетка', *Киристиэс* 'Христос'.

По наблюдениям П. А. Слепцова, случаи нарушения лабиальной гармонии встречаются иногда в именах собственных [7. С. 73]: *Бахуомап* 'Пахомов', *Испиддуон* 'Спиридон', *Кулакуоскай* 'Кулаковский' и др.

Таким образом, в якутском языке при заимствовании русских слов выбор палатального или велярного варианта осуществляется по принципу палатальности—велярности первого согласного в слове, а лабиализованного или нелабиализованного—в зависимости от качества ударного гласного (табл. 1).

Таблица 1.
Субституция русских ударных гласных в якутском языке

Гласный	Палатальный		Велярный	
	Инлаут, анлаут	Ауслаут	Инлаут, анлаут	Ауслаут
<i>a</i>	ээ	э	<i>aa</i>	<i>a</i>
<i>o</i>	<i>yo(өө)</i>	ө	<i>yo(oo)</i>	<i>yo</i>
<i>э</i>	<i>иэ(ээ)</i>	?	<i>ыа</i>	?
<i>и, ы</i>	<i>ии</i>	<i>и</i>	<i>ыы</i>	<i>ы</i>
<i>y</i>	<i>үү</i>	?	<i>уу</i>	?

Примечание. В скобках приведены редкие, малораспространенные субституты.

Таблица 2.
Субституция безударных гласных

Гласный	Лабиализованный		Нелабиализованный	
	Палатальный	Велярный	Палатальный	Велярный
<i>a, o, э</i>	<i>ө(y)</i>	<i>o(y)</i>	<i>э(и)</i>	<i>a(ы)</i>
<i>и, ы, y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>

Приведем примеры: **а:** *араама* 'рама', *бирикээс* 'приказ', *барча* 'парча', *истиэнэ* 'стена'; **о:** *бокуой* 'покой', *бурустүөлү* 'престол', *дорообо* 'здорово', *мөһөөк* 'мешок', *бөрүө* 'перо', *болтуо* 'пальто'; **э:** *биллэт* 'билет', *бакыет* 'пакет'; **у:** *бөтүүк* 'петух', *буулка* 'булка'; **и, ы:** *аркыыба* 'архив', *бишлэ* 'вилка', *баккы* 'портки', *быыбар* 'выбор', *бэски* 'вески'.

Как видно, «независимые» от гармонии субституты в большинстве случаев соответствуют русским гласным слова-источника. Действительно, артикуляция гласных *а, и, у, ы* в русском и якутском языках практически совпадает [13. С. 6]. Однако русские ударные *о* и *э* передаются якутскими дифтонгами, и это не случайно, так как и в русском языке они почти во всех позициях носят дифтонгический характер (см., напр.: [15. С. 82; 14. С. 12—13] и др.): [*иэ*] и [*уо*]. Кроме того, в якутском языке *о* и *э* произносятся более открыто, чем в русском [13. С. 14], и потому наибольшее артикуляционное сходство достигается за счет передачи русских ударных *э* и *о* якутскими дифтонгами *иэ* и *уо*, тем более что в якутских дифтонгах второй гласный «под влиянием предшествующего узкого гласного звучит несколько иначе (становится более передним и закрытым)» [13. С. 18].

Субституция безударных гласных зависит от гармонии гласных (по принципам, изложенным выше), а также от высоты подъема соответствующего русского гласного (в этом смысле правила субституции безударного гласного, по сути, совпадают с правилами огласовки суффиксальных морфем в исконных якутских словах—табл. 2).

Приведем примеры: **а:** *бааһына* 'пашня', *бөгүүрэ* 'фигура', *боронтуус* 'француз', *көмүлүөк* 'камелек'; **о:** *боруода* 'порода', *балаһа* 'полоса', *көлүөнэ* 'колени'; **э:** *бөтүүк* 'петух', *биэрэк* 'берег', *уопсастыба* 'общество', *сайабылыанна* 'заявление'; **и, ы:** *биричинэ* 'причина', *аармыйа* 'армия', *куопуя* 'копия', *бүтээнсийэ* 'квитанция', *луодур* 'лодырь'; **у:** *баартык* 'фартук', *укулаат* 'уклад', *кулүөмэ* 'кулема'.

При субституции безударных гласных (особенно непервого предударного слога) довольно часто наблюдаются колебания, а именно тенденция к передаче русских гласных нижнего подъема *а, о, э* якутскими гласными верхнего подъема *ы, и, у, ү*, например: *чааскы* 'чашка', *хааһы* 'каша', *ааһын* 'агент', *хочугуоруйа* 'категория'. При этом возможны дублетные формы: *бөппүрүөк* ~ *бөппөрөөк* 'поперек', *бэстилиэт* ~ *бэстэлиэт* 'пистолет', *огоруот* ~ *огуруот* 'огород'.

При фонетическом освоении русских заимствований возможна значительная вариативность [16], которая связана с тем, что подавляющее большинство носителей языка, и в первую очередь их наиболее образованная часть, находится под постоянным влиянием русского языка. Это создавало и продолжает создавать условия для возможного повторного заимствования того или иного слова. В такой ситуации реальная фонетическая форма многих слов фактически может варьироваться в широком диапазоне—от полностью адаптированной в соответствии с общими фонетическими закономерностями до того фонетического облика, который слово имеет в русском языке (т. е. до неадаптированной формы) [17].

В связи с субституцией русских гласных следует особо отметить также случаи выпадения начальных гласных верхнего подъема, вследствие чего слово приобретает консонантный анлаут: *солубуйа* 'условие', *дуобунай* 'удобный', *бырааба* 'управа', *муучастыба* 'имущество', *холубунай* 'уголовный'.

Таковы, на наш взгляд, основные принципы, по которым в якутском языке происходит субституция слов, заимствованных из русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бетлингк О. Н. О якутском языке//Учен. зап. Импер. Академии наук по первому и третьему отделению. Спб., 1853. Т. 1, вып. 4.

² Бетлингк пользовался материалами А. Я. Уваровского—чиновника Якутской канцелярии (русского по происхождению, но свободно владеющего якутским языком) [З. С. 4—6]. Бетлингку было известно, что транскрипция Уваровского несовершенна: она не различает краткие и долгие гласные, но все же он ее сохранил [1. С. 443—444]. Это относится и к орфографии русских заимствований у О. Бетлингка: *Дьокуускай* вместо *Дьокуускай* 'Якутск', *саллат* вместо *салаат* 'солдат', *баһыба* вместо *баһыба* 'спасибо', *кинэс* вместо *кинээс* 'князь', *билкэ* вместо *бишкэ* 'вилка' и др. Впрочем, аналогичное явление обнаруживается и при написании исконно якутских слов: *улу* вместо *улуу* 'великий', *сүрбэ* вместо *суурбэ* 'двадцать', что значительно затрудняет пользование материалами ученого.

³ Дьячковский Н. Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962.

⁴ Кулаковский А. Е. Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)//Науч. тр. Якутск, 1979.

⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л., 1907—1930.

⁶ Харитонов Л. Н. О влиянии русского языка на якутский язык//В сб.: Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа. Якутск, 1950.

⁷ Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке: Дореволюционный период. Якутск, 1964.

⁸ Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке: После-революционный период. М., 1975.

⁹ До недавнего времени было распространено несколько иное понимание якутского лабиального сингармонизма, при котором в слове предполагалось наличие либо только лабиализованных, либо только нелабиализованных гласных [10 и др.]. Понятно, что при таком подходе количество исключений (в том числе чисто корневых, например, *лэ* 'работа', *уйа* 'гнездо') становилось крайне велико.

¹⁰ Барашков П. П. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.

¹¹ Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. М., 1982.

¹² Такая же или аналогичная восьмичленная система вокализма свойственна большинству тюркских языков, причем, как и в якутском языке, палатальная гармония в них представлена более последовательно, чем лабиальная.

¹³ Самсонова Т. П. Сравнительная характеристика звуковой системы русского и якутского языков. Якутск, 1959.

¹⁴ Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

¹⁵ Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. М., 1959.

¹⁶ Рассматривая этот вопрос и предполагая диалектное происхождение некоторых вариантов, Слепцов приходит к выводу, что основными причинами вариативности являются различная степень фонетического освоения слов якутским языком, а также возможность варьироваться в самом якутском языке: «...взаимопереходы звуков наблюдаются везде, и ... большинство из них не имеет строгого территориального закрепления» [7. С. 98].

¹⁷ При изложении правил фонетической субституции мы пользовались несколько условными орфографическими формами, которые, за исключением специально оговоренных случаев, отражают фонетическую реальность полностью адаптированных слов и зафиксированы в старых лексикографических источниках по якутскому языку [5; 4]; современная же нормативная орфография закрепляет написания, в основном совпадающие с русскими оригиналами, и нами практически не используется.

Ф. Е. ВЕЙСАЛОВ, Р. М. ИСАЕВА

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СМЫЧНО-ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ (*b*), (*p*), (*d*) И (*t*)

1. *Постановка проблемы.* В большинстве языков мира существуют согласные фонемы, противопоставленные по звонкости—глухости. По мнению многих лингвистов, в основе этой корреляционной оппозиции лежит участие в их образовании голоса или вибрации голосовых связок [1, 2].

Такого рода мнение высказывается и в отношении азербайджанских согласных [3, 4]. Исходя из наличия и отсутствия голоса при образовании шумных согласных, А. М. Демирчизаде подразделяет их на звонкие и глухие. К первым он причисляет (*b*), (*v*), (*g*), (*γ*), (*d*), (*z*), (*ž*), (*j*), (*ǰ*), (*ž*), а ко вторым — (*q'*), (*k*), (*p*), (*s*), (*t*), (*f*), (*x*), (*h*) (*č*), (*š*), (*x'*). Как видно, в списке звонких нет соответствия глухому согласному (*h*), а в списке глухих — фонемам (*j*) и (*ǰ*), правда, рядом в скобках даны их соответствия в виде (*k'*) и (*x'*). Однако вопрос об фонематичности последних А. М. Демирчизаде не рассматривает [4. С. 68].

А. А. Ахундов также придерживается мнения о дифференциальном характере признака звонкость—глухость. «Согласные, в воспроизводстве которых участвуют голосовые связки, называются звонкими, а образованные без голосовых связок называются глухими» [3. С. 171].

Вместе с тем при описании консонантизма азербайджановеды единодушно отмечают, что в определенных позициях различие по звонкости—глухости сильно ослабевает, а в некоторых случаях нейтрализуется и выступает только в глухом качестве. В этой связи интересно привести следующие слова А. А. Ахундова: «В начале слов (*b*) и (*d*) произносятся с некоторым оглушением, оно проявляет себя в фазе смычки, т. е. смычка оглушается, а взрыв озвончается» [3. С. 179—180]. В конце односложных слов, пишет далее автор, (*b*) и (*d*) оглушаются, а в конце многосложных слов выступают как (*p*) и (*t*).

Следует отметить, что в теоретическом плане, говоря о фонетической субстанции, ученые различают полувзвонкие и полновзвонкие согласные, которые имеют место, в частности, и в азербайджанском языке. Последние характеризуются тем, что голос звучит на всем протяжении согласного. При этом согласный может быть в начале звонким, а в конце — глухим, или наоборот [1. С. 122].

Что касается фонематичности, то теоретически противопоставление полувзвонких согласных глухим, с одной стороны, и полновзвонким — с другой, вполне возможно. Однако «последний случай (т. е. противопоставление полувзвонких полновзвонким) как будто до сих пор не зарегистри-

стрирован ни в одном из описанных языков. Первый же довольно широко известен» [1. С. 122].

В зарубежном языкознании также часто высказывается сомнение в фонематичности признака звонкости и глухости. Так, например, французские лингвисты М. Г. Страка, А. Мартине, Б. Мальмберг и другие склонны отдать предпочтение в образовании звонких согласных такому акустическому корреляту, как сила артикуляции [5—7]. А. Мартине утверждает, что звонкость должна рассматриваться вместе с силой артикуляции, так как она сама по себе не может быть определяющим фактором [6. С. 51].

Известный исследователь П. Делатр на материале синтезированной речи приходит к выводу, что при конструировании звонких согласных кроме голоса существенное значение имеют интенсивность взрыва, длительность выдержки соседнего гласного и характеристики переходного участка гласного [8]. Такой же точки зрения придерживается датский ученый Эли-Фишер-Йергенсен, которой удалось при помощи спектрального анализа установить следующие закономерности: интенсивность и длительность выдержки у так называемых звонких согласных слабее и короче, чем у соответствующих глухих согласных; далее, длительность гласных в соседстве с (*b, d, g*), а также и долгота *l* переходного участка у них больше, чем у (*p, t, q*) [9].

Таким образом, акустическая природа смычно-взрывных согласных азербайджанского языка и выявление фонологической значимости признака звонкости и глухости должны быть тщательно изучены и пересмотрены в свете последних достижений экспериментально-фонетических исследований.

2. *Материал и методика исследований.* Для выяснения вопроса об акустической природе фонологической оппозиции согласных пар (*b—p*), (*d—t*) в азербайджанском языке был проведен эксперимент. Необходимость его обуславливается прежде всего тем, что он позволяет выяснить, какой из акустических параметров выступает в качестве дифференциального признака согласных фонем (*b—p*), (*d—t*). Кроме того, этот эксперимент может послужить основанием для сопоставительного рассмотрения согласных азербайджанского и соответствующих согласных изучаемых в республике языков, что очень важно для построения теории конфронтативной и контрастивной лингвистики. В этом же заинтересована и практика обучения неродному языку в азербайджанской аудитории.

Материалом для настоящего исследования послужили спектрограммы и осциллограммы [10] односложных слов азербайджанского языка, наговоренных двумя дикторами — носителями этого языка — со скоростью движения пленки 19 мм/с (рис. 1), на основе которых был построен график (рис. 2) и составлена таблица, которые используются в работе в качестве иллюстративного материала.

Средняя длительность, мс

Согласный	фазы взрыва согласных в превокальной позиции		Согласный	гласного, следующего за согласными	
	1-й диктор	2-й диктор		1-й диктор	2-й диктор
(<i>b</i>)	6	7	(<i>b</i>)	132	118
(<i>p</i>)	22	15	(<i>p</i>)	103	90
(<i>d</i>)	18	11	(<i>d</i>)	134	139
(<i>t</i>)	36	26	(<i>t</i>)	93	100

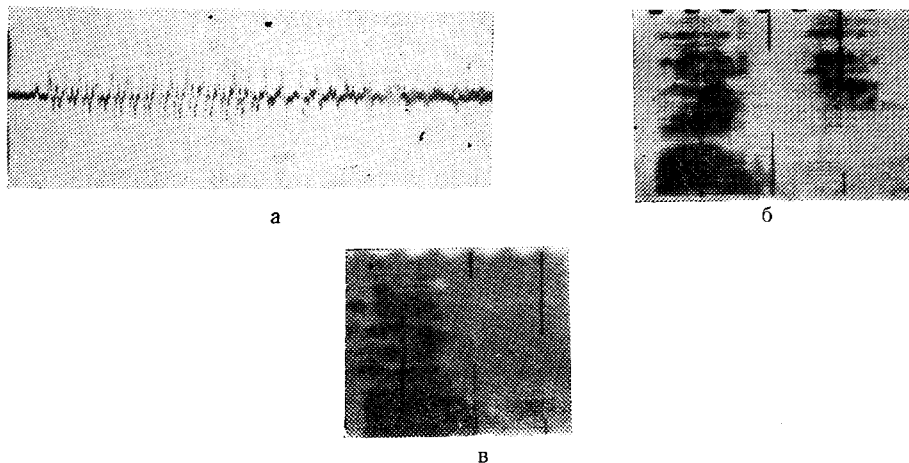

Рис. 1. Слова: а — бир; б — пак; в — таб

Для анализа были взяты сочетания ГС, СГС и СГСС, поскольку известно, что фонемы в зависимости от различных позиционно-комбинаторных условий (место в слове и реализации в соседстве с различными по качеству фонемами) изменяют свои акустико-артикуляторные характеристики.

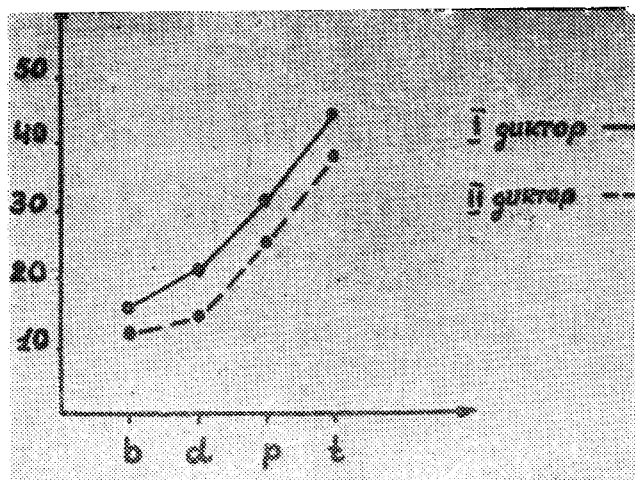

Рис. 2. Средняя длительность согласных

3. *Результаты исследования.* Целью нашей работы было выяснение следующих вопросов: 1. Какова степень участия голоса в образовании изучаемых согласных? 2. Какова интенсивность взрыва у этих согласных? 3. Какова длительность соседних гласных?

В сочетании СГ и СГС у согласных (*p*) и (*t*) в превокальной позиции основной тон не обнаруживается. Согласные в этой позиции характеризуются взрывом при глухой смычке, которая на спектрограмме соответствует нулю. Вслед за акустическим нулем следует взрыв, представленный незначительным количеством высокочастотных шумовых составляющих и отражающий интенсивность этих глухих согласных (рис. 1). Интенсивность глухих смычно-взрывных согласных, под которой подра-

зумеваются степень затемненности на спектре, зависит от качества как самого согласного, так и соседнего гласного. Если следующий за ними гласный широкий, то интенсивность слабее, если узкий — то сильнее (рис. 3). Из рисунка видно, что их интенсивность перед (*й*) заметно сильнее, чем перед другими гласными. В то же время взрыв билабиального (*p*) слабее, чем у лабиодентального (*t*). В этой позиции согласные (*p*) и (*t*) выступают в своем аффрицированном варианте (рис. 3).

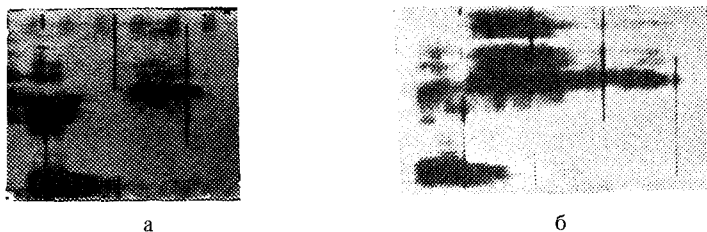

Рис. 3. Слова: а — тук; б — пушк

В противоположность описанному, на спектрограммах согласных (*b*) и (*d*) основной тон отсутствует, наблюдаются только слишком короткие и трудноопределяемые взрывы (рис. 4). Из этого можно сделать вывод, что в азербайджанском языке в абсолютном начале односложных слов в превокальной позиции звонкие смычно-взрывные согласные (*b*) и (*d*) по признаку участия голоса не выделяются.

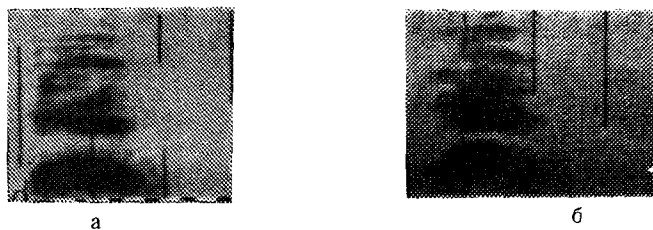

Рис. 4. Слова: а — дэб; б — бэд

Анализ количественных характеристик сегментов в названных сочетаниях показывает, что меньшую, чем протяженность следующих за ними гласных, длительность имеют не только согласные, но и фаза взрыва (таблица).

Интересно отметить, что глухие согласные по двум параметрам (средней длительности и длительности фазы взрыва) намного превышают соответствующие звонкие, в то время как по длительности гласных, следующих за согласными, звонкие имеют большие показатели (рис. 2). Причем в этой позиции длительность и интенсивность согласных (*b*) и (*d*) варьируют в зависимости и от качества следующего гласного (рис. 2, 5): перед узкими длительность согласных меньше, а перед широкими — больше (рис. 4, 5).

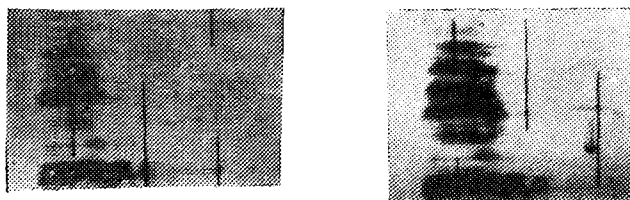

Рис. 5. Слова: а — бит; б — диб

Таким образом, судя по акустическим свойствам смычно-взрывных согласных, в абсолютном конце в поствокальной позиции для различения так называемых звонких и глухих согласных используется совокупность признаков, материально выраженных в незначительном участии голоса, в характере взрыва и в соотношении длительности предыдущего гласного и согласного. При этом в рассмотренных позициях существенными признаками являются длительность и интенсивность взрыва, длительность предыдущего гласного и открытой фазы (рис. 6).

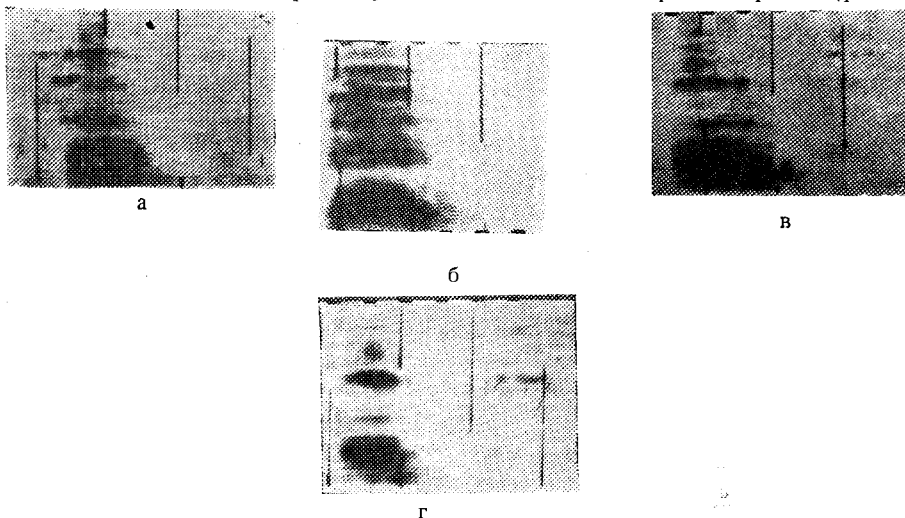

Рис. 6. Слова: а — *тап*; б — *тэб*; в — *ад*; г — *ат*

Из анализа также следует, что в азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные (*b*) и (*d*) противопоставляются соответствующим глухим согласным (*p*) и (*t*) не по участию голоса, а по интенсивности и длительности.

(*b*) и (*d*) в модели СГСС, т. е. в сочетании с согласными в середине слов, имеют различную спектральную картину. Так, например, на их спектрограммах в случае комбинации со звонкими основной тон присутствует, тогда как в соседстве с глухими он не обнаруживается. В спектре имеется только шумовой участок, что и сближает эти согласные с глухими (рис. 7).

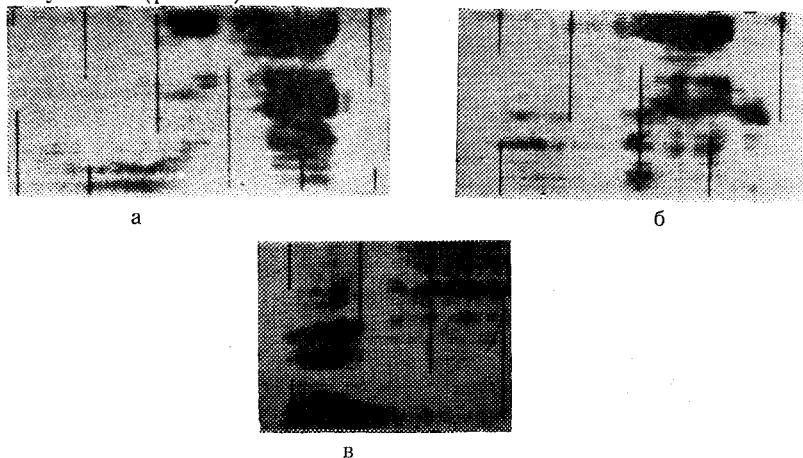

Рис. 7. Слова: а — *нэбс*; б — *нэбз*; в — *гудс*

В абсолютном конце в сочетании не только с глухими, но и со звонкими и сонантами на спектрограммах и осциллограммах (*b*) и (*d*) основной тон не наблюдается (рис. 8).

В результате анализа экспериментального материала можно прийти к следующим выводам:

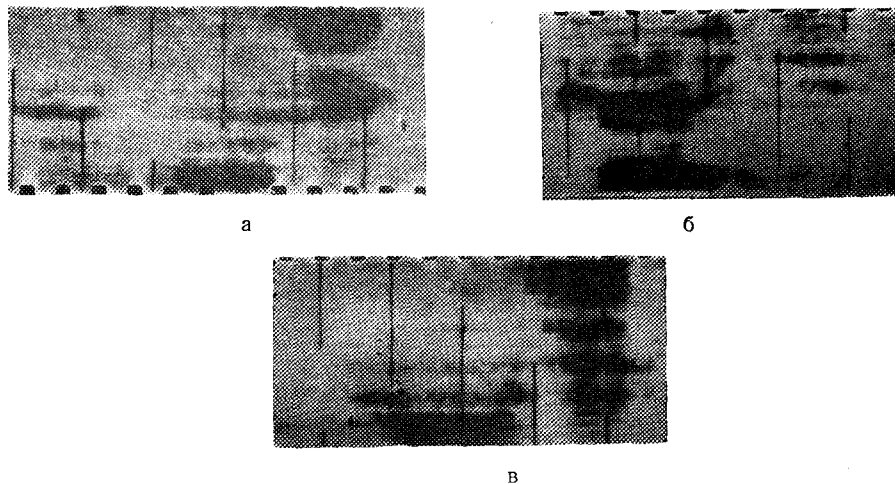

Рис. 8. Слова: а—*гəsd*; б — *күрд*; в — *күрт*

1. Интенсивность и длительность смычно-взрывных согласных зависят от качества как самого согласного, так и соседнего гласного;
2. В азербайджанском языке в абсолютном начале односложных слов в превокальной позиции звонкие смычно-взрывные согласные по признаку участия голоса не выделяются;
3. Длительность фазы взрыва и самого звонкого согласного короче, чем у соответствующих глухих согласных;
4. Гласные, следующие за звонкими согласными, обладают большей длительностью, чем те же гласные, следующие за глухими;
5. В азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные (*b*) и (*d*) противопоставляются соответствующим глухим согласным (*p*) и (*t*) не по участию голоса, а по интенсивности и длительности;
6. В комбинации с глухими и сонантами (*b*) и (*d*) не употребляются.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
- ² Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.
- ³ Ахундов А. А. Азәрбајҹан дилинин фонемләр системи. Бақы, 1973.
- ⁴ Дəмирҹизадə Ə. Мүасир Азәрбајҹан дили. Бақы, 1972.
- ⁵ Malmberg B. Le système consonnantique du français moderne. Leipzig, 1976.
- ⁶ Martinet A. Role de la correlation dans la phonologie diachronique//Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1936. Т. 6.
- ⁷ Straka G. La division des sons du langage en voyelle et en consonnes peut-elle être justifiée? Strasbourg, 1963.
- ⁸ Delattre P. Les indices acoustiques de la parole//Studies in French and comparative phonetics. London—Paris, 1968. № 18.
- ⁹ Eli-Fischer-Jorgensen. *p, t, k* et *b, d, g* français en position intervocalique accentuée. Copenhagen, 1968.

¹⁰ Подробно о методике записи и расшифровки экспериментального материала см.: [11—13].

¹¹ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.

¹² Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. Л., 1977.

¹³ Ф. Я. Вейсалов. Алман дилинин фонетикасы. Баку, 1980.

R E S U M E

F. Y. Veysalov, R. M. Isayeva.

An acoustic characteristic of Aserbaijaniian explosives.

This research covers the problem of acoustic properties of Aserbaijaniian explosive consonants in the stream of speech.

The results of spectrographic analysis show that for distinguishing voiced-voiceless explosives number of acoustic parameters are used.

Ч. М. ГУСЕЙНЗАДЕ

О ДВУХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ АНТРОПОФОРМАНТАХ

Как показывают древнетюркские антропонимы, зафиксированные в средневековых арабских памятниках, наиболее активными формантами, участвующими в образовании древнетюркских антропонимов, являются аффиксы *-ža/-žä, -ž, -žug/-žük/-žyg/-žik*. Например: سنقرجة (Sungurža), قراچه (Qaraža), اقچه (Agža), كوكچه (Kökža), بغراج (Buğraž), بكچ (Bäkaž), طمغاج (Tamğaž), ارسلانچق (Arslanžug), كنداچه (Kündažug) и др.

Аффикс *-ža, -žä* в тюркских языках имеет ласкательно-уменьшительное значение и, по мнению большинства исследователей, выступая как антропоформант, придает антропониму эмоционально-экспрессивную окраску. Однако, изучая современный именник большинства тюркских народов, без каких-либо сомнений можно утверждать, что антропоформант *-ža, -žä* в тех тюркских языках, где он используется, только первоначально выполнял субъективно-оценочную функцию, придавая именам ласкательно-уменьшительное значение. Со временем этот аффикс утратил функцию образования деминутивных имен и превратился в антропообразующий формант. «Для тюркских антропонимических систем,— пишет В. У. Махпиров,—характерно наличие большого количества официально принятых личных имен, в которых аффиксы уменьшительности слились с именами, и данные антропонимы уже не воспринимаются как деминутивные формы» [1. С. 38].

Как нам кажется, данные тюркской антропонимии средневековых арабских источников позволяют несколько глубже рассмотреть вопрос о функциональной значимости данного антропоформанта в тюркской антропонимической системе. Известно, что подавляющее большинство референтов, привлеченных к исследованию антропонимов, были историческими личностями и принадлежали к высшему сословию. В основном это были правители и наместники, полководцы и политики. Не составляют исключения и референты личных имен с антропоформантом *-ža, -žä*. В таком случае возникает вопрос, могли ли люди, принадлежащие к правящим кругам и завоевавшие на полях сражений славу крупных полководцев, носить официальные ласкательно-уменьшительные имена *سنقرجة (Sungurža), قراچه (Qaraža), اقچه (Agža), كوكچه (Kökža)*

и т. д. с довольно-таки прозрачной семантикой «маленький сокол», «черненький» или «крупненький», «беленький» или «белоликий» и др. Если даже предположить, что эти имена им были даны в детстве, то в зрелом

возрасте они должны были иметь другие имена—согласно действующей в тюркской антропонимической системе традиции существования детского и взрослого имени. Посему попасть в историю своим детским именем они никак не могли.

В свете вышеизложенного считаем вправе поставить второй вопрос. Действительно ли аффикс *-ġa, -ġä*, даже если он утратил деминутивную функцию как антропоформант, первоначально выражал ласкательно-уменьшительное значение? Попытаемся ответить на этот вопрос, основываясь на данные некоторых тюркских языков. Как известно, в тюркских языках наряду с уменьшительным аффиксом *-ġa, -ġä* употребляется и наречный аффикс *-ġa, -ġä* со значением сравнения (ср.: азерб. *бој-ча* 'по росту', тат. *русча* 'по-русски', тур. *türk-çe* 'по-турецки', каз. *адам-ча* 'по-человечески', узб. *боллар-ча* 'по-детски').

Кроме того, в тувинском языке сохранился аффикс древнетюркского направительного падежа *-ġa*. О происхождении наречного аффикса *-ġa, -ġe* существуют различные предположения. По мнению некоторых тюркологов, в том числе Кастрена, Бетлингга, Радлова, Дмитриева, аффикс *-ġa* исторически восходит к служебному слову *ġag* 'момент, пора, мера' [2. С. 8]. В отличие от них, А. М. Щербак наречный аффикс *-ġa* связывает с прилагательным *ġaglġ* 'подобный' [3. С. 108].

Б. А. Серебренников предпринял неубедительную, по его же словам, попытку отождествить этот аффикс с аффиксом направительного падежа.

Однако вскоре, отказавшись от этой гипотезы, он предлагает новую: «Наречный аффикс *-ġa*, вероятнее всего, связан с аффиксом *-ġa*, имеющим в тюркских языках уменьшительное значение. У имен прилагательных этот аффикс выражает ослабленную степень качества. ср. кирг. *ак-ча* 'беловатый' от *ак* 'белый', тур. *esmer-çe* 'смугловатый' от *esmer* 'смуглый', казах. *кара-ша* 'черноватый' от *кара* 'черный' и т. д. [2. С. 8].

Сравнивая наречный аффикс *-ġa* на этот раз уже с уменьшительным аффиксом *-ġa*, Б. А. Серебренников приходит к заключению, что «сравнение чаще всего предполагает неполное приблизительное сходство, поэтому первоначально как средство сравнения мог быть использован уменьшительный аффикс, например: *адам-ча*—перв. 'похоже на человека', 'наподобие человека' > 'по-человечески' и т. д.» [2. С. 9].

Наблюдения над тюркскими антропонимами средневековых арабских памятников наводят на мысль, что антропоформант \leftarrow (*-ġa*), образующий такие личные имена, как *Sungurġa, Qaraġa, Agġa, Kökġa* и т. п., восходит не к уменьшительному аффиксу, а к наречному аффиксу *-ġa, -ġe* со значением сравнения. Если даже учесть, что наречный аффикс связан с уменьшительным аффиксом, как указывает Б. А. Серебренников, и что, возможно, оба аффикса восходят к единому корню, а дифференциация значений уменьшения и сравнения произошла позднее, то использование указанного аффикса как антропообразующего форманта, по нашему мнению, предшествует данному явлению, т. е. дифференциации значений аффикса.

Отметим также, что, по мнению Э. В. Севортыяна, аффикс *-ча* в азербайджанском языке «образует прилагательные с уподобительно-уменьшительным значением, выражая в то же время ослабленность признака, его неполноту» [4. С. 112]. При этом автор отмечает, что «исторически рассматриваемая форма в огузских и других языках могла также передавать значения сравнительной степени прилагательных во флективных языках» [4. С. 114]. Как видим, Э. В. Севортыян также указывает на наличие значений уподобления и сравнения в аффиксе *-ча*.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что если тюркской антропонимической системе не свойственны аугментативные, пейоративные и даже гипокористические имена, то и деминутивные имена, в принципе, ей чужды. Появление в последнее время в тюркских языках качественных имен есть результат прямого влияния других антропонимических систем, и в первую очередь—русской. Понятие же сравнения, именованного по подобию было и до сих пор остается одним из основных мотивов в имитаторстве всех тюркских народов.

Антропоформант ج (≠ǰ) исследователями также определяется как специфический показатель деминутива. При этом обычно ссылаются на Махмуда Кашгарни, который сопроводил антропоним следующим переводом-толкованием:

بكج—لقب للتكاوين، يقال منه «بكج ارسلان تكين» هذه
اللفظة اذا ذكرت بالكاف الركيكة يكون المعنى «يا امير» و هو
تصغير امير. يكون عطا و تحمنا. لان قواهم «بك» الامير.

«Прозвище тегинов, им называют 'Бекадж Арслан Тегина'. Если это слово отмечается со слабым «каф», то оно имеет значение 'яа эмир', что является уменьшительным [от] эмира, выражает благосклонность и нежность. Потому их обращение 'бек' [означает] эмир».

Однако Э. В. Севортян, относя -ч к древнейшим аффиксам уменьшительности, отмечает, что «аффикс -ч образовал производные не только с уменьшительным, но и с увеличительным значением. К существительным на -ч ~ -ч относятся в азербайджанском и некоторых других языках следующие производные: азерб. *анач* 'большой', 'матерый' от *ана* 'мать'—аффикс -ч имеет в примере увеличительное значение, ср. у Махмуда Кашгарского атаç 'büyüklük gösteren çocuk'» [4. С. 169].

Н. З. Гаджиева и Б. А. Серебренников в аффиксе -ç отмечают значение склонности к чему-либо: «В непосредственном генетическом родстве с указанным аффиксом находится широко распространенный в тюркских языках аффикс -çy (-çi), обозначающий профессию.

Есть основание утверждать, что значение профессии у этого аффикса не было первоначальным. Он мог бы выражать и привычку, склонность к чему-либо: ср.: азерб. *инад-чы* 'упрямец', *биябыр-чы* 'скандальный'. Сюда же, по-видимому, относится и вариант этого аффикса -ç, ср. туркменские прилагательные типа *гысган-ч* 'жадный'» [5. С. 3—4].

В средневековых арабских письменных памятниках аффикс -ǰ как антропоформант отмечен в составе следующих антропонимов:

بغراج (Buğaç), طمغاج (Tamğaç), بكج (Bëcağ), كنداج (Kundağ).

Эти личные имена нами также не рассматриваются как деминутивные. Имя *بغراج* (Buğaç), например, могло иметь ту же предысторию, что и имя *Buğaç* в «Китаби Деде Коркуд»: ... bir buğa öldürmiş seniñ oğluñ, adı Buğaç olsun, adın ben virdüm, yaşın Allah virsün didi '... твой сын убил быка, пусть будет имя его Бугач, имя ему дал я, а годы пусть даст аллах' [6. С. 83]. Почему-то антропоним *Buğaç* повсеместно этимологизируется как 'Бычок'. Э. В. Севортян среди примеров образований с уменьшительным аффиксом -ч ~ -ч приводит и личное имя *Бугач* в значении 'Бычок' [4. С. 170].

Нам кажется, что давать имя Бычок подростку, который победил быка, по крайней мере, не логично. Учитывая то, что аффикс -ç, как было указано выше, выражает значение привычки, склонности к чему-либо, антропоним *Buğaç* следует этимологизировать как 'победивший бы-

ка; умеющий побеждать быка'; ср.: азерб. *гысгамч* 'ревнивый, имеющий привычку ревновать'; *данлач* 'привыкший к упреку' и др.

Небезынтересно отметить, что наряду с быком в тюркском мире и верблюд считался тем животным, с которым должен был сражаться древний тюрк для демонстрации своей силы и мужества. Именно поэтому образование антропонима *Вуґаž* в средневековых арабских письменных памятниках мы склонны идентифицировать с образованием антропонима *Вуґас* в тюркском эпосе: *بغراج* (*Вуґаž*) 'победивший верблюда', 'умеющий побеждать верблюда', 'имеющий привычку побеждать верблюда', а не принимать в качестве 'верблюжонка'.

Антропоним *طمعاج* (*Тамґаž*) состоит из антропоосновы *طمعا* (*tamґa*) 'печать', 'штамп', 'клеймо' и антропоформанта *ج* (-ž). Если антропоформант -ž считать уменьшительным аффиксом, то это личное имя должно иметь значение 'маленькая печать', 'маленький штамп', 'маленькое клеймо' и т. п. Мы полагаем, что антропоним с подобной семантикой не типичен для тюркской антропонимической системы. Здесь нам видится связь его с аффиксами -č, -čy(či), выражающими значение профессии, привычки, склонности. Личное имя *Тамґаž* могло иметь значение 'носитель печати', 'ставящий печать' и т. д.

Антропоформант *جق* (-žyґ, -žyґ) в арабских источниках отмечен в составе таких антропонимов, как (*Arslanžyґ*), (*Вуґаžyґ*), (*Kündanžyґ*) и др.

«Производные с аффиксом -чыг в уменьшительно-ласкательном значении,—указывает Э. В. Севортян,—принадлежат к продуктивной части отыменных имен и известны во всех языках юго-западной группы, а также в башкирском, татарском, чувашском, якутском, казахском и других языках» [4. С. 98]. Основное значение данного аффикса в современных тюркских языках многими авторами определяется как уменьшительное.

Однако с уменьшительным значением производных на -чыг переплетается, а нередко и вытесняет его, субъективно-эмоциональное значение расположения, симпатии и сочувствия, выражаемое говорящим лицом [4. С. 107].

Кроме аффикса уменьшительности -чыг, в азербайджанском и в других тюркских языках имеется аффикс -чаг, -чаг, с помощью которого образовалось некоторое количество существительных и прилагательных. Существительные в основном имеют значения, дифференцирующиеся в зависимости от основ. При этом от именных основ образуются производные со значением средства приспособления, от глагольных, как правило,—производные со значением орудия-средства. Однако в ряде тюркских языков, в том числе в юго-западных, сохранились отглагольные, частично отыменные производные с аффиксом -чыг/-чыг/-чик/-чик/-чуг/-чуг/-чүк/-чүк с теми же значениями, что и -чаг [4. С. 188]. Такие примеры можно найти как в современных тюркских языках (азерб. *мунчуг* 'бусы', *эмчик* 'сосок'; узб. *япинчук* 'покрывало', хакас. *хончыг* 'сосед' и др.), так и в словаре Махмуда Кашгари: *ögçük* 'коса' (I. 103); *sügçük* 'ночное собрание' (II. 478); *tonçuk* 'бисер' (I. 476); *balçig* 'грязь' (I. 129, 235).

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что антропоформанты (-žyґ, -žyґ) в личных именах *بغراج* (*Вуґаžyґ*), *ارسلانجق* (*Arslanžyґ*) и других могут быть как уменьшительным аффиксом, образующим деминутивные имена, так и аффиксом, придающим антропонимам субъективно-эмоциональное значение расположения, симпатии

и сочувствия. Не исключается и значение склонности или способности к определенному действию.

По нашему мнению, антропонимы *Arslanžug*, *Buğražug*, *Kündažug* и другие, как и отмеченные выше, в образовании которых участвуют антропоформанты *جه* (-žä, -žä), *ج* (-ž), не являются деминутивными именами. Антропоформант *جو* (-žug) в этих именах, вероятнее всего, выражает значение расположения или симпатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Махпиров В. У.* Структурно-функциональное развитие антропонимических формантов в тюркских языках//Сов. тюркология. 1985. № 4.
2. *Серебрянников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков//Сов. тюркология. 1974. № 6.
3. *Шербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1952.
4. *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
5. *Гаджиева Н. З., Серебрянников Б. А.* Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках//Сов. тюркология. 1974. № 1.
6. *Ergin M.* Dede Korkut kitabı. Ankara, 1958. I.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

А. М. ЩЕРБАК

К ИЗУЧЕНИЮ СТАРОТЮРКСКОЙ И ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (ОБЗОР РАБОТ ТУРХАНА ГАНДЖЕИ)

Область научных интересов Т. Ганджеи [1]—классическая староузбекская, старотурецкая, староазербайджанская и персидско-таджикская литература. Им издан ряд литературных памятников с переводами и комментариями, написано несколько работ о стихосложении, о взаимовлиянии разных литератур и языков. Все, что сделал Т. Ганджеи, представляет интерес для советских ученых, работающих в указанной области. К сожалению, работы Т. Ганджеи мало известны его советским коллегам, и именно это обстоятельство побудило нас подготовить специальный обзор [2].

Одна из первых работ Т. Ганджеи—перевод на персидский язык произведения Нава'и «Мухакамат ал-лугатайн» [4]. Вслед за ней является статья о тюркских стихах Те'сира [6. С. 117—128]—азербайджанского поэта, родившегося в 1060/1655 г. в Исфахане и умершего в 1129/1717 г. Те'сиром был составлен диван из касыд, газелей и кыт'а и написано несколько произведений в форме двустиший на персидском языке. (Те'сир писал также стихи по-тюркски. Некоторые из них приводятся в конце статьи).

Статья Т. Ганджеи, посвященная персидскому дивану Нава'и [7. С. 145—154] содержит перечень и краткую характеристику списков: тегеранского (Mağlis-i Sûrâ-yi Millî, № 1035) и двух стамбульских (Biblioteca Nuru Osmaniye, № 38504; Türk ve İslâm Eserleri Müzesi, № 1952). В статье воспроизведено предисловие к дивану, написанное самим Нава'и.

Интересна и важна по своему содержанию статья Т. Ганджеи о прозаическом сочинении Хусайна Байкара [8. С. 157—183; 9], относящемся к жанру мемуарно-описательной литературы (в указанном сочинении дается характеристика Джами, Нава'и и других поэтов и приводятся сведения о различных сторонах жизни средневекового Хорасана). В нее включены текст сочинения Хусайна Байкара, написанный на староузбекском языке, и его перевод.

В статье о метрике поэмы Шаййада Хамзы «Юсуф у Зулайха» [11. С. 204—208] внимание автора сосредоточено на рассмотрении причины расхождений Т. Ковальского и М. Ф. Кёпрюлю по вопросу о характере размеров первых поэтических подражаний персидской литературе в Анатолии. По мнению Т. Ковальского, первые подражания, например «Рабаб-наме» Султан Валада, были написаны размерами тюркского силлабического стихосложения, по мнению М. Ф. Кёпрюлю,—размерами 'аруза. Исследуя поэму «Юсуф у Зулайха», Т. Ганджеи обнаружи-

вает смешение размеров 'аруза (рамаля, раджаза, мутакариба, хазаджа, хафифа) и силлабического стихосложения, отмечает изменение размера при переходе не только от стиха к стиху, но и в пределах одного и того же стиха, и приходит к следующему выводу: Шаййад Хамза имел намерение пользоваться тем же размером, что и Джалал ад-Дин Руми, т. е. рамалем, однако он не ощущал ритмического различия между размерами 'аруза, не вполне чувствовал его ритм и, естественно, не мог избежать влияния размеров силлабического стихосложения. Он не случайно обратился к одиннадцатисложнику, так как последний является общим для всех упомянутых выше размеров 'аруза и силлабических размеров. Этим и объясняется наличие противоречивых суждений о метрике ранних поэтических текстов, написанных в Анатолии.

В статье имеется краткая справка о рукописи поэмы «Юсуф у Зулайха» (сохранился единственный список, относящийся к 952/1546 г.; 1529 стихов) и ее издания (факсимиле, текст, введение и глоссарий изданы в 1946 г. в Стамбуле Д. Дилчином).

Следующая статья [12. С. 142—156] является в определенном смысле продолжением предыдущей. Т. Ганджеи пишет, что Ф. Корш выделял в тексте надписи в честь Кюль-тегина небольшой отрывок, который он рассматривал как образец исконно тюркского семисложника (*bunča bitig bitigmä* и т. д.). Мысль о наличии в орхоно-енисейских надписях поэтических фрагментов с энтузиазмом воспринял М. Ф. Кёпрюлю. Однако позднее, возможно, под влиянием Т. Ковальского, призывавшего к осторожности в этом вопросе, он отверг ее. Точка зрения самого Т. Ганджеи такова, что орхоно-енисейские надписи—это не стихи и что в данном случае мы вправе говорить лишь о присутствии ритмических элементов в возвышенной прозе. Он анализирует разные тексты: рунические, уйгурские, манихейские, обращается к дивану Махмуда Кашгари, к «Кутадгу билиг», «Атабат ал-хака'ик», «Кодекс куманикус» и другим памятникам. Так, например, в сутре «Алтун ярук» Т. Ганджеи обнаруживает стихи с исконными тюркскими размерами. Особенно подробно освещается вопрос о характере размеров в стихах и поговорках дивана Махмуда Кашгари. В некоторых из них наблюдается правильная последовательность кратких и долгих слогов—по типу 'аруза. Все же в целом они не выходят за пределы исконно тюркского силлабического стихосложения [13]. Силлабические размеры получили широкое распространение в более поздней литературе мистического содержания, что можно объяснить влиянием Ахмада Ясави. Они встречаются также в «Деде Коркуд». Первое тюркское поэтическое произведение, написанное размером 'аруза,—«Кутадгу билиг».

Конечным итогом проведенных разысканий является заявление о том, что основные черты доисламского и не связанного с арабо-персидским 'арузом раннеисламского стихосложения вполне согласуются с теми характерными признаками поэтического творчества тюркских народов, которые были названы Т. Ковальским. Имеются в виду: 1) силлабо-тоническая метрика, 2) строфическая композиция, 3) рифма, 4) аллитерация. Что касается ударения, то оно, по мнению Т. Ганджеи, будучи естественным следствием постоянной цезуры, имело для строя стиха лишь второстепенное значение. Первоначальная собственно тюркская рифма—консонантная.

Одна из наиболее крупных работ Т. Ганджеи—публикация «Мухаббат-наме». Первая часть ее, к которой приложено факсимиле уйгурского списка из Британского музея (Ог. 8193), состоит из введения, транскрипции и критического аппарата [15. С. 131—161], вторая— из

введения и перевода текста на итальянский язык [16. С. 135—166]. Третья часть представляет собой словарь тюркских слов, встречающихся в поэме [17. С. 91—102]. Краткую характеристику и оценку издания Т. Ганджеи дал Дж. Клосон [18. С. 241—255]. Подчеркивая его достоинства, последний указывает также на ряд недостатков, из которых один следует отметить особо: л. 181 г фактически является факсимильным воспроизведением л. 170 г рукописи, а лл. 170 в, 181 г не воспроизведены вообще.

Т. Ганджеи, как и другие издатели «Мухаббат-наме», не ставил перед собой цель восстановить оригинальный текст поэмы, тем не менее он сделал решающий шаг в этом направлении, объявив арабский список идентичным оригиналу и положив его в основу своего издания.

В серии публикаций текстов значительное место занимает также издание дивана Шах Исма'ила (Хата'и)—основателя династии Сефевидов в Иране, активного проповедника шиизма (1486—1524) [19].

Хата'и—автор поэтических произведений, написанных почти исключительно на староазербайджанском языке: «Насихат-наме», «Ашик ва ма'шук» и др. [20. С. 1008а, 1009а].

При подготовке дивана к изданию Т. Ганджеи пользовался пятью рукописями: двумя из Британского музея, одной из библиотеки Ватикана и одной из частного собрания В. Минорского.

Изданный Т. Ганджеи диван включает в себя 259 поэтических произведений, большинство из которых (254)—касыды и газели, располагающиеся в традиционной последовательности: в алфавитном порядке рифм. Каждому из них предпосланы схема и название размера. В конце имеется индекс размеров (преобладают рамаль и хазадж).

Как указывает А. Зайончковский, рецензировавший издание Т. Ганджеи и давший ему высокую оценку, в диване Хата'и обнаруживаются факты, имеющие важное значение для истории азербайджанского языка [21. С. 133].

Небольшая статья, относящаяся к этому же периоду, содержит описание тюркских и монгольских слов в персидской поэзии эпохи ильханов (XIII—XIV вв.) [22. С. 229—231]. Т. Ганджеи отмечает, что уже при Саманидах у персидских поэтов встречаются слова, заимствованные из тюркских языков, например, у Рудаки: *bäcküm* 'навес', 'галерея', *kič* 'маленький', *kirišmä* (ст.-узб. *karašma*) 'кокетливый'; у Абу Шакура: *köl* 'озеро'; у Амара: *jalyu* 'кубок', и что в последующий период, период правления Газневидов и Сельджукидов, приток тюркских слов в персидский язык увеличивается. После монгольского нашествия в персидский язык проникает и ряд монгольских слов. Далее, приводятся примеры использования в персидских стихах тюркских и монгольских слов в эпоху ильханов: *al* 'красный', 'алый', *alyn* 'лоб', *amraq* 'друг', 'возлюбленный', *äsän* 'здоровый', *bäläk* 'подарок', *börk* 'шапка', *öläñ* 'лужайка', *qonçur* 'каштановый', *taçar* 'торба' и т. д.

Изучение тюркизмов и монголизмов в персидском языке Т. Ганджеи относит к числу актуальных задач будущего, подчеркивая, что специальные работы в этой области, по существу, отсутствуют [23].

Особого внимания заслуживает заметка о неизвестном поэтическом произведении Хайдара, написанном уйгурскими буквами [26. С. 64—69].

Воспроизводя сообщение Нава'и в «Маджалис ан-нафа'ис» о том, что придворным поэтом у Тимурида Искандар ибн 'Омар Шайх Мирзы—правителя Фарса и Исфахана (1409—1414 гг.)—был Мавлана Хайдар, писавший по-тюркски (туркигуй), Т. Ганджеи напоминает далее, что до нас дошли уйгурский и арабские списки поэмы «Махзан ал-асрар», на-

писанной Хайдаром для упомянутого выше правителя, причем тем же размером, что и одноименное произведение Низами, которому Хайдар подражал. Стих Хайдара, цитируемый Нава'и в «Маджалис ан-нафа'ис», есть в тексте «Махзан ал-асрар», и это не оставляет сомнений относительно того, что Хайдар, о котором пишет Нава'и, и был автором «Махзан ал-асрар».

Поэма «Махзан ал-асрар» давно известна специалистам, и отрывки из нее (по венскому списку) были опубликованы впервые еще в 1857 г. И. Н. Березиным [27. С. 273—287]. В следующем году текст венской рукописи был опубликован полностью [28; 29]. Позднее А. Паве де Куртея опубликовал некоторые отрывки из другого списка «Махзан ал-асрар» в виде приложения к изданию текста «Ми'радж-наме» [30. С. 63—95].

Т. Ганджеи специально останавливается на тех спорах, которые велись вокруг личности автора «Махзан ал-асрар». По мнению А. Паве де Куртея, автором являлся Хайдари Маджзуб, которого Алишер Нава'и знал в детстве. Поскольку на одном из двух списков «Махзан ал-асрар», находящихся в Британском музее, имеется титул «Хайдари Тилбабинг маснависи», Ч. Рье, учитывая близость значений слов тилба и маджзуб, подтвердил правильность идентификации А. Паве де Куртея [31. С. 286, 287]. Эту идентификацию принял и В. Перч. Однако против нее выступил Э. Блоше, полагая, что она неприемлема с исторической точки зрения. М. Ф. Кёпрюлю поддержал Э. Блоше и высказал мысль о том, что автором «Махзан ал-асрар» был Хайдар Хоразми, которого Нава'и в «Мухакамат ал-лугатайн» называет одним из своих предшественников в сочинении тюркских стихов [32. С. 58]. Критически относясь к предположению М. Ф. Кёпрюлю, Т. Ганджеи считает, что в «Мухакамат ал-лугатайн» слово «Хоразми» — позднейшая приписка и что в рукописи опущен «вав»: в оригинале должно быть «Хайдар ва Хоразми». Последний, как известно, был автором «Мухаббат-наме». Итак, в данном случае речь может идти об одном Хайдаре, и мнение А. Паве де Куртея остается непоколебленным.

Следующая часть заметки — описание касыды Хайдара с восхвалением Искандар ибн 'Омар Шайх Мирзы, написанной уйгурскими буквами и обнаруженной Т. Ганджеи в Тегеране [33]. Приводится текст в транскрипции и факсимиле. Рукопись состоит из трех листов, последний лист утерян. Весьма вероятно, что список составил Мирза Джа'бар Табризи Байсунгури около 850/1447 г. В антологию касыда включена как образец каллиграфического искусства. Она имеет классическую форму, т. е. состоит из трех частей (насиба, гуриз-гана и мадха). Поэт часто прибегает к риторическому приему лафф-у нашр и пользуется аллитерацией.

Специальный экскурс посвящен вопросу использования уйгурского письма. Как известно, во время правления Шахруха некоторые религиозные и художественные тексты были переписаны уйгурскими буквами: «Кутадгу билиг», «'Атабат ал-хака'ик», «Ми'радж-наме», «Тазкират ал-авлия», «Бахтияр-наме», поэтические произведения таких поэтов, как Саккаки, Лутфи, и др. Переписывание производилось в Герате, Самарканде и Иезде в 1432—1442 гг. [34]. Эти копии не предназначались для практических целей, о чем свидетельствует наличие подстрочных и надстрочных знаков, передающих необычные арабские буквы, а также междустрочной арабской транслитерации (например, в составленном в 1480 г. в Стамбуле списке «'Атабат ал-хака'ик»).

Использование уйгурского письма подробно освещается также в

другой статье, опубликованной двумя годами позже [35. С. 161—164]. Т. Ганджеи приводит даты составления уйгурских списков:

835/1431 г. — «Сирадж ал-кулуб», «Масала китабы», «Мухаббат-наме» (переписывал Мансур бахши в Йезде);

838/1435 г. — «Бахтияр-наме» (переписывал Мансур бахши);

840/1436 г. — «Ми'радж-наме», «Тазкират ал-авлия» (переписывал Малик бахши в Герате);

843/1439 г. — «Кутадгу билиг» (переписывал Кора Са'ил Шамс в Герате);

848/1444 г. — «'Атабат ал-хака'ик» (переписывал Зайн ал-Абидин бахши в Самарканде).

Отдельные тексты копировались в более позднее время, например, поэма «Латафат-наме», написанная Ходжанди в подражание «Мухаббат-наме» предположительно в конце XIV—начале XV в. Примечательно, что Нава'и в «Маджалис ан-нафа'ис» не говорит о Ходжанди ни слова, а авторство «Латафат-наме» приписывает Сиди Ахмад Мирзе—автору «Та'ашшук-наме».

В 1970 г. Т. Ганджеи издал полный текст «Латафат-наме» с фотокопией уйгурского списка [36. С. 345—368].

В настоящее время известны следующие списки «Латафат-наме»: а) кабульский (библиотека Кабульского музея, 10. [17], с. 746—760, написан уйгурскими буквами в 893/1488 г. в Йезде); б) стамбульский (Национальная Библиотека, арабские рукописи, 86, стр. 179 и поля на стр. 180—194, написан арабскими буквами); в) стамбульский (там же, Manzum kis'm, 1221, поздняя копия предыдущего списка); г) лондонский (Британский музей, Add. 7914, с. 142—157, написан арабскими буквами в 914/1509 г. в Герате).

В кабульском списке—313 двестиший, в стамбульском—311, в лондонском—323. Последний скопирован с уйгурского и обнаруживает большое количество естественных для такого рода копирования искажений. Кроме того, в лондонском списке 21 двестишие из первого наме повторяется в десятом. Издание осуществлено по кабульскому списку с указанием расхождений по стамбульской рукописи.

Т. Ганджеи считает кабульский список завершающим традицию использования уйгурского письма для копирования религиозных и художественных произведений в Средней Азии и высказывает предположение, что он был составлен по поручению Амир Джалал ад-Дина Чакама, являвшегося продолжительное время правителем Йезда [35. С. 164].

В статье «Навруз-наме и тюркская поговорка» [37. С. 235—237] дается краткий обзор рукописей и изданий трактата о наврузе и обсуждается вопрос об авторе этого сочинения.

Первый исследователь «Навруз-наме», описавший берлинскую рукопись, не колеблясь, назвал ее автором 'Омар Хайяма, очевидно, по той причине, что он упомянут в предисловии, и из-за наличия во многих местах сходств с его четверостишиями. В. Минорский, который указал на второй список «Навруз-наме», находящийся в Британском музее (Add. 23568, лл. 86v—101v), был склонен считать автором трактата одного из учеников 'Омар Хайяма. Т. Ганджеи, разделяющий мнение В. Минорского, называет автором «Навруз-наме» 'Алиб Мухаммад ал-Хиязи ал-Ка'ини, писавшего на арабском и персидском языках. В тексте «Навруз-наме» имеется тюркская поговорка: *at ergä anday kim kökdä aj* 'конь для мужа все равно, что луна для неба', в которую Т. Ганджеи вносит, без достаточных оснований, свои коррективы. Именно эта по-

говорка, по мнению Т. Ганджеи, служит доказательством его точки зрения относительно автора «Навруз-наме»: 'Алиб Мухаммад ал-Хиязи ал-Ка'ини был автором сочинения, прославляющего тюрок, что находится в полном соответствии с содержанием отрывка о лошадях в «Навруз-наме», где также прославляются тюрки и приведена поговорка, приписываемая легендарному предку Караханидов и Сельджукидов Афрасиабу.

В статье о рифме в классической тюркской поэзии [38. С. 75—76] разбираются суждения по этому вопросу Нава'и.

Правила рифмы для арабской поэзии впервые установил Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс. Несколько позднее была решена также проблема персидской рифмы и составлен в 421 г.х. (1030 г.) «Канз ал-кафия» — «Словарь персидских рифм», который содержит в алфавитном порядке все рифмы, встречающиеся в диванах [39. С. 135—138]. Что же касается тюркских рифм, то кодификация их долгое время не производилась, хотя Нава'и и Бабур [40. С. 156—168; 41; 42] написали специальные трактаты об 'арузе.

Все же Нава'и не был безразличен к вопросам рифмы. Так, например, цитируя в «Маджалис ал-нафа'ис» стих Ата'и, он отмечает, что рифма *oltur-ur—bol-ur* несовершенна и что Ата'и писал свои сочинения в тюркском стиле (*turkāna*), не проявляя достаточного внимания к рифме. Правда, это замечание кажется Т. Ганджеи курьезным, так как подобными рифмами нередко пользуется Лутфи, о котором Нава'и отзывался с великим почтением и которого считал единственным из своих предшественников достойным сравнения с персидскими поэтами. Причину неупоминания в данной связи Лутфи Т. Ганджеи усматривает в том, что он являлся признанным мастером и в персидской поэзии, и поэтому критика его не была бы достаточно эффективной.

В «Мухакамат ал-лугатайн» Нава'и предпринял попытку уточнить и систематизировать уже существовавшие и стихийно использовавшиеся поэтами рифмы. Вместе с тем он раскрывает дополнительные возможности рифмовки слов в тюркской поэзии, вытекающие из особенностей системы тюркских гласных: а) «известный» *wāw* (*ū*, тюрк. *u*, *ü*) рифмуется с «неизвестным» *shaw*'ом (*ō*, тюрк. *o*, *ö*), т. е. *ot—öt—ut—üt*; в) «известный» *jā* (*ī*, тюрк. *i*, *ı*) рифмуется с «неизвестным» *jā*, (*ē*, тюрк. *e*), т. е. *biz—biz—bez*; с) *alif* рифмуется с «немым» *hā*, ср.: *jada—sada—bāda(h)*. Ограниченное использование этих возможностей Т. Ганджеи объясняет тем, что лежащий в основе их принцип, строго говоря, не был ни визуальным, ни акустическим.

Среди работ Т. Ганджеи лондонского периода назовем прежде всего краткое описание рукописи тюркского дивана Нава'и из Британского музея (Ог. 3492, дата составления списка—1812 г.) [43. С. 146—151]. Почти все, собранное в диване, сопровождается переводом на персидский язык, причем в списке много ошибок как в тюркской, так и в персидской части. Есть разница в размерах Нава'и и тех, которые выбрал переводчик Са'ил. Сравнивая тюркский и персидский тексты, Т. Ганджеи дает общую характеристику подхода Са'ила к переводу.

В другой небольшой статье [44. С. 157—160] Т. Ганджеи делает несколько замечаний по поводу фрагмента ТМ 419 уйгурской рукописи, опубликованного А. Лекоком [45. С. 7]. По словам Т. Ганджеи, А. Лекок ошибочно воспринял обратную сторону (*verso*) за лицевую (*recto*), а лицевую за обратную и считал текст единым. На самом деле, фрагмент содержит два поэтических произведения, одно из которых опубли-

ковал В. Банг [46. С. 50], утверждавший, что это гимн Мани, хотя имя Мани в нем не упоминается.

Т. Ганджеи утверждает, что текст, изданный В. Бангом, не похож на другие известные манихейские гимны, называется не *baš* (*bašik*) 'гимн', а *kög* 'песня' и что автор его—определенная личность, поэт Африн Чор Тегин. В тексте можно выделить три четверостишия со строфической и отчасти междусловной аллитерацией. Рифма, в строгом смысле, отсутствует. При наличии синтаксического параллелизма строки варьируют от девяти до четырнадцати слогов, так что данное произведение представляет досиллабическую фазу тюркской поэзии, в которой строфическая аллитерация и синтаксический параллелизм, как полагает Т. Ганджеи, являлись основными элементами просодической структуры. В статье воспроизведены в транскрипции четверостишия и имеется новый перевод их.

Одна из последних статей Т. Ганджеи—о стихах Садики [47. С. 19—26].

Садики родился в 940/1533 г. в Тебризе. Во время правления Шаха Исма'ила II и Аббаса I был управляющим придворной библиотекой. В 1010/1602 г., находясь в Исфахане, Садики собрал свои сочинения и составил куллият в трех частях: «Маджма' ал-хавасс» [48], «Диван» и «Мунша'ат». Первая часть построена по типу «Маджалис ан-нафа'ис» Нава'и. В ней имеются образцы поэтических произведений на староузбекском, староазербайджанском и старотурецком языках.

В статье Т. Ганджеи приведены собственные стихи Садики, свидетельствующие о совершенном знании им всех названных выше старотюркских языков.

Свой обзор мы завершаем изложением содержания статьи [49. С. 263—266], посвященной критическому разбору одного из изданий дивана Хата'и [50]. Т. Ганджеи сомневается в принадлежности силлабических стихов, изданных С. Н. Эргуном, Хата'и, отмечает недостаточное использование им рукописного фонда и в заключение высказывает мысль, что проблема авторства произведений, приписываемых Хата'и, будет решена лишь в результате систематической проверки всех доступных материалов. По мнению Т. Ганджеи, силлабические стихи, содержащиеся в издании С. Н. Эргуна, были сочинены второстепенными поэтами из круга приверженцев секты бекташей, в среде которых Хата'и (Шах Исма'ил) был почитаем.

Ряд работ Т. Ганджеи находится в печати [51; 52]. Не исключено, что некоторые из них уже опубликованы, но у нас пока отсутствуют.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. Ганджеи (Т. Gandjei, Т. Gencei; родился в 1925 г. в Тебризе)—известный иранский ученый, длительное время занимающийся научной и преподавательской деятельностью за пределами Ирана: в Италии (1949—1953, 1956—1959 гг.), в ФРГ (1953—1956 гг.), в Англии (1959—1969 гг.). В 1969—1970 гг. Т. Ганджеи несколько месяцев находился в Иране и затем снова выехал в Англию. Сведения о пребывании Т. Ганджеи в Италии, ФРГ и Англии были любезно предоставлены нам сэром Дж. Клозоном и Г. Хазап.

² В зарубежных изданиях имеется ряд рецензий на работы Т. Ганджеи. См., например: [3. С. 231—235].

³ *Sertkaya O.* Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 1971. 19.

⁴ *Muhakamatu'l-lugatain.* Tehran, 1948. См.: [5. С. 575—577].

⁵ *Kutluk I.* [Рецензия]//Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul, 1948. 3, 3—4. Рец. на кн.: Muhakemet ül-Lugateyn, farsçaya terceme eden Turhan Gencei.

- 6 Tebrizi Te'sir'in türkçe şiirleri//Ibid. Istanbul, 1948. 3, 1—2.
- 7 Il Canzoniere persiano di 'Alī Sīr Nava'ī//Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. N. S. 1952. 4.
- 8 Uno scritto apologetico di Husain Mirzā, sultano del Khorāsān//Ibid. 1953. 5.
- 9 Текст сочинения Хусайна Байкара был издан в 1945 г. в Стамбуле. См.: [10].
- 10 *Ertaylan I. H.* Risāle-i Sultān Hüseyin Baykara. Istanbul, 1945.
- 11 Zur Metrik des Yūsuf u Zulāihā von Sayyād Hamza//Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1955. 27, 3—4.
- 12 Überblick über den vor- und frühislamischen türkischen Versbau//Der Islam, Berlin, 1957. 33, 1—2.
- 13 Иных взглядов придерживается И. В. Стеблева, считающая, что стихи в диване Махмуда Кашгари написаны размерами аруза «с большей или меньшей степенью погрешностей в них». См.: [14. С. 22].
- 14 *Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.
- 15 Il «Muhabbat-nāma» di Hōrazmī//Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. N. S. 1954—1956. 6.
- 16 Il «Muhabbat-nāma» di Hōrazmī. II. Traduzione con note introduttive//Ibid. 1957. 7.
- 17 L'«essico del «Muhabbat-nāma»//Ibid. 1958. 8.
- 18 *Clauson G.* The Muhabbat-nāma of Xwārazmī//Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1962. 7, 4.
- 19 Il Canzoniere di Sāh Ismā'īl Hafā'ī//Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli, 1959.
- 20 См.: *Minor sky V.* The Poetry of Shāh Ismā'īl I//Bull. of the School of Oriental and African Studies (University of London). London, 1942. 10, 4.
- 21 *Zajaczkowski A.* [Рецензия]//Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 1963. 27, 1. Рец. на кн.: Gandjei T. Il Canzoniere di Sāh Ismā'īl Hafā'ī.
- 22 Über die türkischen und mongolischen Elemente in der persischen Dichtung der Ilchan-Zeit//Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1958. 30, 3—4.
- 23 Т. Ганджен называет одну работу: [24. С. 1—16]. Однако вскоре после выхода в свет статьи Т. Ганджен была начата публикация многотомного капитального труда Г. Дёрфера, посвященного данной проблеме [25].
- 24 *Köprülü M. Fuad.* Yeni fariside türk unsurları//Türkiyat Mecmuası. Istanbul, 1940—1942. 7—8.
- 25 *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd. I: Mongolische Elemente im Neupersischen; 1965. Bd. II: Türkische Elemente im Neupersischen (alif bis tā); 1967. Bd. III: Türkische Elemente im Neupersischen (gim bis kāf); 1975. Bd. IV: Türkische Elemente im Neupersischen (Schluss).
- 26 Note on an Unknown Poem of Haidar in Uighur Characters//A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. L., 1962.
- 27 *Березин И. Н.* Турецкая хрестоматия. Казань, 1857. Т. 1.
- 28 مخزن الأسرار Казань, 1858.
- 29 Принято считать, что это издание было осуществлено И. Готвальдом—библиотекарем Казанского университета. Однако последний выступал, скорее, в роли цензора, чем издателя, и степень его участия в подготовительной работе в настоящее время установить невозможно.
- 30 *A. Pavet de Courteille.* Mirād-j-nāmeḥ: Publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1882.
- 31 *Rieu Ch.* Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888.
- 32 См. также: *Эркинов С.* Яна «Гул на Наврӯз»нинг муаллифи ҳақида//Ўзбек тили ва адабиёти. 1972. № 2.
- 33 Мунтахабат-и аш'ар. Imp. Library of Iran. MS. 647.
- 34 Подробно об этом см. в ст.: «The Renaissance of the Uighur Script». Сведения о ее публикации у нас нет.
- 35 Note on the Colophon of the «Latāfat-nāma» in Uighur Characters from the Kabul Museum//Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. N. S. 1964. 14.
- 36 The «Latāfat-nāma» of Khujandī//Ibid. 1970. 30, 3 (N. S. 20): 25 фотокопий.
- 37 The Nawrūz-nāma and a Turkish Proverb//Der Islam. Berlin, 1966. 42, 2—3.
- 38 Nava'ī on Rhyme in Turkish//Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 1966. 30, 1.
- 39 См.: *Levy R.* Kanz al-Qāfiyah [or al-Qawāfi] by 'Alī 'Izz al-Dīn Bahramī-yi Sarakhsi//A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962.
- 40 См.: *Щербак А. М.* Сочинение Бабуря об арузе (предварительное сообщение)// Народы Азии и Африки. 1969. № 5.
- 41 *Захириддин Муҳаммад Бобир.* Мухтасар/Нашрга тайёрловчи Саидбек Ҳасан. Тошкент, 1971.

⁴² *Zakhiriddin Muhammad Babur*. Трактат об арузе: Факсимиле рукописи/Вступ. ст. и указ. И. В. Стеблевой. М., 1972.

⁴³ *Navā'is Poems in the Persian Verse*. Translation of Sā'il//Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1969. 13, 2.

⁴⁴ *The Prosodic Structure of an Old Turkish Poem*//W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970.

⁴⁵ *Le Coq A., von. Türkische Manichaica aus Chotscho, II*//Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. Berlin, 1919.

⁴⁶ *Bang W. Manichaeische Hymnen*. Muséon. Louvain, 1925, 38 (отд. отт.).

⁴⁷ *Sādikî-i Afşar'ın Türkçe şiirleri*//Türkiyat Mecmuası. İstanbul, 1971. 16.

⁴⁸ См.: *Sadiki Kitabdar*. Macma' al-Hawass, farsçaya terceme eden Dr. Hayâmpûr. Tebriz, 1327.

⁴⁹ *Pseudo-Khatâ'î*//Iran and Islam, in memory of the late V. Minorsky. Edinburgh, 1971.

⁵⁰ См.: *Ergun S. N. Hatayı Divanı, Şah İsmail-i Safevi. Hayatı ve Nefesleri*. İstanbul, 1946.

⁵¹ *The Genesis and Definition of a Literary Composition: Dah-nāma (ten love-letters)*.

⁵² Was Muhammad al-Samarqandi a polyglot poet?

Р Е Ц Е Н З И И

ХІІІ—ХІV АСРЛАР ТУРКІЙ АДАБИЙ ЁДГОРЛИҚЛАР ТИЛИ:
МОРФОЛОГИЯ/МАСЪУЛ МУҲАРРИР УзССР ФА МУХБИР
АЪЗОСИ Э. И. ФОЗИЛОВ

ТОШКЕНТ: ФАН, 1986. 288 с.

Рецензируемая коллективная монография продолжает многолетние исследования историков языка Узбекистана и принадлежит к той новой дисциплине историко-лингвистического цикла, которая впервые была вычленена на Всесоюзном совещании «Методы и источники создания исторических грамматик тюркских языков и истории тюркских литературных языков» (Москва, февраль, 1987 г.). Это историческая грамматика литературных тюркских языков. Цель книги—осветить один из важных и весьма сложных периодов, предшествующих становлению узбекского литературного языка (отсюда и сопоставление с узбекским языком). Вместе с тем авторы книги разделяют существующее в тюркологии мнение о том, что язык исследуемых в монографии источников сыграл немаловажную роль «в формировании литературного языка таких тюркоязычных народов, как туркмены, казахи, татары» (с. 8); из этого можно сделать вывод, что собранные ими материалы могут быть использованы и для исторических грамматик соответствующих литературных языков.

Соответственно трансформировалось и заглавие книги,—это уже не «Историческая грамматика узбекского языка»¹, а «Язык тюркских литературных памятников ХІІІ—ХІV веков».

Памятники эти, происходящие с территорий Средней и Центральной Азии, Золотой Орды, мамлюкского Египта, принадлежат к разным жанрам светской и религиозной литературы, поэтическим и прозаическим, и имеют настолько заметные языковые раз-

личия², что, например, Э. Н. Наджип, исследовавший примерно тот же круг источников, считает возможным говорить о нескольких литературных языках, в них представленных³. Между тем полемика по этому принципиально важному вопросу в рецензируемой книге необъяснимо отсутствует⁴.

Авторы монографии признают, что до настоящего времени продолжают оставаться спорными некоторые вопросы, связанные с языком исследуемых памятников, в том

² См., например, в области причастий: *-ган* активно употребляется во всех исследуемых памятниках, *-ан*—только в ТФ и МН (здесь и ниже используем сокращения названий памятников, принятые в рецензируемой книге); *-мыш* активно употребляется в ТФ, ҚР, НФ, ХШ и редко—в УН, МН, СС (с. 127, 136); *«-дуқ* характерно для языка ТФ, ҚР, употребляется и в УН, НФ, ХШ, СС» (с. 132); *-дачы* широко употребляется в ТФ, встречается и в НФ (с. 141).

³ Ср. другую концепцию, согласно которой признается существование, по крайней мере, трех видов литературного языка тюркоязычного Поволжья в ХІІІ—ХІV вв.: два из них представлены, во-первых, в языке «Кыссас-ул-анбия» Рабгузи, сохраняющем в наибольшей степени хорезмско-тюркскую основу, которая граничит с более древней карахандско-уйгурской, и, во-вторых, в языке поэмы «Хосров и Ширин» Кутба, продолжающем поволжско-кыпчакскую традицию (Тенишев Э. Р. О языке поэмы Кул Гали «Кысса-и Юсуф»//Turcologica. 1986. Л., 1986. С. 274).

⁴ Здесь можно было бы отговориться разбросанностью соответствующих статей Э. Н. Наджипа по различным изданиям прошлых лет. В связи с этим заметим, что в настоящее время Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» сдала в производство сборник работ Э. Н. Наджипа «Исследования по истории тюркских языков ХІ—ХІV вв.» (20 авт. л.).

¹ Абдурахмонов Ф., Шукуров Ш. Узбек тилининг тарихий грамматикаси: Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973. Рецензируемая монография сходится с разделом «Морфология» из этой книги некоторыми анализируемыми в них источниками (а частично и своим материалом), общей схемой изложения.

числе «вопрос об их отношении к тюркоязычным народам, проживающим на этих именно территориях» (с. 3). Вместе с тем эти убеждены в том, что для правильности и объективного решения таких спорных вопросов «необходимо сначала всесторонне изучить в сравнительном плане особенности лексики, фонетики и грамматики этих сочинений» (с. 3) (отсюда—сопоставление с языком раннесредневековых памятников начиная с орхон-енисейских). Надобность специальной методики, которая обуславливается спецификой литературного языка, явствует, однако, уже из признания того, что исследуемые источники сложны в языковом отношении; по признанию авторов книги, с одной стороны, основу их языка организует традиция тюркского литературного языка предшествующих периодов, а с другой—они восприняли ряд языковых особенностей тех тюркских языков, носители которых проживают на территории Средней Азии и Золотой Орды (с. 7). К сожалению, это признание осталось на уровне декларативном: в книге не осуществлена попытка вычленить как традиционную языковую часть, так и диалектную (точнее, наддиалектную).

В соответствии с целевой установкой рецензируемая монография, разделы которой выполнены научными сотрудниками Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР под руководством Ш. Шукурова (им же монография подготовлена к печати), представляет собой обстоятельно и детально систематизированное (по грамматическим категориям) описание языка избранного круга источников. Особой тщательностью и глубиной разработки отличается глава «Глагол», написанная Ш. Шукуровым, автором монографии по проблемам исторического развития глагола и сгъ-категорий⁵. Авторы рецензируемой книги стремились в каждом случае показать «то общее, что существует между источниками (общий фонд, характеризующий все источники), и присущие каждому из источников особенности» (с. 3). Действительно, в книге указывается, какая из варьирующих грамматических форм используется во всех исследуемых источниках, какая в каком памятнике употребляется преимущественно, какая—редко, а какая не встречается совсем.

И только в очень редких случаях, преимущественно в той же главе «Глагол», прорываются наблюдения над языковой спецификой того или иного жанра. Так, например, оказывается, что прошедшее категорическое время на *-ды* не употребляется в «Мухаббат-наме» и «Огуз-наме» в I-м

и 2-м лице мн. числа (с. 178, примеч. 115): в стихотворных текстах «Гюльнестан битюрки» Сейфа Сарайи форма настоящего времени «типа *аладур+мэн*» используется в 3-м лице ед. числа (с. 191; см. также с. 203, 204). Между тем в ряде мест материал как бы сам напрашивается на то, чтобы в нем вычленили традиционную часть и диалектную (или наддиалектную), либте языковые элементы, наличие которых в памятнике литературно обусловлено: при этом необходимо было бы применять и статистический прием. Так, на с. 105 отмечено, что в «Тефсире» употребляется возвратное местоимение *этөз*; *өз* тоже встречается, как и *кэнду* и *кэнду-өз*. У читателя, естественно, возникают вопросы: что же употребляется чаще, а что реже, каково их соотношение и чем оно обусловлено? Те же вопросы встают при «поштучном» разборе других варьирующих местоимений, при упоминании о «смешанном характере употребления варьирующих форм»—порядковых числительных на *-чи*, *-ынчы*, *-ланчы*, *-нды*, *-ндүк* (с. 91), во многих других случаях. Надо ли говорить, что посильное решение подобных вопросов с применением современной методики изучения истории литературных языков, несомненно, усилило бы объяснительную сторону монографии.

В некоторых случаях не кажется бесспорной трактовка языковых явлений. На с. 43 говорится, что формы направительно-го падежа с аффиксами *-гару* .., *-ра/рә* в некоторых из исследуемых источников «встречаются sporadически». В то же время примеры приводятся: *қайғару* (ТФ) 'куда', *артқару* (ҚР, ХШ) 'назад', *ташра* (ТФ, НФ, ХШ) 'снаружи', 'вне'; возникает сомнение: а являются ли приведенные словоформы падежными; скорее всего, это уже наречия⁶. Относительно *-ра* в литературе неоднократно выражалось мнение, что это не есть формант падежа. Непростым является вопрос об инструментальном падеже. Как это убедительно показал Х. Г. Нигматов, уже в языке XI в. названный падеж имел ряд существенных ограничений в своем употреблении—он не присоединялся к именам, снабженным аффиксами множественного числа, принадлежности. Судя по примерам, приведенным в рецензируемой книге, эти ограничения действовали и в языке памятников XIII—XIV вв. (см. с. 58—61), однако упоминаний об этом здесь нет, как нет и наблюдений над частотностью словоформ инструментального падежа.

В разных местах монографии встречается материал (см., например, с. 116, 124 и след.), который просится быть сконцентрированным в разделе той именно «грамматической категории» (а точнее, пользуясь

⁵ Шукуров Ш. Фейл тарихидан: Қадимги туркий ёдгорликлар тилида майл ва замон формалари. Тошкент, 1970; *он же*. Ўзбек тилида феъл замонлари тараққиёти. Тошкент, 1976.

⁶ См. такую трактовку этих словоформ, например, в книге: Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963. С. 193, 291.

термином А. В. Бондарко, того «потенциально грамматического содержания»), которая так удачно вычленена в языке Навои Г. Абдурахмановым и А. Рустамовым, а именно «категории» личности—неличности («кишилик ва нокишилик»)7. Этот материал мог бы существенно обогатить и небольшой раздел «Глагольные формы лица—числа» (с. 153—154).

Как отсутствие согласованности между главами книги воспринимается тот факт, что, например, образования на *-гынча, -мышча*, с одной стороны, рассматриваются как деепричастия (с. 151—153), а с другой—как наречие (с. 215), причем иллюстрируются они одними и теми же примерами (Күчүм *йэтмишчэ көп хидмат кылайын* 'Пока достанет у меня сил, послужу-ка я еще'). Приводимая в качестве «наречия» причастная часть синтаксически организованного оборота (в составе причастия имеется соответствующий аффикс принадлежности: күчлэри *йэтэр-и-н-чэ* 'пока достанет у них сил'—с. 215) сама по себе доказывает всю произвольность подобных манипуляций над словоформами, искусственно вырванными из цельного оборота, необоснованность их квалификации как «наречий». Эти и многие другие примеры (особенно на с. 223) показывают, что в рецензируемой книге расширительно понимается образование наречий морфологическим и синтаксическим путем. Перечень подобных замечаний может быть продолжен.

Вместе с тем как явление положительное и поучительное хочется отметить, что, на-

пример, глава «Глагол» щедро демонстрирует всякие «странности» в употреблении причастий (см.: с. 128, 130, 131, 133, 136, 138). Речь идет о некоторых аномалиях, которые выглядят таковыми с точки зрения современных тюркских языков, но которые в сумме своей могут свидетельствовать о непростых (непрямолинейных) путях языкового развития, о языковых находках и утратах на этих путях. Введение подобных «аномалий» в научный оборот весьма важно: создание «банка аномалий» позволит историкам языка с большей полнотой выявить процессы «отставания» различных способов выражения, а следовательно—восстановить языковую эволюцию во всей ее сложности и полнокровности.

Книга добротню сделана в техническом отношении, в частности, игра шрифтов облегчает для читателя восприятие сложного языкового материала, многоплановых языковых сопоставлений. Безусловно, полезен грамматический указатель, завершающий книгу.

В целом рецензируемая монография производит впечатление серьезного труда, хотя и не исчерпывающе фундированного. Можно не соглашаться с теорией, которая положена в его основу, но нельзя не признать проделанной положительной работы. Учитывая, что в ней отсутствует заключение, вообще какие-либо выводы из произведенного морфологического описания, остается пожелать историкам языка Узбекистана обратить внимание на объяснительную сторону ведущихся историко-лингвистических исследований.

7 Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984. С. 31—33.

Г. Ф. Благова, Э. Н. Наджип,
Э. Р. Тенишев

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

М., 1987. ВЫП. XIX. 495 С.

Рецензируемый сборник представляет собой, как отмечают его составители, первый опыт в области синхронной тюркологии современных зарубежных ученых. В нем на материале турецкого языка рассматриваются проблемы фонологии, морфологии, просодии, морфологии, синтаксиса и т. д. Во вступительной статье А. Н. Конопова и А. Н. Барулина дан краткий обзор основных направлений грамматических исследований зарубежных тюркологов, ряда

вопросов турецкой грамматики, а также критический анализ некоторых теоретических положений отдельных авторов.

Значительное место в сборнике занимают труды Р. Б. Лиза. Из них наибольший интерес, на наш взгляд, представляет работа «Фонология современного нормативного турецкого языка» (с. 93—174), где турецкие фонемы описаны с помощью различительных признаков. Особое внимание уделено гортанной смычке и мягкому G,

которые автор характеризует как глайды. Глайды определяются пятью дифференциальными признаками—вокальностью, консонантностью, непрерывностью, низкостью, звонкостью (с. 101—105). На основе дифференциальных признаков подробно анализируются гласные и согласные фонемы турецкого языка.

Рассматривая фонологию заимствований, Р. Б. Лиз справедливо, по нашему мнению, отмечает, что «носители языка обычно могут отличать недавно заимствованные слова от исконных или очень давних заимствований исключительно по различию в их фонологии. Возможно, что основные различия между двумя этими классами морфем заключаются просто в том, что неисконные слова не подчиняются в других отношениях очень общим фонологическим правилам, таким, как ограничения на стечении согласных, или правила гармонии» (с. 105).

Исследуя типы согласных, способных сочетаться на стыке двух морфем, автор пишет: «За исключением определенного количества корневых морфем, оканчивающихся на глухой взрывной, которому предшествует плавный или назальный, и нескольких корней, сканчивающихся на сочетании фрикативного и взрывного, турецкие морфемы никогда не оканчиваются сочетанием согласных, если за ними не следует морфема с гласной инициальной» (с. 136). Данный факт имеет важное значение при сравнительном изучении фонологии тюркских языков. Так, существенное расхождение в этом плане наблюдаем, например, в азербайджанском языке, входящем, как и турецкий, в огузскую группу. Ср. тур. алт 'низ'—*alita* 'низзу' и азерб. алт—алтда.

В работе рассматриваются также природа ударения в турецком слове, оглушение финали, гармония гласных и согласных, умлаутизация перед (у) и ряд других вопросов, представляющих интерес не только для тюркологов, но и для лингвистов, занимающихся фонологическими проблемами общего языкознания.

Другая работа Р. Б. Лиза в сборнике посвящена гармонии гласных в турецком языке и фонологическому описанию ассимиляции (с. 175—201). По мнению автора, гармония может быть описана с помощью следующих двух правил: «первое—для ассимиляции по бемольности кратких диффузных гласных непосредственно предшествующим гласным, второе—для ассимиляции по низкости гармонируемых фонем предшествующим гармонируемым фонемам, содержащим признак [низкость]» (с. 178). К типам гармонируемых сегментов, способных ассимилироваться, он относит краткие гласные, веларные взрывные и плавные латеральные.

Что касается ассимиляции, то Р. Б. Лиз считает, что в турецком языке она прогрессивная, так как язык этот—чисто суффиксальный (с. 195).

Фонологии посвящены также статьи Дж. Лотца «Турецкий вокализм и вокалическая теория» (с. 37—47), Л. Гржебичка «Фонологическая структура турецкого слова» (с. 48—58), М. Яваша «Опыт экспериментального исследования гармонии гласных в турецком языке» (с. 77—92) и Н. Уотерсона «Некоторые вопросы фонологической структуры именных форм турецкого слова» (с. 59—76).

М. Яваш исследует заимствованные слова и на основе экспериментальных данных выявляет ограничения, действующие в области гармонии гласных в турецком языке. Он рассматривает действие правил гармонии в корнях без эпентетического гласного, с эпентетическим гласным и в суффиксальных морфемах.

Анализируя правила гармонии в корнях без эпентетического гласного, автор пытается определить продуктивность правила гармонии для корневых гласных (уподобление по признаку [\pm заднего ряда]) или, по крайней мере, понимание носителями языка необходимости подобной гармонии. Для этой цели испытуемым были предложены 24 пары бессмысленных слов, в каждой из которых одно слово соответствовало требованиям гармонии, а второе—нет. Эксперимент дал автору возможность выявить приемлемые и неприемлемые комбинации гласных.

Далее он ставит задачу проверить и выявить психологические основания действия правила гармонии на эпентетическом гласном. Как показал проведенный эксперимент, эпентетический гласный подчиняется правилам гармонии как по признаку [\pm заднего ряда], так и по признаку [\pm огубленный]. Последнее правило, однако, в зависимости от направления уподобления, действует по-разному. «При прогрессивной ассимиляции уподобляющийся гласный верхнего подъема приобретает признак огубленности независимо от подъема уподобляющегося гласного... При регрессивной ассимиляции... уподобляющийся гласный становится огубленным, только если уподобляющийся элемент—гласный верхнего подъема» (с. 87).

Наблюдая действие правил гармонии в суффиксальных морфемах (английское слово + турецкий суффикс), М. Яваш приходит к выводу, что действие правил гармонии в суффиксальной части слова получает несомненное подтверждение—носители языка осознают действие этих правил (с. 89).

Морфологии турецкого языка в сборнике посвящена еще одна статья Р. Б. Лиза, в которой рассматриваются некоторые аспекты звукового строя в нормативном языке городского населения Турции (с. 202—212). На специально отобранном материале прослеживается историческое развитие языка. Объектом исследования являются морфемы с именным посессивным суффиксом 3 л., на стыке которых происходят различные морфонологические изменения. Автор выявляет и подробно рассмат-

ривает возможные случаи морфонологического чередования как в исконно тюркских словах, так и в словах, заимствованных из арабского, составляющих значительную часть лексического фонда турецкого языка. Особое внимание он уделяет конечному «фантомному согласному» (*ghost consonant*). Исходя из конкретных примеров, Р. Б. Лиза устанавливает, что:

— гласный удлиняется перед «фантомом», стоящим в конечной или преконсонантной позиции;

— «фантом» опускается во всех случаях.

«Присутствие „фантома“ объясняет и выбор того варианта посессивного суффикса *3 л.*, который должен следовать за согласным» (с. 205).

Автор высказывает предположение, что в стамбульском диалекте праалтайский начальная **(g)* еще не окончательно утрачена, а заимствованные из арабского слова с долгими гласными еще не полностью усвоены турецким языком (с. 211).

Дж. Л. Малонэ в статье «Генеративная фонология и турецкая рифма» (с. 213—218) использует метод П. Кипарского¹, по которому основные принципы фонетической организации поэзии могут зависеть от морфонологических закономерностей. Исследуя проблемы, связанные с турецкой традиционной рифмой, автор, в принципе, ничего нового не предлагает. Он лишь рассматривает упомянутый метод применительно к турецкой рифмовке и заключает, что «рифмующиеся гласные должны быть идентичными (или неразличающимися) на глубинно-фонологическом уровне» (с. 217).

Морфология представлена в сборнике несколькими работами, в том числе статьей Р. Б. Лиза «Об одном способе экономного описания показателей лица и числа в турецком языке» (с. 219—244). В ней предлагается более экономное описание турецких личных морфем, призванное, в частности, проиллюстрировать преимущества трансформационного метода перед более традиционным описанием, выполненным в терминах парадигм (с. 219). Анализируются морфемы, присоединяемые к именным основам, а также выступающие в сочетании с глагольными основами.

В турецком языке, относящемся к агглютинативным, проявляются, однако, и черты изолирующих языков. Выяснению этого вопроса посвящена работа М. Добровольского «Агглютинативен ли турецкий язык?»

(с. 258—282). Данный вопрос рассматривается автором с точки зрения расстановки ударения. Показано, что нормативное ударение в турецком языке на последнем слоге является результатом действия более глубоких процессов, чем это до сих пор предполагалось в грамматических описаниях. По мнению автора, «эти процессы имеют непосредственное отношение к типологической характеристике, которая обычно не ассоциируется с турецким языком, а именно к изоляции» (с. 258—259).

В ряде представленных в сборнике работ освещаются вопросы синтаксиса турецкого языка. Это статьи «Построение номинализованных конструкций в турецком языке и проблема эллипсиса» Р. Б. Лиза (с. 311—323), «Роль противопоставления подлежащих и неподлежащих имен в турецком языке при выборе формы причастия в относительной конструкции» Х. Ханкамера и Л. Кнехта (с. 340—357), «Определенность и актуальное членение в турецком языке» Л. Юхансона (с. 398—425) и др.

В статье «Правила подъема в турецком языке» (с. 382—397) Дж. Малдер на материале турецкого языка доказывает, что существующие суждения относительно правила подъема, как он считает, являются ошибочными. Автор, в частности, утверждает, что правило подъема зависимого подлежащего в главное подлежащее используется в турецком языке для того, «чтобы превратить безличные (бесподлежащие) пассивные предложения в предложения с подлежащим путем подъема именного члена в позицию подлежащего исходно бесподлежащего предиката» (с. 382). Выводы подкреплены типологическими параллелями из малагасийского и полинезийских языков, входящих в аустронезийскую семью.

Согласно Б. Нилсону, для оформления имени аккузативным аффиксом важны не только степень определенности, но также референтный статус имени. Таким образом, должны быть учтены такие понятия, как конкретность и обобщенность денотата. Кроме того, аккузативным аффиксом могут оформляться имена в функции дополнения, не являющиеся референтными (с. 427). Эти положения выдвинуты в его статье «Определенность и референтность в связи с аккузативом в турецком языке» (с. 426—443). Помещена и другая статья Б. Нилсона—«Говорящий, текст и турецкое возвратное местоимение *kendisi*» (с. 444—454).

Заслуживают внимания также работы «Связка в турецком языке» Р. Б. Лиза (с. 245—257) и «Аорист в турецком языке» М. Яваша (с. 455—468).

Две работы посвящены турецкому каузативу—«О некоторых ограничениях на каузативацию в турецком языке» К. Циммера (с. 283—298) и «Нетипичный случай падежного оформления в турецкой каузативной

¹ Kiparsky P. Metrics and the phonemics of the Kalevala//Studies presented to Roman Jakobson by his students/C. E. Gribble (ed.). Cambridge (Mass.): Slavica publishers, 1968. P. 137—148; *Idem*. Metrics and morphophonemics in the Rigveda//Contributions to generative phonology/M. K. Brame (ed.). Austin: Univ. of Texas press, 1972. P. 171—200.

конструкции» Э. Эргуванлы (с. 299—310).

К. Циммер выделяет несколько ограничений на каузативацию. Один из типов ограничений на образование каузатива в турецком языке он называет морфологическим. Такие ограничения основаны на несовместимости с каузативизацией некоторых других синтаксических процессов, частично выражаемых глагольными суффиксами. К ним автор относит рефлексивизацию и пассивизацию (с. 284). Другой морфологический запрет, по его мнению, относится к пассивизации и каузативизации (с. 287).

Э. Эргуванлы стремится показать, насколько важны семантические роли глубинных падежей в каузативных конструкциях, выделяет проблему взаимоотношения пассивов и каузативов.

Представленные в сборнике статьи по методике исследования заметно отличаются от работ советских тюркологов. В них рассматриваются малоизученные, а отчасти даже неизученные нашими учеными проблемы фонологии, морфологии и просодии ряда тюркских языков. В некоторой степени это касается также актуальных вопросов морфологии, синтаксиса и грамматической семантики.

Об основных недостатках теоретических положений авторов говорится во вступительной статье к сборнику. Наши же замечания в основном носят частный характер. Ad hoc позволим себе возразить кое в чем авторам вступительной статьи.

На фоне представленных в сборнике исследований подраздел кратких сведений о турецком языке представляется излишним, к тому же он слишком лаконичен.

В некотором уточнении, на наш взгляд, нуждается перевод сказуемых на с. 17: memnun!ardır/memnundurlar 'Они—довольны'. Вряд ли их можно в полной мере считать синонимичными. Первое из них, по нашему мнению, имеет указательное, выделительное значение, тогда как второе указывает на состояние: Memnunlardır 'Они—довольные', Memnundurlar 'Они довольны'.

Стилистически не совсем правилен, по видимому, и перевод evimizdeyiniz 'Вы были в наших домах' (с. 17). Хотя наличие соответствующих аффиксов и допускает такой перевод, но для данного случая корректен «Вы были (находились) в нашем доме».

Неточности в переводе на русский язык имеются и в статьях сборника. Так, перевод сочетания существительных с аффиксом аккузатива всюду сопровождается притяжательным местоимением «его»: süti 'его молоко' (с. 66), ufilan 'его змея' (с. 101) и т. д. Правда, в определенном контексте такой перевод возможен, но перевод türkü 'его турок' (с. 69), dağ 'его гора' (с. 102), harbi 'его война' (с. 161) соответственно вместо 'турка', 'гору' и 'войну' выглядит просто курьезным.

Стилистически не совсем удачно подобраны примеры Р. Б. Лизом: Kızısınız 'Вы—де-

вушка', Kızımızız? 'Вы—девушка?' (с. 129).

Слово kızımдан (с. 62) следовало бы перевести как 'от моей дочери', а не как 'от моей девушки'.

Предложения Gocuk yatacak idi 'Ребенок уже не ляжет' и Gocuk yatacak değil idi/Çocuk yatmayacak idi 'Ребенок уже не ляжет' (с. 128) можно было бы перевести примерно так: 'Ребенок должен был (собирался, хотел) спать', 'Ребенок не должен был (не хотел, не собирался) спать'.

Неверно переведены также примеры на с. 149: geld'iki 'он пришел, и что же...', gelmed'iki 'он не пришел, и что же...'. В действительности же они означают соответственно 'он пришел, чтобы...', 'он не пришел, чтобы...' (или 'он пришел не для того, чтобы...'). Приведенные в сборнике переводы этих глагольных форм верны в том случае, если в них ударение падает на другой слог: geldik'i, gelmedik'i.

В уточнении нуждается и перевод примеров на с. 148. Так, глагольные сочетания gitmişken и gitmemişken переведены как 'когда уходил' и 'когда не уходил' соответственно, хотя они означают 'раз ушел...', 'раз пока не ушел...'.

Имеется и ряд других неточных переводов.

Есть замечания и терминологического порядка. Например, вместо привычного термина «хамза» в сборнике употребляется «гамза» (с. 161). В ряде случаев термин inherent в зависимости от контекста так или иначе переводился, однако на с. 322 он появляется в русской адаптации—«инherentный».

К. Э. Циммер, говоря о каузативной конструкции с агентивной группой, включающей элемент tarafından 'от него' (правильнее, однако, 'со стороны') (на русский язык обычно переводится творительным падежом), отмечает, что агентивная группа с участием tarafından «употребляется в каузативной конструкции только в случае, если у глагола включенного предложения имеются и прямая и косвенный объект». В качестве примера он приводит предложения Hasana mektubu Ayşe tarafından gönderttim 'Я побудил Айше послать письмо Хасану' и Kariyi Hasan tarafından açtırdım 'Я побудил Хасана открыть дверь' (с. 289). Автор приводит примеры без указания на источник, нам они представляются искусственными, поэтому едва ли можно принять его тезис.

Л. Юхансон пишет: «Предложение типа Çocuk çiçeği satıyor следует понимать как 'Ребенок продает цветок'. Здесь речь идет скорее всего об отдельном экземпляре, который к тому же охарактеризован как определенный» (с. 400). Однако автор тут же выражает сомнение в сказанном, и весьма справедливо, поскольку считает, что речь может идти не обязательно об одном, но и о множестве экземпляров. Противоречивость высказываний Л. Юхансона очевидна. Дело в том, что в турецком языке слово без показателя множественности

(-lar) может означать как один предмет, так и класс предметов (собирательность)².

² См.: *Kowalski T.* Zur semantischen Funktion des Pluralsuffix *-lar, -lär* in den Türksprachen//Polska Akademia Umiejetności. Prace Komisji Orientalistycznej. Krakow, 1936. № 25. S. 4; *В. Г. Гузев, Д. М. Насилов.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках//Вопр. языкознания. 1975. № 3. С. 98—111.

Поэтому о единичности или же множественности судить в данном случае трудно. Здесь говорящий может иметь в виду и один цветок, и множество цветков, а определенность в обоих случаях сохраняется.

В сборнике допущен ряд опечаток (с. 85, 288, 303 и др.).

В целом книга представляет интерес, дает обширную информацию о работах зарубежных ученых.

Х. М. Зарбадиев

PERSONALIA

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА УБРЯТОВА

(К 80-летию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения тюрколога-якутоведа, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Якутской АССР, профессора Елизаветы Ивановны Убратовой.

Е. И. Убратова начала свою научную, педагогическую деятельность в 1929 году по окончании филологического факультета Иркутского государственного университета, в 1932 году была направлена на работу в Таймырский национальный округ. Здесь она преподавала в школе для норильских долган, изучила их язык, и это предопределило ее будущую научную специальность. Вскоре Е. И. Убратова поступила в аспирантуру Института народов Севера в Ленинграде, избрав темой своего исследования язык норильских долган. Под руководством выдающегося тюрколога, члена-корреспондента АН СССР С. Е. Малова она прошла прекрасную теоретическую подготовку

и по окончании курса аспирантуры была принята на работу в Институт языка и мышления им. Н. Марра АН СССР. В 1940 году ей присуждается ученая степень кандидата филологических наук.

Уже первой своей работой Е. И. Убратова заявила о себе, как о талантливом исследователе. Ее последующие труды, вся ее научная деятельность на протяжении многих лет подтверждают это. С ее именем связано рождение якутской диалектологии, ибо она впервые открыла наличие диалектов (говоров) в якутском языке, своеобразия их происхождения и функционирования.

Диалектологические работы Е. И. Убратовой имеют принципиальное методологическое значение для тюркской и общей диалектологии.

В последние полтора десятилетия под руководством Е. И. Убратовой осуществлялось масштабное мероприятие, создавался Диалектологический атлас тюркских языков (ДАТЯ), над составлением которого трудилось большое число тюркологов страны. Эта работа успешно завершена.

Значительны заслуги Е. И. Убратовой в изучении синтаксического строя якутского языка. В ее капитальных монографиях (1950, 1976, 1977) многие вопросы якутского синтаксиса впервые получили глубокое и всестороннее освещение. Высокий научный уровень исследований, богатство и разнообразие рассматриваемого материала, глубокий анализ наиболее сложных и спорных проблем синтаксиса тюркских языков позволили автору разработать оригинальное и в то же время стройное учение не только о якутском, но и в целом о тюркском синтаксисе, которое раскрывает специфические особенности и основные закономерности синтаксического строя тюркских языков.

В работах ученого исследуются также многие неизученные ранее вопросы морфологии якутского языка, по-новому выясне-

на природа причастий, дана генетико-морфологическая характеристика союзов и союзных сочетаний, раскрыты генезис падежной системы, модальных слов, способы выражения эмоциональности и др. Кроме того, Е. И. Убрятова написала целый ряд специальных работ, посвященных сложным вопросам якутской грамматики и лексикологии.

Она внесла немалый вклад в изучение истории якутского языка, впервые в тюркологии выявила тесные связи якутского языка с языком орхонских памятников, а также показала сложные и многообразные взаимоотношения древнетюркского языка, легшего в основу якутского языка, с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. В этих работах Е. И. Убрятова раскрыла закономерности исторического развития звукового строя и морфологии якутского языка, происхождение его отличительных особенностей на всех уровнях, а также место якутского в алтайской языковой семье.

Исследования Е. И. Убрятовой по истории якутского языка важны для разработки истории языков, не имевших ранних письменных памятников, и теории языковых контактов.

Внимание Е. И. Убрятовой привлекает и история изучения якутского языка. Опубли-

кованный ею в 1945 году «Очерк истории изучения якутского языка» по сей день служит пособием для студентов Якутского государственного университета. Ею написаны статьи о научной и общественной деятельности О. Н. Бетлинга, С. Е. Малова, Л. Н. Харитонова, А. Е. Кулаковского и др.

Е. И. Убрятова принимала активное участие в разработке нового якутского алфавита на основе русской графики и принципов ныне действующей якутской орфографии.

Руководя в течение многих лет сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР и отделом филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Е. И. Убрятова проводила большую научно-организационную работу. Велики ее заслуги и в подготовке научных кадров по якутской филологии.

Е. И. Убрятова продолжает плодотворно трудиться, и мы, ее ученики, коллеги, друзья, желаем ей здоровья, творческого долголетия на благо советской тюркологической науки.

*Е. И. Коркина, Н. Е. Петров,
П. А. Слепцов*

ГУЛЬДЖАМАЛ БАКИНОВА

(К 70-летию со дня рождения)

Исполняется 70 лет со дня рождения и 40 лет научно-педагогической деятельности

одного из старейших киргизских языковедов, кандидата филологических наук Гульджамал Бакиновой.

Педагог по образованию, она в 1954 году успешно защитила кандидатскую диссертацию по киргизской филологии и с того времени уже более 30 лет работает в секторе диалектологии и истории киргизского языка ИЯЛ АН Киргизской ССР.

Г. Бакинова принадлежит к тому поколению киргизских языковедов, начало деятельности которых приходится на военные и послевоенные годы — период становления киргизской лингвистической науки. Начав исследования в области диалектологии, она участвовала в первых фольклорно-лингвистических экспедициях, а затем сама ежегодно руководила экспедиционными поездками по изучению диалектов киргизского языка в республике, а также в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане. При ее непосредственном участии был собран богатый фактический материал объемом 480 печ. листов. Творческим итогом этой работы стали монографии Г. Бакиновой «Из материалов по Иссык-Кульскому говору» (1955), «Ошские говоры киргизского

языка» (1956), а также написанные в соавторстве с другими лингвистами «Киргизские говоры Джалал-Абадской области», (1958), «Чуйский говор киргизского языка», (1959), «Особенности языка киргизов Тянь-Шаня» (1960) и др. Г. Бакинова участвовала в описании почти всех основных говоров киргизского языка, в создании учебников, учебно-методических пособий по киргизскому, русскому языкам, а также киргизской диалектологии, является авто-

ром и соавтором около сорока работ по различным проблемам киргизского языкознания.

Поздравляя талантливую ученую, педагога, чуткого наставника Гульджамал Бакинову с юбилеем, ее коллеги, ученики, друзья желают ей доброго здоровья, новых творческих успехов.

Ч. Джумагулов, Ж. Джумалиев

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет	3
Х. Короглы (Москва). Вопросы тюркской фольклористики	32
Э. И. Фазылов (Ташкент). Тюркская текстология: итоги и перспективы	39

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. Гаджиева (Москва). Проблема языкового типа	43
З. Г. Ураксин (Уфа). Общность образно-фоновой и лексической основы фразеологических единиц алтайских языков	52

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Герхард Дёрфер (Геттинген, ФРГ). О количественной градации гласных в халджемском языке	55
Н. А. Баскаков (Москва). К проблеме китайских заимствований в тюркских языках	69

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. Барандеев (Москва). Гидрографические термины тюркского происхождения в «Книге Большому Чертежу»	76
Х. С. Джанибеков (Нальчик), А. А. Чеченов (Москва). О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего времени индикатива карачаево-балкарского глагола	86
С. И. Андросова (Москва). Субституция гласных русских заимствований в якутском языке	96
Ф. Е. Вейсалов, Р. М. Исаева (Баку). Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных (b), (p), (d) и (t)	104
Ч. М. Гусейнзаде (Баку). О двух древнетюркских антропоформантах	111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
ОБЗОРЫ

А. М. Шербак (Ленинград). К изучению старотюркской и персидско-таджикской литературы (обзор работ Турхана Ганджен)	116
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Г. Ф. Благова, Э. Н. Наджип, Э. Р. Тенишев (Москва). XIII—XIV асрлар туркий адабий ёдгорликлар тили: Морфология	125
Х. Зарбалиев (Баку). Новое в зарубежной лингвистике: проблемы современной тюркологии	127

PERSONALIA

Е. И. Коркина, Н. Е. Петров, П. А. Слепцов (Новосибирск). Елизавета Ивановна Убрятова	132
Ч. Джумагулов, Ж. Джумалиев (Фрунзе). Гульджамал Бакинова	133

C O N T E N T S

Turkic linguistics for 70 Years in the USSR	3
<i>Kh. Korogly</i> (Moscow). The questions of Turkic folkloristics	32
<i>E. I. Fazylov</i> . (Tashkent). Turkic textology: results and prospects	39
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
<i>N. Z. Gadjieva</i> (Moscow). The problem of language type	43
<i>Z. G. Uraksin</i> (Ufa). Figurative—background and lexical basis commons of phra- seological units in the Altai languages	52
<i>DISCUSSIONS</i>	
<i>G. Doerfer</i> (Gettynghen). On the quantitative gradation of vocals in Khaladj language	55
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Towards the problem of Chinese borrowings in Turkic languages	69
<i>MATERIALS AND REPORTS</i>	
<i>A. V. Barandeyev</i> (Moscow). Hidrographic terms of Turkic origin in «The Big Draving Book»	76
<i>Kh. S. Janibekov</i> (Nalchick), <i>A. A. Chechenov</i> (Moscow). On the temporal, aspectual and modal signs of the Past forms of indicative of the verb in Karachai—Balkar	86
<i>S. I. Androsova</i> (Moscow). Substitution of Russian vowel borrowings in Yakut	96
<i>F. E. Veisalov</i> , <i>R. M. Isayeva</i> (Baku). Acoustic features of plosives (b), (p), (d) and (t) in Azerbaijani	104
<i>Ch. M. Guseinzade</i> (Baku). On the two O'd Turkic antropo'ormants	111
<i>CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY</i>	
<i>SURVEYS</i>	
<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). Towards the study of Old Turkic and Persian—Tadjic literature (surveys of Turkhan Gandjai's works)	116
<i>REVIEWS</i>	
<i>G. F. Blagova</i> , <i>E. N. Nadjip</i> , <i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). XIII—XIV asrlar turkñi adaбий ёдгорликлар тили: Морфология	125
<i>Kh. Zarbaliyev</i> (Baku). Новое в зарубежной лингвистике: проблемы современной тюркологии	127
<i>PERSONALIA</i>	
<i>E. I. Korkina</i> , <i>N. E. Petrov</i> , <i>P. A. Sleptsov</i> (Novosibirsk). Elizaveta Ivanovna Ubryatova.	132
<i>Ch. Jumagulov</i> , <i>Zh. Jumaliyev</i> (Frunze). Guljamal Bakinova.	133

© «Советская тюркология», 1987.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина*, *Г. В. Жилин*

Сдано в набор 2.11.87 г. Подписано к печати 17.02.88 г. ФГ 05008. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 10443. Тираж 2515. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.